

ГРАНТ МАРТИРОСЯН

**ПО ВЕЛЕНИЮ СПРАВЕДЛИВОСТИ
И РАЗУМА**

(воспоминания)

1674245

947.925

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ГРАНТ МАРТИРОСЯН

ПО ВЕЛЕНИЮ РАЗУМА И
СПРАВЕДЛИВОСТИ

(ВОСПОМИНАНИЯ)

P II
1658291

ՄԵՍՐՈԲ ԱՊՁ. ԱՇԽԵԱՆ
ՍԻՏԵԼԻՍԻՄ
168

ARCH. MESROB ASHJIAN
BOOK SERIES
168

Mesrop Ashjian

ԵՐԵՎԱՆ 2018
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

УДК 94(479.25)
ББК 63.3(5Арм)
М 291

Ответственный редактор: С. М. Хачатрян

Мартirosян Грант

М 291 По велению разума и справедливости (воспоминания)/
Грант Мартirosян. - Ер.: Институт истории, 2018. – 332 с.

Воспоминания видного партийного и государственного деятеля Гранта Мартirosяна (1913-1998), в 40-60-е годы XX века занимавшего важные посты в руководящих органах республики, затрагивают очень сложный и противоречивый, однако интересный период истории Советской Армении. Позиция автора, оценки, которые он дает описываемым персоналиям и событиям, могут стать ценным источником для историков, политологов, всех, кто интересуется советским периодом истории армянского народа.

УДК 94(479.25)
ББК 63.3(5Арм)

ISBN 978-9939-860-58-9

© Институт истории, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

АННОТАЦИЯ РЕДАКТОРА ПЕРВОЙ ЧАСТИ КНИГИ Г. М. МАРТИРОСЯНА	4
О МЕМУАРАХ ГРАНТА МАРТЫНОВИЧА МАРТИРОСЯНА	7
ВТОРАЯ ЧАСТЬ КНИГИ Г. М. МАРТИРОСЯНА ВОСХОЖДЕНИЕ (1947-1953)	18
МОСКОВСКАЯ ПРЕЛЮДИЯ	73
НОВЫЕ 'ПАЛЕСТИНЫ'	105
ПЕРВАЯ ЗАРУБЕЖНАЯ ПОЕЗДКА.....	133
В БОРЖОМИ С ИРУЛЬКОЙ	151
ОТКУДА НИ ВОЗЬМИСЬ – НИГМИ	153
ПОЕЗДКА ВО ФРАНЦИЮ.....	159
ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ, ХРУЩЕВ РАЗБУШЕВАЛСЯ	181
НЕОЖИДАННЫЙ ПРЫЖОК В СТАТИСТИКУ	190
АННОТАЦИЯ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ КНИГИ Г. М. МАРТИРОСЯНА.....	322
СПРАВКА О СЕМ СЕМЬЕ ЕЙСТВЕ Г.М. МАРТИРОСЯНА	331

АННОТАЦИЯ РЕДАКТОРА ПЕРВОЙ ЧАСТИ КНИГИ Г. М. МАРТИРОСЯНА

Прежде чем приступить к рассказу, как начиналась моя работа на новом месте, – пишет Г.Мартirosян, – нужно представить Н.А. Михайлова с которым мне суждено было проработать ровно, почти день в день, три года. Он был из категории тех людей, у которых хорошая голова, но скверный характер. Голова была, как говорится от Бога, а характер выработался на протяжении лет, когда он витал в самых верхах советской элиты. Когда в 1937 г. первого секретаря ЦК ВЛКСМ Косарева постигла роковая судьба, на его место был выдвинут Михайлов, входивший в состав бюро ЦК как редактор газеты “Комсомольская правда”.

В этой должности он пробыл очень долго, около полутора десятка лет. Официальный образовательный ценз у него был низок, чуть ли не семилетка, но нельзя утверждать, что из-за этого был он совсем уж неполноумным. Жизнь его натаскала, и при сравнительно неплохих умственных способностях, выглядел он достаточно интеллектуально.

Однако, та же жизнь избаловала его, превратила в барчука, которому всё достижимо, много лет окруженного льстецами и подхалимами. Поэтому, выработалась у него манера глядеть на всех поверх голов, произносить монологи, не интересуясь мнением других, буквально извергать всякие идеи, большей частью, прожекторские. Дня не проходило, чтобы он не придумал что-либо близкое к сенсации, и беда в таких случаях заключалась в том, что аппарат до предела загружался никому не нужным делом, заведомо зная, что вся работа найдет бесславный конец в корзине для бумаг. Тем не менее, многое из этого в разных формах представлялась в ЦК КПСС, где отмахивались от Михайлова, как от назойливой мухи, считав однажды, что в течение года от него поступает к ним не-

сколько сот всяких предложений, или, как минимум, информации, зачастую по вопросам, не имеющими касательства к Комитету по печати. Вероятно, поэтому, в высшем эталоне его, не то что едва, а вовсе, не терпели, на уровне секретарей ЦК КПСС (а также и Косыгина) никогда не принимали, несмотря на его многочисленные просьбы об аудиенции.

“И вот теперь,— пишет Г. Мартиросян, — я оказался в роли заместителя Н.А. Михайлова, стало быть, бывшего многолетнего первого секретаря ЦК ВЛКСМ, бывшего министра культуры СССР, бывшего посла в Польше, и, наконец, бывшего посла в Индонезии, где он просмотрел уготовленную президенту Сукарно трагическую судьбу и был отозван. Коллегами моими были — первый заместитель председателя В.С. Фомичев, заместители: — Н.И. Спихнулин и Е.В. Хамутов. Под мою юрисдикцию попали, Главное управление республиканских и областных издательств, Главная редакция научно-технических издательств, управление книжной торговли “Союз книга”, отдел пропаганды книги и осуществления связей Комитета с советскими организациями, работающими за границей”:

За годы работы ему приходилось руководить многими комиссиями по проведению выставок внутри страны и в зарубежных странах. Но 1984 г. был особенно радостным. Во первых, привели нового председателя — Б.Н. Стукалина, заведующего Отделом пропаганды ЦК КПСС, человека выдающихся способностей, с которым автор мемуаров проработал бок о бок более пяти лет. “В этот год, — указывал наш автор, — выпало на мою долю прямо-таки счастье, из тех, которые не забываются всю жизнь — поездка в Венецию, для участия во всемирной конференции ЮНЕСКО. Советскую делегацию руководила министр культуры СССР Екатерина Алексеевна Фурцева.

30 марта 1971 г. открылся XXIV съезд КПСС. ЦК КПСС поручил Комитету по печати организовать кулуарах съезда широкую

книжную выставку. Выставку организовал Г. Мартиросян. Он присутствовал также на всех заседаниях (кроме выборов). Делегатом партсъезда из Армении был также автор этих строк. Наша встреча была исключительно радостной и теплой.

Неделю до этого он перед тем получил в Москве добротную квартиру, в доме построенном до войны на Фрунзенской Набережной, дом 40, кв. 102. И вот в эти съездовские дни, в один из вечеров, он пригласил меня к себе домой. Мы, с добрым армянским коньяком “Наири” провели удивительный вечер, беседовали обо всем, что копилось у нас долгое время и волновало нас. К сожалению, это была наша последняя встреча.

О МЕМУАРАХ ГРАНТА МАРТЫНОВИЧА МАРТИРОСЯНА

Мемуарная литература у нас довольно богатая – свыше 30 книг. Авторы этих книг, большей частью, ушли из жизни, но сумели оставить нам весьма ценные свидетельства о своей эпохе, о нашем народе и его самоотверженных деятелях. Разумеется, ценность этих мемуаров – различная. Некоторые из них восхищают читателя своей основательностью, честностью, патриотизмом и мудростью. Безусловно, к ним относятся и мемуары Гранта Мартыновича Мартиросяна. Жизненный путь его намного шире, чем у других, высока и одоренность этого удивительного человека и деятеля. Отсюда и большой интерес к его творчеству.

По свидетельству автора, мемуары были написаны в 1979 – 1988 годах, в Москве. Болезнь и личные невзгоды не дали возможности для издания.

Его друзья и близкие в Ереване, в те беспокойные годы, утратили связь с Г.М. Мартиросяном, даже не знали о его кончине. Лишь два года тому назад нам стало известно, что он написал интересные мемуары, которые находятся в Москве, у его потомков. Через добрых людей с большим трудом удалось получить записи в трёх частях. Ознакомившись с ними, директор Института истории Армянской национальной академии, академик Ашот Агасиевич Мелконян с готовностью согласился издать мемуары в несколько сокращенном варианте. Но это сокращение не касается 20-летней жизни и деятельности Гранта Мартиросяна в Армениии.

Из сокращенной части, отдельные характерные факты и эпизоды попытаемся изложить в данном предисловии.

Мемуарист, в первой книге, справедливо отмичает, что его поколение с первого же детского лелета относится к двадцатому веку. “Новая формация, которой многие из нас отдавались беззаветно...

Наступили уже двадцатые годы, а в домах ещё светились чудс-лампы (и то в лучших случаях) на керосиновом топливе, под маговым абажуром и с противовесом... И всё это – до космических далей и атомного века, века сказочных информационных средств, века чуда под названием ЭВМ, – в жизни одного поколения”. – Это первое обстоятельство. Вторим обстоятельством, пишет автор, является то, “что вся моя жизнь была заполнена чтением, при этом, без всякого преувеличения, буквально с четырех-пятилетнего возраста. Да, именно чтением! Ни дня без чтения – даже если очень занят, хоть несколько страничек. Без всякого принуждения – просто неистребимая потребность. И вот, чтение в моей жизни заняло такое место, что, порою, кажется мне – вся моя жизнь состояла из чтения, а всё остальное время – промежутками между очередными турами чтения. Иногда, а, скорее всегда, одолевала жадность, ещё не начав читать новую книгу, уже думал о следующей, и не терпелось закончить эту, чтобы приняться за следующую... Просто всю жизнь я был одержим чтением и этому, смею думать, очень многим обязан. Безусловно, именно чтение явилось одним из главнейших обстоятельств, определивших очень многое на моей жизненной стезе”.

О предках. Автор сообщает, что они были не слишком аристократичны. Зато среди них была и знаменитость, правда только местного, “гянджинского масштаба”. Это был мой прадед, отец отца Мартирос. Марторос, будучи ещё молодым парнем, отправился с товарищами не куда-нибудь, а в Иерусалим, к гробу Господня. После завершения путешествия, с татуированным на руке почетным знаком, свидетельствующим о пребывании в святом городе, он не пожелал возвращаться в деревню, а обосновался в городе. Так он стал почетным гражданином города, вскоре получившем наименование Елизаветполь и ставшим центром одной из захолустных губерний Российской Империи.

За сим последовала женитьба продеда. Избранницей его стала будущая моя прабабка по имени Мьяк (по - мусульмански – ангел). Она прожила 108 лет. В молодости обладала неопикуемой красотой, да такой, что одевали её в мальчишескую одежду и не часто выпускали на улицу, так как красивых девушек персы немедленно умыкали.

Дед Аршак, по официальному патенту, числился “азиатским портным”: шил чухи, архалуки, бешметы, черкески и пр. Но под старость больше занимался садом и виноградником.

Родители Г.М. Мартиросяна до Первой мировой войны проживали в Гяндже – Елизаветполе, затем переехали в Тбилиси, где в 1913 г. родился Г.М. Мартиросян. Через несколько лет свершилась Февральская революция, и мальчик Грант хорошо запомнил, что портреты государя и государыни кто-то отнес в отхожее место.

Многих пораало то, что в Тбилиси, когда Гранту не было и четырех лет, он совершенно гладко, без запинки, умел читать.

Он не только свободно читал любой текст, но и знал названия всех стран мира и их столиц. Вот таким был он вундеркиндом, который, повзрослев, стал вундерперсоной.

В Тифлисе Г.М. Мартиросян прожил с 1917 по 1937 гг. Он пишет, что необычайно колоритен был Тифлис того времени. В 1926 г. в нем числилось 282 тыс. жителей, из них 60 % составляли армяне.

В 1921 г. В Тифлисе воцарилась советская власть. В жизни подростка Гранта произошло такое немаловажное событие, как поступление в школу.

Поскольку Грант совершенно свободно читал, писал и даже считал, его сразу зачисляю в второй класс русской школы. С самого начала он проявил большой интерес к литературному чтению и искусству.

“Читая запоем, причём многое, даже совсем не по возрасту”, – вспоминает Грант Мартиросович, – в течение школьных лет я прочитал всё основные произведения русской и мировой классики.

Такое же рвение и интерес он проявил к искусству. Благо, пишет Г. Мартиросян, его родители и близкие были поклонниками театрального искусства и часто посещали спектакли лучших театров Тифлиса. Известный “Артистический театр” тогда объединил лучшие армянские творческие силы того времени и, кроме произведений армянской драматургии, ставил также русскую, западноевропейскую классику. Следует особо подчеркнуть такую характерную направленность и Артистического тетара, как спектакли трагедийного жанра, среди которых превалировали Шекспир, Шиллер, античные трагики - Софокл, Эсхил, Эврипид и др. Успехам спектаклей весьма способствовало участие в них блистательной плеяды армянских актеров – Сирануйш, Абеяна, Алиханяна, Арус Восканян, Зарифяна и многих других. Уместно отметить, что Тифлис вообще являлся местом сосредоточения наиболее выдающихся культурных деятелей армянской нации: писателей – Саят-Нова, Габреля Сундукяна, Нар-Доса, Раффи, Перча Просяна, Мурацана, Ованеса Туманяна, Газароса Агаяна, Акопа Акоюна, Акопа Агабаба; художников Овнатяна, Башинджагяна, Агаджаняна, Аракеляна, Суреняца, Татевосяна; многих композиторов, ученых (вплоть до современных – Арама Хачатуряна, Виктора Амбарцумяна, физиков братьев Алихановых и др.), словом, всех невозможно перечислить. Значительное число армянских культурных деятелей работало и творило в Баку (Ширванзаде), в Ростове (Рафаел Патканян, Микаел Налбандян, Мартирос Сарьян, в Крыму (Айвазовский, Спендиаров). Перечень этим далеко не исчерпывается).

Итак, отмечает Г. М. Мартиросян. До революции самый цвет исторических сил армянского народа в массе проживал и творил в Тифлисе.

Молодой Грант старался не пропускать ни одного театрального представления. Он рано полюбил и музыкальное искусство, с детства хорошо играл на пианино. На всю жизнь полюбил кино.

В 1937 г. Г. Мартиросян окончил Тбилисский политехнический институт (бывший горный) и по своему желанию был направлен в г. Шахты Ростовской области в распоряжение треста “Шахтантрацит”, в качестве горного инженера.

Комбинат давал стране самое большое количество высоко-сортного антрацита. Но в этой грубой шахтёрской среде образованному и культурному специалисту было неуютно. Он глубоко проанализировал свои промахи, допущенные по неопытности в начальной период работы в шахте, стал лучше понимать рабочую обстановку и людей. Вскоре он познакомился с приехавшим из Ростова молодым человеком, который был интересным собеседником, внимательным и чутким человеком. Им оказался второй секретарь городского комитета комсомола – Ваня Самойлов. Он приехал с заданием, сформировать новое руководство Шахтинского горкома комсомола, незадолго до этого обезглавленного вследствие ареста первого и второго секретарей. Он подобрал новых секретарей горкома, и завершив свою миссию, уже собирался возвратиться в Ростов. Через несколько дней между ними произошел откровенный разговор, Ваня Самойлов, восхищенный его начитанностью, трезвыми суждениями, предложил ему перейти на комсомольскую работу. Г. Мартиросян с радостью принял это предложение и был назначен инструктором горкома комсомола. Эта встреча с Самойловым коренным образом изменила судьбу Г. Мартиросяна.

Окружённый всеобщим вниманием и уважением, пишет Г. Мартиросян, я не только полностью избавился от Комплекса неполноценности, но и стал работать увлечённо и с воодушевлением. Появились у него много новых, хороших товарищей. Не прошло и трёх месяцев, как он был назначен заведующим вновь созданным отделом руководящих комсомольских органов горкома. Эта работа во всех отношениях была ему по душе: Он понял, что его призвание-организаторская работа.

В 1938 г. в Ростове Г. Мартиросян женился. Жена – Серафима (Сима) Андреевна Хлебникова, ставшей Серафимой Андреевной Мартиросян, с которой, как он пишет “мы прожили 42 года подряд, прожили так, как дай Бог каждому”.

Грант Мартынович снова направили на ответственную производственную работу на комбинате “Ростовуголь”. Работа была интересная и высоко оплачивалась. Он работал весьма успешно, пользовался доверием и уважением, хотя ему было всего 25 лет. В 1939 г. он вернулся на комсомольскую работу – избран первым секретарём Шахтинского горкома комсомола. В партию вступил в 1939 г. В ноябре того же года был избран вторым секретарём Ростовского обкома комсомола.

В 1940 г. в Ростов приезжает работник ЦК КПСС Назаров, с целью произвести набор в Высшую партийную школу при ЦК партии.

Возможность учебы в партшколе Г. Мартиросян принял восторженно. Первый набор был произведен в 1939 г., второй – 1940 г., каждый набор – по 500 человек. Лекции читались не одним лектором по целому курсу, а лучшими специалистами по отдельным циклам данной дисциплины. Блестящие лекторы: академик Тарле, Емельян Ярославский; философию читали Митин и Розенгаль. Хороших, даже отличных лекторов было большинство, но были и такие начетчики, как Митин, и особенно Поспелов, читавшие шаблонно, нудно. Поспелов читал невыносимо скучно, хотя числился академиком, при Н. Хрущёве стал даже секретарём ЦК КПСС.

В школе преподавалось два языка – иностранный и русский. Что касается иностранного языка, то надо было выбрать один из трёх – английский, французский или немецкий.

Характерной и самой плодотворной особенностью занятий в партшколе явилось обязательное и хорошее изучение первоис-

точников. За два года студенты изучали с полным конспектированием трудов Маркса, Энгельса, Ленина, Плеханова, Сталина.

Труды Сталина, пишет автор, отличались тем, что легко усваивались. Почти на уровне художественного произведения писали свои труды Энгельс и Плеханов, теоретические, в основном, полемические труды Ленина давались труднее. Были крайне трудны произведения Маркса (кроме исторических). Но надо было всё осваивать. И осваивали. Да и условия для внеаудиторных занятий были идеальными.

Во всем этом, вскоре внесла свои коррективы война. Был ускорен выпуск старшего курса. Те, кто имел офицерские звания, сразу же отправились в Действующую армию, остальных направили в распоражение местных парторганов. Первый курс продолжал учебу. В первых числах июня 1942 г. Г. Мартиросян был назначен инструктором управления пропаганды и агитации ЦК КПСС (в возрасте около 29 лет).

Начальником управления пропаганды и агитации ЦК был академик Георгий Александров, он же – ректор партийной школы при ЦК, весьма образованный, умный, тонко воспитанный человек, прекрасный знаток античной философии, автор ряда выдающихся трудов. В 1947 г. его публично осудили во время пресловутой борьбы с космополитизмом.

Случилось так, пишет Г. Мартиросян, что уже при Хрущеве за Александра взяли уже совсем вкрутую. Истинной, но необъявленной подоплекой была его личная близость к Г.М. Маленкову, что в глазах Хрущёва явилось прямым криминалом.

В аппарате ЦК КПСС Г. Мартиросян работал исключительно добросовестно, выполнял множество ответственных поручений, проявлял высокую культуру и профессионализм в работе. В ноябре 1945 г. он получил первое повышение в партийном аппарате – назначение на должность заведующего сектором ЦК. Тогда ему испол-

нилось 32 года. Через некоторое время, в октябре 1946 г. состоялась первая командировка Г. Мартиросяна в Армению, в Ереван. Тогда, в отделе печати ЦК КПСС запланировали изучить качество и полиграфическое исполнение местных газет. Некоторые из них были признаны неудовлетворительными. В их числе оказались и газеты Армении. Для оказания им помощи, из числа лучших мастеров-полиграфистов московских газет были организованы комплексные бригады, которые и были направлены в республики. Армянской группой руководил Г. Мартиросян.

В этот первый официальных приезд в Ереван состоялось знакомство Г. Мартыновича с руководителями республики и с первым секретарём ЦК КП Армении Григорием Артемьевичем Арутюнян.

К 1947 г. выявилось неблагополучие в руководящих сферах ЦК КП Армении. Пока шла война, некогда было склоничать и устраивать грызню в руководящих сферах. Авторитет первого секретаря ЦК был непререкаемым. Но вот кончилась война и те, кто считал себя обделенными, вступили в оппозиционную борьбу с первым секретарём ЦК, да и между собой.

Председатель Совета Министров Саак Карапетян, волевой, высокомерный, прямыми проявлениями карьеризма, многим пришел не ко двору. Много нареканий вызвал драчливый по характеру второй секретарь ЦК Сурен Микаелян, немало недругов имел третий секретарь ЦК Агаси Чарчоглян. Остался за бортом и не мог с этим смириться один из бывших секретарей ЦК Шмавон Арушанян. Словом, в руководстве республики началось неопишеская свара, ЦК КПСС захлестнул поток писем, телеграмм, различных жалоб.

Когда чаша терпения переполнилась, было решено направить в Армению комиссию с поручением разобраться, что происходит в республике. В состав комиссии был включен и Г. Мартиросян. Результаты проверки были рассмотрены на оргбюро ЦК под руководством А.А. Жданова. Докладчик-начальник управления по провер-

ке парторганов Ларионов, поддержал Арутюняна и упрекнул его лишь за выдвижение на пост председателя Совета Министров Саака Карапетяна. Было решено направить из Москвы и других мест в Армению ряд работников-армян. Список был согласован с Арутюняном и в нем оказалась и фамилия Г. Мартиросяна. Вновь крутой поворот в его судьбе. Некоторые в Армении приезд работников “извне”, приняли негативно и зло. Один из них – корреспондент “Правды” по республике Г. Айрян. При рассмотрении в верхах кандидатуры, на Г. Мартиросяна пришло сразу два представления – заместителем заведующего отделом науки ЦК КПСС и отправка в Армению, при этом было отдано предпочтение направлению в республику.

Непосредственный начальник Г. Мартиросяна и его близкий друг Шамберг, при беседе прямо сказал, что видит для него очень большие перспективы в республике. Это чуть было не произошло в действительности, спустя несколько лет...

Этим мы желаем завершить изложение сути части первой книги Г. Мартиросяна. Вторая часть его книги, на наш взгляд, наиболее интересная, охватывает 20-летний период его деятельности в Армении.

С Грантом Мартиросяном я несколько лет работал в Комитете государственного контроля при Совете Министров Армении. Комитет в 1961 г. переименовали в Коммисию советского контроля, а позже – в Комитет народного контроля, Эти контрольные органы выполняли большую и ответственную работу по обеспечению выполнения народохозяйственных планов и решений высших партийных и советских органов. Аппарат этого контрольного органа комплектовался очень тщательно из числа опытных и честных работников народного хозяйства, а руководители, как правило, назначались из числа работников высших партийных и советских органов.

Через несколько лет, новый руководитель республики, порядочный и образованный Яков Никитович Заробян назначил

руководителем комитета Гранта Мартиросяна. Его очень хорошо знали старые работники, ибо, после освобождения его с поста второго секретаря ЦК, его назначили заместителем председателя госконтроля. Все они восхищались им, а я, секретарь партийной организации контрольного органа, его вовсе не знал.

Вскоре после назначения Мартиросян позвонил мне и попросил о встрече. С места встал и двинулся ко мне высокий, статный, красивый, белолицый мужчина с аристократичным и доброжелательным видом. Первое впечатление было радостное. Грант Мартынич поинтересовался о людях, их делах и настроениях, о заботах и нуждах. Расспрашивал о работе парторганизации, об интересных мероприятиях, о культурной жизни членов коллектива, культурно-массовой работе в коллективе, о лекционной пропаганде. У меня были серьезные предложения по подбору кадров пропаганде, об изучении истории культурных памятников Армении и др.

Грант Мартынович, добавил к ним ряд новых вопросов и попросил четко координировать их.

В дальнейшем, по моей просьбе, был закончен ремонт клуба, он был оборудован для показа кинокартин. Грант Мартынич, оказывается, - страстный любитель киноискусства, - договорился с кинопрокатом, и мы регулярно получили новые кинофильмы и демонстрировал их. Люди даже с семьями приходили на кинопросмотры. Мы с моим новым руководителем часто обсуждали вопросы исторического прошлого Армении, страшный 1937 год, гибель блестящей плеяды армянских писателей, неправильное отношение к памяти национального героя нашего народа – генерала Андраника и др. Грант Мартынович – ходячая энциклопедия. откровенно беседовать с ним было для меня истинным наслаждением.

Он мне подробно рассказывал о Григоре Артемьевиче Арутюняне, о его безупречной личности, честности и порядочности. Он – истинный и талантливый застройщик, Еревана.

Государственный, советский контроль всегда считался резервом партийных органов. Отсюда многих выдвигали на партийную работу. По рекомендации Гранта Мартыновича двух наших старших контролеров назначили заместителями министров строительства и пищепрома, секретаря парторганизации Маник Бахчинян избрали секретарём Кироваканского горкома партии. По его же рекомендации, в 1962 г. я был принят в аппарат ЦК партии, в качестве ответственного организатора.

*Саркис Хачатрян
бывший председатель Партийной Комиссии
при ЦК КП Армении*

7
658291

ВТОРАЯ ЧАСТЬ КНИГИ Г. М. МАРТИРОСЯНА

ГЛАВА I

ВОСХОЖДЕНИЕ

(1947 – 1953)

Примерно в середине октября 1947 года я возвратился из санатория в Москву и начались сборы к переезду в Армению, затянувшиеся почти на месяц. Так называемой “инстанцией”, было решено направить в Армению в общей сложности пять человек: вторым секретарём ЦК КП(б) Армении Арутюна Варосовича Погосова, работавшего секретарём МГК ВКП(б) по лёгкой и пищевой промышленности, а до этого много лет первым секретарём Кировского райкома партии Москвы; Третьим секретарём ЦК КП(б) Армении Карла Исаковича Баригяна, работавшего заведующим сельскохозяйственным отделом ЦК КП(б) Грузии, далее Амаяка Давыдова, из бакинских функционеров, к этому времени, волею судеб, ставшего секретарём Пермского (тогда ещё Молотовского) обкома партии по нефтяной промышленности, направляющегося на весьма условную для него “родину предков” в качестве секретаря Ереванского горкома партии, затем Вашего покорного слугу, в качестве заведующего оргинструкторским отделом ЦК КП(б) Армении, работавшего заведующем сектором Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), и, наконец, некоего Хачатура Егияевича Хашхаяна (именовавшего себя Христофором Ильичом) – инструктора отдела агитации того же управления ЦК ВКП(б), которого в Армении удостоили должности заместителя заведующего отделом кадров ЦК КП(б) Армения.

В общем же, вся эта, хотя и немногочисленная, публика, оказалась достаточно разношерстной – от безусловно способных и опытных (к примеру, таким являлся Погосов), до явно и без осно-

вания самонадеянного, и, как бывает в таких случаях, патологически самовлюбленного фанфарона – Баригяна. Главным же украшением компании явился, конечно, Хашхаян, до умопомрачения лишенный порядочных манер и анекдотически полуграмотный фанфарон.

Свое более уточненное и предметное мнение о названных в числе первых персон, я, когда представится повод, ещё успею высказать. Вот только не смогу пояснить, каким путём некоторым из подобных субъектов довелось рассестись в столь высокопоставленных креслах. А, впрочем, в нынешних 90-х годах и не то происходит!

Во время стоянки так называемого “Армянского правительственного поезда” в Тбилиси, приехали на вокзал вызванные моей телеграммой мама, папа, и Рита. Ради форса ввел я их в парадную гостинную салон-вагона. Обстановка настолько их ошеломила, что сидели они, напрягшись, в креслах, не решаясь произнести вслух хоть одно слово. “Бедные вы мои...”, только и подумалось мне...

Но вот и Тбилиси остался позади, и вскоре мы въехали в Армению, где и довелось нам прожить без малого двадцать лет, с осени 1947 года до весны 1967-го. Но что бы ни было, и этот период и сам город Ереван остаются для нас наиболее примечательным и драгоценным на всем белом свете городом, так как – именно там довелось нам произвести на свет Божий наиглавнейшую отраду нашей жизни – Ирочку, Ирульку, Ируську, незаменимую отраду нашей в общем-то не всегда благоцветно складывавшейся, но в общем благополучно, протекающей жизни.

Много позже, уже в Москве, родился у нас мальчик-внучек, полностью овладевший нашими сердцами Мишенька, которому сейчас (т.е. в 1995 году) исполнилось 15 лет. Кавалер!!!

Однако, вернёмся назад.

В Ереван мы приехали рано утром 30 октября 1947 года. Среди множества родственников и “официальных лиц”, встречавших Карапетяна, оказалась персона, нацеленная именно на меня. Это был Арутюн Арутюнович Баблумян (близкие звали его Геворк), оказавшийся заместителем заведующего оргинструкторским отделом ЦК КП(б) Армении, т.е. тем лицом, чьим прямым начальником коего мне предстояло стать. Моего предшественника Мамеда Искандарова я уже не застал, с нового учебного года он убыл в Москву, всё в ту же ВПШ.

Повезли нас в гостиницу “Ереван”, что на улице Абовяна, где заказан вполне приличный номер, сообщив при этом, что квартира нам уже выделена и ремонтируется. Гостиница “Ереван” тогда была лучшей в городе и принадлежала пока “Интуристу”, а, к слову, было тогда в Ереване всего две гостиницы (еще и “Севан”), не считая Дома колхозника. Очень нас обрадовало, что в этой же гостинице, лишь этажом выше, жила семья моего наи-наиближайшего друга Серго Степаняна, только недавно прибывшая в Ереван. Было у них пока две дочки Инга и, совсем ещё малышок Ира... Сын их Шурик родился уже в Ереване. всё свободное время мы тесно общались, часто вместе обедали и ужинали, либо мы со своими припасами шли к ним, либо они, в таком же порядке, к нам.

Мне отвели небольшую двухкомнатную (нас пока было двое, но очень уютную квартиру в верхней части проспекта Ленина (тогда ещё – Сталина), на четвертом этаже дома N 91 (сейчас он кажется под номером 39), с окнами на улицу и со всеми необходимыми службами. Недостатком квартиры являлось полное отсутствие балконов, что в условиях южного климата является прямым недостатком. Из всех ближайших по расположению соседей заслуживают

упоминания лишь жившая дверь в дверь симпатичная семья генерала Нвера Сафаряна. Упомяну также жившую в соседнем подъезде семью моего однокашника по ВПШ Мамикона Гегамяна, с которым за время пребывания в Ереване мы тесно сблизились.

Начался капитальный ремонт квартиры, и когда можно было уже въезжать, случилось непредвиденное. Однажды мне на работу позвонил живший в другом подъезде того же дома Иван Иванович Социнский, мой коллега по промышленно-транспортному отделу ЦК, и сообщил, что только что позвонила его жена (Муза Евлампиевна) и в тревоге сообщила, что в пятом подъезде вспыхнул пожар и горит квартира такая-то, т.е. моя. Я ринулся к дому и приехал туда, когда пожарные уже погасили огонь, но квартира стала как обугленная. Хорошо что была она совершенно пустая. Установили, что пожар произошел от замыкания проводов. Словом, всё началось сначала, вынудив нас прожить в гостинице до самого нового 1948 года. А ещё лучше, что сгорела она до нашего вселения, иначе уж была бы катастрофа.

Поскольку мы прибыли в Ереван всего за неделю до ноябрьских праздников (1947 года), то сразу же окунулись в предпраздничные дела, включая, развлечения. Во-первых, прислали нам, т.е. так называемому активу, куда меня уже зачислили, подарочный пакет с напитками и продуктами от Министерства торговли (пока действовала карточная система и продукты, были отнюдь не лишни), потом состоялось праздничное застолье на правительственной даче в Норке, пару раз погостили у друзей и родственников, и, наконец, вечером 6 ноября были приглашены в особняк к Сааку Карапетяну, где познакомилась с его женой и детьми. Пока мы восседали у них, позвонили с дачи Арутюняна в Конде, пригласив туда Карапетяна, а узнав, что у них мы в гостях, то пригласили нас тоже (полагаю, из приличия). Как мы узнали, праздник 7 ноября совпадал с днём

рождения Арутюняна. Вот здесь-то и состоялось моё знакомство со всей “верхушкой” республики.

Прежде чѐм перейти к деловой стороне нашего бытия, припомню кто из родственников и друзей проживал тогда в Ереване и что представлял собой в это время город.

Из самой близкой родни (степень родства не привожу, так как все они упоминались в I книге этих записей) – Абрик с матерью тѐтей Мартой, Семеновы, пока в полном составе, Вартан (двоюродный), Сергей Барсегян с семьей тѐтя Сатеник с Христиком, ссмыи Вани Джагетяна и его брата Гигуша, затем Шамик и Лева Кантарджяны (Лева приехал немного позже нас). Из друзей уже упоминавшиеся Степаняны, Оник Мартиросян с ссмейей, из семейства Чахмахчевых сѐстры – Тамара и Армик, Тамара, ставшая Аapresовой с двумя дочками, ну а Армик не теряла время зря, вышла замуж и переехала в Тбилиси.

Через несколько лет число прибывших насовсем в Ереван родственников намного возросло. Один за другим переехали сюда: из Вартановых – тѐтюшка Марго, Геня е мужем Сергеем Аветисовым, сыном Грантом и дочкой Ритой, да Вартан женился и у них с Таней родились три дочки, затем приехала Нора, немного раньше Юра Хачатуров, который тоже женился в Ереване и у них с Ингой появился сын, потом приехали Коля Ходжаев с женой и дочерью, чета Адамянов и их дочь Маруся с мужем и двумя дочками (Армагановы). Кажется всѐ, да и то, Слава Богу, не мало, и было это прекрасно. Все эти ссмыи и поныне (март 1995) живут там, только за эти годы не стало тѐти Марго, Серѐжи и Гранта Аветисовых, старших Адамянов Левона Лазаревича и Маруси Семеновых, всей ссмыи Коли Ходжаева, Юры Хачатурова, тѐти Сатеник и Христика, матери Ходжаевых тѐти Оли, да и ещѐ кое-кого, к сожалению и с сожалением всех не перечтешь. А что добавлять, если из моесй родной ссмыи остался я один. Папа, мама и Рита похоронены в Тбилиси на

Сабурталинском кладбище в пределах общей ограды. Словом, как ни тяжело всё это упоминать, но для полноты воспоминаний пришлось упомянуть, и не просто добром, а с душевным разрывом.

Жили и работали в Армении и многие мои однокашники по горному институту, но контактов с ними не получилось, кроме Аси Бабаян, всё время пребывавшей на руководящих постах в системе цветной металлургии республики. Очень сдружились мы также, правда много позднее, с семьей превосходнейшего человека – генерала Ганиева Хабиба Абдурахмановича, жившей в одном с нами доме.

К началу 1948 года в Ереване не насчитывалось и 300 тысяч человек (сравним с численностью населения к 1982 году – почти 1.100 тысяч человек). Тогда же в Армении проживало (к нашему приезду) менее полутора миллионов человек, а к 1982 году около 3.200 тысяч).

Граница города ограничивалась ближайшими озелененными возвышенностями, окружающими его низменную часть в следующих пределах: от Вокзала к Комсомольскому парку (“Тохмахан-Гел”), далее по окружности через Саритах, мимо старого стадиона, к ж.д.мосту над Аванским шоссе, памятнику Абовяна у “Плани глух” (т.е. верхней оконечности улицы Абовяна), к Матенадарану (хранилищу древних рукописей), оттуда к Конду, мосту Победы, а затем прямоугольником – с захватом так называемых – 3-го участка (Армэлектрозавод) и 1-го участка (“Каучук”). По нынешней улице Барекамутян (тогда ещё Баграмяна) намечался контур нижней её части с несколькими новыми особняками, а в целом, за кольцом Московской улицы, в сущности простирались пустыри если не считать двух новых репатрианских поселков – Арабкира и Зейтуна. На самых центральных улицах – Абовяна, Туманяна, Налбадяна, на проспекте Сталина (ныне Маштоца), старые глинобитные домишки занимали гораздо больше

места, нежели новые, дома. Не только по проспекту Сталина, но и по улицам Абовяна и Алавердяна ещё ходил трамвай. На улице Абовяна трамвайные пути были сняты лишь после того, как сорвавшийся сверху и мчавшийся без тормозов трамвай не перевернулся в районе площади Ленина. На самой этой площади стояло только здание Правительства, построенное по проекту академика Таманяна. Его же творение – Оперный театр, был недостроен со стороны концертного зала и по боковым фасадам, и там громоздились лишь открытые бетонные конструкции.

ЦК КП(б) Армении размещался в Доме правительства на площади Ленина, с углового подъезда, обращенного к зданию музея. Площадь ещё не была расчищена от массы ветхих домишек, а музей размещался в здании, построенном ещё при дашнаках под парламент и их государственные учреждения, к нашему приезду остававшемуся пока в первоизданном виде.

Мой кабинет располагался на втором этаже, окнами на двор. После дневной работы все разъезжались по домам на пару часов, к 7-8 часа вечера вновь съезжались и работали примерно до 12 часов, а нередко и за 12. По пятницам в кинозале в цокольном этаже с 10 часов вечера демонстрировались кинофильмы. Субботние вечера и воскресенья отдыхали, если не бывали каких-нибудь срочных дел, обычно очередных кампаний.

Мне хочется описать руководящую верхушку республики, хотя бы в рамках состава бюро ЦК КП(б) Армении, который я застал по прибытии.

АРУТИНОВ (Арутюнян) Григорий Артемьевич. Первый секретарь ЦК. К нашему приезду ему исполнилось лишь 47 лет. Член партии с 1919 года. Почти два года он действовал в подполье в меньшевистской Грузии, будучи секретарём Телавского укома партии большевиков. В 20-х годах был партторгом ЦК ВКП(б) на строительстве ЗАГЭС, а много лет в аппарате ЦК КП(б) Грузии на

разных должностях, в т.ч. заведующего отделом по работе в деревне. Перед направлением в Армению работал вторым секретарём Тбилисского (тогда ещё именуемого – Тифлисским) горкома партии.

Поехал он в Армению при следующих обстоятельствах.

В сентябре 1937 (того самого) года в Ереван, на пленум ЦК КП(б) Армении прибыл А.И. Микоян, в сопровождении Г.М. Маленкова, занимавшего тогда пост заведующего ОРПО ЦК ВКП(б). В течение нескольких дней на пленуме буйствовали взаимные тягчайшие “разоблачения”, ни больше, ни меньше, как во вражеской деятельности (не важно – чьей, против кого). Естественно, что, в первую очередь, были они направлены в адрес первого секретаря ЦК Амадуни, а заодно и второго – Акопова.

В финале пленума ранним утром, после сотворенной из всех сил “безумной ночи” весь состав ЦК был во что-то погружен и увезен в неизвестном (поди разберись) направлении.

Временное руководство ЦК, а по существу и всей республикой, Микоян возложил на какого-то бедолагу, о котором до этого никто и слыхом не слыхал. Так никто и не запомнил – “кто же это был?”

После переговоров Микояна с Москвой и победной его реляции о доблестном завершении операции, отсюда последовал совет предположительно исходивший от самого Сталина (за что во время воцарения Хрущёва – оппоненты Арутинова здорово его потербели на этом основании (подумать только, какой криминал – ставленник “самого” Сталина) в Ереван “пока суд да дело”, в Ереван молниеносно из Тбилиси был приглашен Арутинов, и с не меньшей быстротой назначен Арутинов. О выборах пока не могло быть и речи, поскольку все потенциальные “выборщики” уже были за решеткой. Итак – новый первый секретарь ЦК КП(б) Армении – Г.А. Арутинов. И совсем неважно – кто как к этому отнесся.

Что было дальше, уже рассказал мне лично и совершенно конфиденциально сам Арутинов. Во всей республике он не застал почти

ни одного, руководящего деятеля, вплоть до районного звена. Вокруг сплошная пустота. Нет ЦК, нет правительства, в большинстве горкомов и райкомов нет первых, а то - и других секретарей. Уцелели лишь те, кто, к своему парадоксальному счастью, не был в составе ЦК, а среди руководящих деятелей таковых были единицы. Вот тут то и произвел Арутинов смелый эксперимент, в сущности спасший республику. Впрочем, другого выхода и не оставалось. Стал он отбирать и ставить на посты наркомов, заведующих отделами ЦК, министров, секретарей горкомов и райкомов и на иные “важные” посты ряд уже зрелых людей, уцелевших после применения столь необычного способа разборок с кадрами.

По образованию Арутинов считался экономистом, так как учился в Плехановском институте, но как - то не прояснилось, окончил ли он его. Тем не менее, обладал он довольно острым природным умом и немало начитанностью, не говоря уж об огромном опыте практической деятельности в столь нелёгкие времена. В первую очередь именно опыт помогал ему свободно разбираться в тонкостях промышленности, строительства, сельского хозяйства, толково рассуждать по вопросам литературы и искусства.

Безусловно, это был подлинный лидер в масштабе небольшой республики, на несколько голов выше всех окружающих его работников. Наиболее же слабым его местом были кадры – здесь он нередко бывал субъективен, не давал в обиду незаслуженно побывшихся и придерживал чем - то не угодивших. Надо, однако, решительно подчеркнуть, что первых – обласканных, всегда было больше, чем отставленных без оснований, мотивы в отношении последних бывали достаточно веские. Манеры у него были прямо-таки аристократические, чувствовалась хорошая выучка, помноженная на природные способности. И, наконец, импонировал он, наряду с огромным опытом, определенной оригинальностью, умением находить приемлемое решение в самых сложных ситуациях...

На своем высоком посту пробыл он полных шестнадцать лет. В последние годы заметно приустал, на что повлияло некрепкое здоровье – сахарный диабет в тяжелой форме и больная печень. Поэтому и вёл он в основном кабинетный образ работы, редко выезжая на места. Зато не злоупотреблял он всякими совещаниями, проводя их редко и больше в узком кругу.

Семья у него была небольшая – жена Нина Григорьевна (сестра известного в своё время в Грузии крупного партийного функционера Арташа Геуркова, погибшего в 1937 году) и приёмная дочь Нами, оставшаяся сиротой в четырёхлетнем возрасте, родная племянница Нины Григорьевны и дочь Геуркова.

По-армянски Арутинов никогда не говорил, хотя и были признаки того, что не так уж плохо понимает, а иногда мы замечали, что читает он какое-нибудь армянское издание, большей частью газеты. Мне очень помог его совет, данный чуть ли не в первый доверительный (тет-а-тет) разговор в самом начале моего появления, в Ереване. В тот раз он сказал – “говорите по-армянски как можно больше, даже если совсем плохо, вам простят как новичку, а потом научитесь. Я, – сказал он, – допустил большую ошибку, не сделал этого, а теперь уже поздно. Нельзя же говорить кое-как спустя десять лет пребывания в Армении”. Я так и поступил и менее чем через год сносно овладел литературным армянским языком, даже совещания проводил на этом языке, но при официальных выступлениях с трибуны – не решался. Так, до самого конца, и выступал по-русски.

Пока довольно об Арутинове. Остальное изложится само собой, по ходу, повествования.

ПАПЯН Мацак Петросович. Председатель Президиума Верховного Совета Армянской ССР. Вот этот был в полном смысле слова одиозной личностью. Выдвинутый на опустевший в 1937 году пост председателя ЦИК, вскоре преобразованный в Верховный Совет, с должности председателя правления колхоза, кажется, его род-

ного села Куртан Степанаванского района, пробыл он на высоком посту добрых шестнадцать лет. Самое удивительное, что за эти годы он умудрился не вырасти ни умственно, ни манерами, ни чем ли было другим, ни на один вершочек. Огромный, несуразный, топорно obtёсанный, говорил он до самого своего конца на худшем варианте лорийского провинциального диалекта, так и не приобшившись ни на йоту к литературному языку, да и, вообще, хоть к наизыментарной культуре. Ничего его не брало, это было потрясающе по своей воинственности, невежество. Порою казалось, что он даже бравирует своим невежеством, выдавая его за истинную “народность”. Кстати, и продержался он столь долго в своей тепленьком кресле благодаря соединяющейся с природной тупостью этакой крестьянской хитрецой и цепкостью, потрясая, в каждую опасную для себя минуту жизни жупелом своего происхождения из народных низов. Впрочем, не очень - то его и трогали, поскольку никакого политического и экономического значения возглавляемое им учреждение, а стало-быть и он сам, не имели. Формальные же акты государственно – законодательного уровня полностью исполнялись партийными органами, он же лишь ставил свою подпись-закорючку, даже не интересуясь, о чём идёт речь. О какой-нибудь его популярности в народе и говорить не приходилось. Достаточно было лишь взглянуть на него, чтобы, ощутить отторжение.

Вот и всё о нем, (да и то много) для подобной персоны.

КАРАПЕТЯН Саак Карапетович (Карпович) – Председатель Совета Министров Армянской ССР. Вот это совсем другое дело! Ума, характера и образованности у него не отнимешь, но высокомерия, коварства и карьеризма тоже хоть отбавляй. Академик АН Армянской ССР, специалист-зоотехник, занимавшийся птицеводством: а точнее “куроводством”, неожиданно для многих, не пройдя, ни одной ступеньки бюрократической иерархической лестницы, оказался на самом верху правительственного механизма. В руководящих кру-

гах, мягко выражаясь, любовью он не пользовался, и очень скоро, открыто, даже с крайним ожесточением, столкнулись он и новый второй секретарь ЦК Погосов, тоже обладавший крутым (и даже очень) характером. Вот уж истинно, нашла коса на камень! Каждый из них неукротимо стремился быть вторым лицом в республике. Более или менее поддерживал Карапетяна лишь Арутинов, за что впоследствии он жестоко поплатился. Спустя несколько лет Карапетян продемонстрировал такую чёрную неблагодарность, что все только диву давались. Впрочем, оценивая некоторые происшедшие значительно позднее, не могу выразить уверенность в том, что яростные схватки Погосова с Карапетяном не доставляли Арутинову в какой-то степени удовольствия. Такое нередко бывает!

Вот теперь наступила пора характеризовать полнее одного из новопривывших в Армению – второго секретаря ЦК КП(б) Армении, уже вскользь упоминавшегося, Арутюна Варосовича ПОГОСОВА.

В организаторском плане был он прямо-таки талантлив, мог, при необходимости, закрутить тысячи людей. Несомненно, был он и умен от природы, но чего ему, в отличие от Арутинова, не хватало, – это начитанности, как и достаточно широкой для занимаемого им поста культурной эрудированности. Тем не менее, среди актива он быстро завоевал авторитет и признание, однако и побаивались его тоже, очень уж круг бывал порою. В целом же, около пяти лет пробыл он на посту второго секретаря ЦК, работая вполне полновесно и со знанием дела. Погубила его излишняя вера в свои права и возможности (не связанные с существом выполняемой им работы) и сопутствующая этому неосторожность. Именно это и бросило его в 1952 году в лапы самого железно-непримиримого ко всякого рода нарушениям Матвея Федоровича Шкирятова, знаменитого стража нравственных канонов, и облеченного самим Сталиным по этой части широкими правами, занимая должность председателя Комитета

партийного контроля. Вот это Шкирятов в тот злополучный для Погосова год отобрал у него партбилет, о чём, пожалуй, следует сразу же рассказать.

А случилось это так. Не удовлетворившись предоставленным ему целым этажом в одном из лучших особняков в нижней, аристократической части улицы Баграмяна, Погосов переехал во вновь отстроенный в Айгестане (ул. Чаренца) полуособняк-полудворец, необычайно роскошный, со всякими комфортными идеалами – множество комнат (да каких!), втопленные в пол мраморные ванны, бассейн для плавания и пр. и пр. Сам я не удостоился личного лицемерия всего этого, но понаслушался чудес.

Верхний этаж этого здания был предложен Погосову, и лишь нижний, говорили – тоже необычайно шикарный, – Баригяну. Но последний отказался переехать по двум причинам: во-первых, они с Погосовым уже успели конфликтовать, а во-вторых, Баригян считал для себя унижительным занимать “худший” из двух этажей. т.е. нижний, хотя и этот был достаточно великолепен, но верхний, якобы, был лучше, и почему, дескать, должен был занять его Погосов, а не он – Баригян?

Однако, суть дела, вызвавшая роковые по последствиям осложнения, заключалась в том, что на строительство этого особняка, ставшего предметом зависти для ряда высокопоставленных ереванцев, т.е. тех, кто пытался извлечь как можно больше выгод из своего служебного положения, был произведен перерасход против сметы, превысивший 200 тысяч рублей.

А денежки то были казенные! Строили “домик” на средства Министерства местной промышленности, где министром был А.С. Пирузян (в дни “великого опустения” в Армении, с должности председателя профзавкома Алавердского медного комбината был он выдвинут на пост... Председателя Совнаркома республики). Вот как у нас бывает! А ведь, порою, не так уж плохо!

Очевидно выслуживаясь перед новым вторым секретарём ЦК, Пирузян подкидывал и подкидывал денежки, потакая всем, не очень то скромным вожделениям будущих высокопоставленных новоселов. А заменивший Пирузяна на посту руководителя этого министерства И.И. Сочинский (перед этим назначением – заведующий промышленно-транспортным отделом ЦК), в общем, человек преотличный, тоже “подкинул” какую-то необыкновенную электроплиту, купленную у одного из репатриантов (конечно на казённые деньги), привезших её откуда - то из - за границы.

Еще один случай, безусловно из ряду вон выходящий, был инкриминирован Погосову. Едучи однажды со стороны Даралагязских районов в Ереван, он не смог “перенести”, что какая-то плюгавая машина, кажется основательно устаревший “москвиченок”, обогнала его шикарную вишневоцветную “Десото”, одну из трёх таких машин, полученных католикосом от американских армян-богачеев и переданных правительству республики. Словом, как ни гнались за москвиченком, те, будучи, по-видимому, навеселе (как впоследствии выяснилось, – ехали со свадьбы) ни за что не давали себя обставить. Тогда Погосов достаёт пистолет и велит едущему с ним министру социального обеспечения Зорапету Галстяну палить по крышкам мчащегося впереди “нахалёнка”, разумеется, подвергая, тем самым, пассажиров машины смертельной опасности. К счастью те, хоть и едва, но кое-как улепетнули, и на полном ходу обе машины, на потеху публике, ворвались в Арташат. Всё это, и ещё некоторые случаи поменьше (например, дважды полученные денежные дотации, о сути которых расскажу ниже), недругами Погосова (а таковые, при крутом характере Погосова, завелись очень скоро, к примеру чего стоили Карапетян с Баригяном), подробнейшим образом были доведены до сведения самого, “грозного” Шкирятова. И последний не замедлил вызвать Погосова на ковёр.

Как раз ко времени обсуждения дела Погосова в КПК я, совсем по другому поводу, побывал в Москве. Здесь и застал меня телефонный звонок из Еревана, которым Арутинов извещал меня о том, что Шкирятов потребовал, присутствия при обсуждении одного из секретарей ЦК. Ну вот, – сказал Арутинов, раз уж вы в Москве, то и уполномачиваетесь представлять ЦК КП(б) Армении.

Очень мне было не по душе это поручение, но делать было нечего. Шкирятов взял Погосова в страшнейший оборот, изъясняясь в своей, прямо скажем, иезуитской манере: “ты, милый мой, злостный хулиган, так что, голубчик мой, надо гнать тебя в шею из партии, дорогой ты мой...” и т.п.

В своем выступлении я попытался хоть часть ответственности переложить на Сочинского и, особенно, Пирузяна, чтобы как - то облегчить бремя Погосова, но Шкирятов сразу же оборвал меня: “вы что же, адвокатом сюда явились?” Словом, исключили беднягу Погосова из партии, очень уж строго обошлись. Больно было смотреть как этот крупный, могучий мужчина рыдал, как ребенок. Правда, спустя несколько лет восстановили его в партии, кажется, с перерывом партстажа, но было уже поздно, сразил Погосова инсульт и вскоре он скончался.

Третьим секретарём ЦК КП(б) Армении был прислан заведующий отделом (кажется, сельскохозяйственным) ЦК КП(б) Грузии БАРИГЯН Карл Исакович, у которого, кстати сказать, если и оставалось что-нибудь армянское, то лишь фамилия. Сказать, что это был неудачный выбор, значит, сказать очень мало. Зато самонадеянности, прямо-таки, индюшачей напыщенности, было у него хоть отбавляй. С первых же дней он, решив, по-видимому, поразить армянский актив, стал выступать с публичными лекциями на философские темы. В начале все откровенно потешались над его безграмотными словоизвержениями, а потом просто перестали ходить на его “лекции”, что вызывало у него взрывы ярости, но, так или иначе, приш-

лось смириться. Уж, что-что, а в характере армян упорства хватает. В бытовых делах он вел себя так, словно одним своим появлением он настолько облагодетельствовал армян, что его семье должны были быть предоставлены сверхсособые условия в смысле самого разностороннего обслуживания “по месту жительства”. Очень скоро его раскусили (по замечательной сталинской терминологии – “амбиция без амуниции”), да и он, при всей своей толстокожести, тоже видимо – “раскусил, что его раскусили”, и продержавшись года два-три, смылся он из Еревана, чему немало способствовал возникший между ним и Погосовым конфликт, нередко выливавшийся во взаимный обмен непристойными “характеристиками”. Поскольку же Арутинов на этом этапе, кстати, вполне обоснованно, явно отдавал предпочтение Погосову, то Баригян ополчился и на Арутинова, впоследствии подло использовав трудное положение в которое Арутинов попал спустя несколько лет.

ГРИГОРЯН Завен Тигранович, секретарь по пропаганде, по своему складу, больше походил на учёного-историка (кем и был на самом деле), нежели на партийного функционера. В целом это был человек положительный, обладал достаточно гордым характером, вёл себя, неизменно с достоинством, никогда и никому не льстил. Однако, возникавшие в те годы трудные вехи идеологической деятельности (“космополитизм”, борьба с “протаскиванием” генетики и кибернетики, объявленных лже-науками, перегибы в области лингвистики и языкознания – “антимарризм” и пр.) лишили его популярности среди “гуманитарной” интеллигенций.

КОЧИНЯН Антон Ервандович секретарь ЦК КП(б) Армении по кадрам, - попросту, полуграмотный человек, лишенный даже элементарной образованности, вместе с тем прекрасно знал республику и её кадры, особенно, сельские, добродушный и не гневливый по характеру (по крайней мере, внешне), в общем, был принят активом доброжелательно). Не случайно, среди перечисленных выше лиц он

оказался самым долговечным в смысле занимаемых им постов (в будущем председатель Совста Министров Армянской ССР, а затем и - первый секретарь ЦК КП(б) Армении).

В состав бюро ЦК входили также – второй секретарь Ереванского горкома партии (фактически первый, так как формально первым считался Арутинов, согласно принятой тогда иерархической системе) Амаяк Оганесович Давыдов, тоже “варяг”, из бакинских кадров, малообразованный, несобранный, разыгрывавший простачка на манер рабочих - выдвиненцев двадцатых годов, и просуществовавший не очень долго.

Совсем другое впечатление производил председатель исполкома Ереванского горсовета (тоже член бюро ЦК) Егише Георгиевич ВАРТАНЯН. Этот тоже не обладал достаточной образованностью, но был подлинным народным самородком с блестящими, природными способностями и острым умом. Слушая его, я часто думал: “вот бы дать ему хорошее образование, как далеко бы он пошел”. Словом, во всех отношениях заслуживал он всяческого уважения, и Ереван в своём развитии очень многим ему обязан.

Если опустить характеристики других членов и кандидатов в члены бюро ЦК, людей, в общем, неприметных и часто сменяющихся, то это и был тот круг людей, с которым мне пришлось повседневно и даже ежечасно общаться. Добавлю только, что из всех вновь прибывших в Армению я оказался наиболее прочным и долговечным, но тоже до поры до времени, - такова уж традиционная особенность армянской действительности, что будет видно из дальнейшего изложения фактических событий, время от времени сотрясающих общественность республики.

Месяц за месяцем протекал 1948 год. В ноябре этого года, помнится по докладу Г.М. Маленкова, произошла довольно корен-

ная реорганизация структуры партийных органов. В ЦК республик, обкомах и крайкомах, соответственно перестройке аппарата ЦК ВКП(б), были созданы отделы (в скобках привожу фамилии первых после реорганизации заведующих отделами нашего ЦК): Партийных, профсоюзных и комсомольских органов – (ваш покорный слуга), пропаганды и культуры – (Ованес Мамиконян), науки и вузов (Цатур Агаян), школ (Мартин Чарьян, потом - Шаварш Симонян), планово-финансовых и административных органов (Каро Мутафян, потом - Яков Заробян), тяжелой промышленности (Сурен Мелкумян), легкой промышленности (Завен Чарчян), транспорта и связи (Тунян, потом - А.Ахшарумов), сельскохозяйственный (Левон Шахбазян, потом - Липарит Варданян), а в горкомаех еще и строительства и коммунальных учреждений (М.Алавердян).

В моем отделе, которым курировал второй секретарь ЦК Погосов, был создан институт ответственных, раскрепощенных по регионам республики, и сектора – информации (Хосроев), профсоюзных органов (Марго Асатрян), комсомольских органов (Хачик Ерицян), единого, партбилета и партстатистики (Софья Мамиконян). Работники секторов, возглавляемых заведующими, именовались инструкторами. Были у меня и два заместителя: (Арутюн Арутюнович Баблума), уже немолодой, степенный, неторопливый и симпатичный человек, с которым мы отлично сработались, несмотря на его некоторую флегматичность, полностью компенсировавшуюся глубокой порядочностью.

Другим заместителем я выдвинул наиболее опытного среди инструкторов – Гранта Оганесяна, которому я долго покровительствовал, за что он в трудную для меня минуту сполна “расплатился” со мной, сделав на этом незакономерную для его способностей карьеру. Однако об этом в своём месте.

Основные функции отдела (не говоря о секторах, названия которых говорят сами за себя) заключались в проверке работы и

всего, что касалось горкомов и райкомов партии, главным образом подготовки и постановки их отчетов на заседаниях бюро ЦК, организации и проведении различных кампаний, более всего отчетов и выборов в партийных организациях, а также избирательных кампаний советских органов, вплоть до Верховного Совета СССР, наконец, кадровая работа в партийных, советских, профсоюзных и комсомольских органах. Дело в том, что отделы кадров были упразднены, и работа с кадрами распределена по вновь созданным отделам в соответствии со сферой их деятельности. В общем, дел было много, работа мне нравилась, взялся я за неё горячо, и без излишней скромности скажу, что мне довелось завоевать довольно высокий авторитет среди актива республики.

Не могу теперь не заявить, что с этих пор большая и самая содержательная часть нашей жизни была посвящена маленькому родному существу, безграничной родительской любви, неустанным заботам. Никогда до сей поры я не думал, что обожание своих детей, может составить такое безмерное, всё превосходящее чувство. Именно это я и стал ощущать к моей славной девчужке. Нечто безграничное! С тех пор, никогда, ни на йоту, это чувство не поколебалось.

По характеру моей работы я часто выезжал в города и районы республики. Ездил я, главным образом, на прикрепленной моей персоне автомашине. В начале это была “Эмка” (М-1), затем в течение ряда лет, одна за другой появлялись “Победа” и дважды “ЗИМ”-ы. Первым моим водителем оказался неопытный и не страдавший избытком приличных манер (мягко выражаясь), уже немолодой человек по имени Татос. Потом перебивали другие, среди них несколько отличных ребят, которых я позднее просто буду обязан

упомянуть, потому что, как известно, шофера часто становятся почти членами семьи.

Поскольку мои поездки по республике невозможно описать в хронологическом порядке, перечислю лишь города и районы, с учётом частоты их посещения.

Во-первых, пока единственный в то время город республиканского подчинения – Ленинакан (четыре раза переименовавший свое название (Гюмри, Алексавдрополь, Ленинакан, и опять Гюмри). Вот какие метаморфозы случаются! Но те эксперименты, каким были произведены в нашей стране с переименованиями – совершенно уникальны. К тому же я уверен, что дело еще далеко не завершено. Близко подошёл к этому и Караклис-Кировакан-Ванадзор. Да вот, то ли еще будет?

Вот в этих городах я бывал чуть ли не каждую пару месяцев, особенно, в Ленинакане, где первым секретарём горкома тогда был Арамаис Багратович Арутюнян (он же - Армо Аренц), кандидат в члены бюро ЦК КП(б) Армении. Из других районов, как-то сложилось, что чаще всего бывал я в Горисском, Кафанском, Ехегнадзорском, Вединском, Мартунинском, Нор-Баязетском (имени Камо), Ахтинском (позднее - Разданском), Эчмиадзинском, Аштаракском, Ахурянском, Степанаванском, Шамшадинском, Апаранском районах, несколько реже – в Сиснанском, Октемберянском, Талинском, Севанском, Котайкском, Гукасянском, Амасийском, Калининском, Алагёзском (теперь Арагацском), и всего лишь по одному разу – в Мегринском, Азизбековском, Басаргечарском (теперь Вардениском), Агинском (теперь Анийском), Красносельском, Иджеванском, Зангибасарском (теперь Масисском) Артикском, Спитацком районах.

Разумеется, поездки не ограничивались лишь посещением районных центров. Побывал я и во множестве сел, нередко далеко

затерянных в горах, насмотрелся чудесных уголков природы, особенно в зангезурской, даралагязской и лорийской зонах, при каждом удобном случае обозревал удивительные памятники старины, которых так много в Армении, что, перевидав множество их, тем не менее, не могу простить себе, что не всех их видел, даже Ахпато-Санаинский комплекс упустил. Ведь так всегда думается о своих краях, – ещё успеется.

А в это время в мире происходили весьма тревожные события, особенно, сгустившиеся в 1948–1949 годах. Несколько послевоенных лет подвергались мы атомному шантажу, ещё не имея своей бомбы, пока, наконец, в 1949 году, она не появилась. Затем было объявлено о создании на базе Тризонии Федеративной Республики Германии, и тогда, осенью 1949 года на территории советской зоны оккупации возникла Германская Демократическая Республика, которую, однако, ещё долго не желали замечать на Западе. В том же году был создан Североатлантический военный союз (пресловутое НАТО), а спустя пару лет пришлось в противовес образовать военно-оборонительный союз стран Варшавского договора. Слэвом, “накал страстей” к концу сороковых годов дошел до такой точки кипения, что в ряде зарубежных империалистических кругов стали всерьез поговаривать о том, что вот-вот “холодная война” может перерасти в горячую.

Как ни странно, но, “холодная война”, достигнув опасного накала, неожиданно обернулась бедой для армянского народа.

А дело было в следующем. Зарубежные дашнакские организации (их лидером, кажется, был американец Навасардян) стали ра-

достно предвкушать скорую войну, а, стало-быть, начали всерьез готовиться к активному участию, в “освобождении Армении от большевизма”. На страницах дашнакской прессы мусировались различные варианты подобной акции. Но внезапно вспыхнула дискуссия, принимавшая, порою, формы сомнений (методического порядка), даже перебранок.

Рассуждали они так: ежели начнётся война НАТО против Советов, то какие войска должны будут вступить первыми в Армению. Естественно турецкие, ведь Турция была ближайшим к Армении членом НАТО. Значит, опять турки на армянской земле? Вот тут-то дашнаки переполошились, заспорили, и, в конце концов, перевесило мнение – американцы не допустят насилия. К тому же это не “те” турки, а натовские и т.д., и т.п. А, стало быть, давайте думать о том, как взять власть в Армении в надёжные (т.е. свои руки). Дашнаки даже мысли не допускали, что авантюрный поход против Страны Советов, буде он случись, может обернуться поражением НАТО.

И вот начало рокового финала. Собирается (кажется, в Каире) международный конгресс дашнаков, чтобы решить (не больше, не меньше) – как организовать свою власть в Армении, а что она будет отторгнута от СССР – это не вызывает никаких сомнений. Но кто-то поставил вопрос, а как отнесется к подобной перемене сам армянский народ? Ответ на этот вопрос вошёл в принятую резолюцию – у нас (т.е. у дашнаков) в Армении, и, вообще, на Кавказе существует мощная законспирированная база. Вот это безответственное, прямо скажем, – провокационное бахвальство, принявшее форму резолюции, легло на стол недоброй памяти Берия. Ему только и нужен был такой повод. Не стану утверждать, какова была роль Сталина в этом деле, но Берия свой шанс не упустил. Как и положено, в глубокой

тайне был разработан план якобы превентивной операции “по ликвидации дашнакской опоры на Кавказе”. Летом 1949 года её осуществили. Бог весть по какому критерию были составлены списки армян, подлежащих высылке на Алтай, разумеется, прежде всего из самой Армении, затем - из Грузии, Азербайджана и даже с Северного Кавказа и из Крыма. Операция была проведена с точностью часового механизма, благо, опыт по таким делам уже имелся достаточный (Прибалтика, Северный Кавказ, Крым, Калмыкия и т.д.).

Как мне не хотелось, но и я стал невольным и косвенным участником и свидетелем этой провокационной акции.

Организовано и проведено было это так. Прибыла в Ереван группа довольно высоких чинов МГБ, сопровождаемая высокими по званию армейскими офицерами. В их присутствии в кабинет Арутинова были созваны ничего до этого не ведавшие руководящие работники республики. Представители Центра при тщательно закрытых дверях сообщили о сути дела, а затем был зачитан список прикрепленных к городам и районам республики, якобы в помощь местным парторганам, с предложением незамедлительно выехать на места.

А со мной дело обстояло так. Был я в командировке в Москве, поэтому не был включен в список уполномоченных по этому гнусному делу. Надо же было мне возвратиться в Ереван как раз в это утро! Придя, как обычно, утром в ЦК, я не застал никого из секретарей и заведующих отделами на своих местах. Мне сообщили, что все они вызваны в кабинет Арутинова неизвестно зачем (кстати, так оно и было). Как же не полюбопытствовать было, что там происходит? И направился я туда, а заслон перед местом совещания, состоявший тоже из приезжих работников, узнав кто я такой, – пропустил меня. Подоспел я как раз к финалу, когда уже зачитывался какой-то, пока непонятный мне, список. После его зачитания про-

должало царить гробовое молчание. Все словно оцепенели, а я, ничего не понимая, недоуменно оглядывался.

Тут поднялся начальник Управления по делам искусств Кимик Овансеян и заявил, что он крайне нездоров (кстати, так оно и было), и попросил освободить его от поездки в Горис, куда он был назначен по списку. И тут (О, Боже, где ты был?) взгляд Арутинова упал на меня, скромно присевшего в самом дальнем углу кабинета. Тут - то и грянуло на мою головушку. “Вот, – заявил Арутинов, – возвратился из Москвы такой-то (это стало-быть я). Мы не предусмотрели его ввиду отсутствия в Ереване, он и поедет в Горис вместо Ованесеяна. Всё ещё ничего не понимая, воспринял я это предложение совершенно спокойно (мало ли, что приходилось совершать?). Когда же все стали расходиться (все в онемевшем состоянии) я спросил Погосова – что это происходит, и что я должен делать в Горисе, куда я сейчас вовсе и не собирался? Только от него я и узнал, о чём идёт речь. Вот когда я пожалел, что не задержался в Москве хотя бы ещё на самую чуточку.

Однако, делать уже было нечего, и я тут же отправился в Горис. Здесь повторилось, правда в уменьшенном масштабе, то же, что и в Ереване.

В кабинет первого секретаря райкома партии (был им тогда скромный и покладистый Арменак Хачатрян). Созвали теперь уже районный партактив, распределили их по селам, мобилизовали также автомашины по нужному числу сёл, и пока ничего толком не разъяснили, сохраняя всё в тайне. Так прошёл день, а в сумерки со стороны Сисиана послышался гул, когорый, нарастая, вскоре вырвался на верхний поворот шоссе высоко над городом. Тут же появилась большая колонна армейских машин, в основном “Студебеккеров”, а в них - большие группы армейских офицеров, как оказалось, участников только что завершившейся аналогичной операции в прибалтийских республиках.

Вместе с заранее намеченным руководителем группы распределили офицеров по сёлам, прикрепив к каждой группе кого-либо из районного партактива и придав на каждый маршрут одну местную автомашину, которая должна была идти перед военными грузовиками, указывая дорогу, дабы не произошли аварии на весьма опасных зангезурских дорогах, где в темноте легко было сорваться в бездонную пропасть. А уже на рассвете машины пошли по городу в направлении к железнодорожной станции Кафан, заполненные людьми и кое-каким скарбом (разрешалось взять с собой тонну или полторы домашних вещей, в основном, одежду, постельные принадлежности и самую необходимую домашнюю утварь). Больно было смотреть на ничего не понимающих старух, в зангезурских крестьянских одеждах с повязанными у рта платками и, еще более, на детишек.

Что проносилось в их головах – среди ночи ворвались к ним вооруженные люди, втолкнули в автомашины и вот теперь куда-то везут. Глядя в окно второго этажа райкома на эту картину я чувствовал себя преступником. Но что от нас зависело? А ведь не классовая борьба это была, не кулацкие вооруженные восстания, не раскулачивание, ради устранения помех колхозному строительству. То хоть и крутые были меры, но социально и политически обоснованные.

В Прибалтике тоже интернировали лишь сотрудничавших с оккупантами лиц, а не целые семьи. Здесь же, если и сотрудничал кто-то тридцать с лишком лет назад, с дашнаками, так ведь стали они людьми очень пожилыми, при чём же были старухи, да молодёжь, или маленькие дети?! А дашнаков, подкинувших по своей безмозглой и зоологически лютой политике такой козырь мерзавцу Берия, думается, нисколько не огорчила подобная акция и ещё раз нанесенный ими вред армянскому народу, но была она, как вода на их мельницу, дав повод для злопыхательства и неинверного ми-

рового гвалта, который они не преминули устроить. Бериевцы не знали, куда деваться от восторга!

Несколько смягчили жестокость акции условия, как говорили продиктованные самим Сталиным – не брать семью, если хоть один член её служит в армии или имеет правительственную награду. В течение этой “полуварфоломеевской” ночи со всех сёл раздавались телефонные звонки в “штаб”, то бишь райком партии, и я, как партуполномоченный по району, тут же давал отбой, приостанавливая высылку. К счастью таких семей оказалось немало. Ещё одно обстоятельство говорило о том, что существовала какая-то неуверенность у организаторов акции. Члены, кандидаты в члены партии и комсомолы, подвергшиеся высылке не подлежали исключению, и в течение нескольких месяцев по запросам райкомов партии с Алтая их учётные карточки беспрепятственно высылались по месту их нового “расквартирования”.

Из моей родни подвергся репрессии лишь очень близкий мне дваюродный брат – Ваня Джагетян. Бедняга был и ранее, в годы войны, интернирован в Казахстан (тогда без семьи), и, надо сказать, к его чести, что никаких признаков озлобления у него не проявилось. Всегда отличался оптимистичным, открытым и общительным характером. При разговоре с ним по душам он и сам ничего толком не мог объяснить.

По какой-то оказии Ваня буквально “влип” в деле своего дядюшки, который, как говорили, поскорее смотался из России (почему-то, в Абиссинию). А Ване в это суматошное время было то всего около 16, когда установилась Советская власть. Что он мог совершить в столь юном возрасте при дашнаках? Да и в советское время ничего предосудительного за ним, вроде, не водилось. Мы с ним

настолько тесно общались, что я не мог не заметить за ним чего-нибудь зазорного (в смысле, антисоветского).

Сам он только смутно предполагал, что виною всему явился этот двоюродный или троюродный дядя, тоже Джагетян, который, кстати, при дашнаках являлся чуть ли не министром финансов. Наверное, в этом и заключалось всё дело.

Написал я об этом так подробно потому, что Ваня Джагетян всегда числился среди порядочнейших и любимейших наших родственников, всегда, вплоть до мелочей, отличаясь совершенно безупречным образцом жизни и поведения.

Однако, нельзя не отметить, что, спустя несколько лет, когда Берия сгинул, все высланные были беспрепятственно возвращены на родину, но, увы, далеко не все, ибо немало их осталось погребёнными в студеной сибирской земле. Известно, что чужие – климат и непривычный образ жизни, всегда собирают обильный “урожай”.

К этой состряпанной кем-то злонамеренной истории следует сразу же добавить ещё одну непристойную передрыгу, учинённую почти следом. Спустя пару лет, когда уже и Берия, кажется, не стало, состоялась ещё одна репрессивная акция, но уже во всей стране и иного масштаба.

Дело заключалось в том, что в первые послевоенные годы восстановление колхозов шло очень медленно. С одной стороны, для этого требовалась весьма напряжённая работа, а, с другой, – колхозники пока зарабатывали мало (прямо скажем – в большинстве ничтожно) и поэтому приняли массовый характер сторонние заработки, иначе, многие колхозные семьи оказались в беспомощном состоянии. Начались поиски заработков, вследствие чего множество колхозников фактически перестало работать в колхозе, про-

должая, однако, числиться членом колхоза. Создался порочный круг, который надо было разорвать. Но как? Как и всегда, умельцы нашлись. Было состряпано решение ЦК о борьбе с нарушениями колхозного устава (точного названия не помню). Хорошо запомнилось лишь одно мероприятие, в проведении которого пришлось принять участие и мне.

Не работающая часть колхозников, тем не менее, остающаяся в составе колхоза, была названа “тунеядцами” и подлежала изгнанию из колхозов, а фактически из своих домов неизвестно куда. Правда, это мероприятие было адресовано лишь взрослым и пока работающим мужчинам. Признаюсь, хоть это внутренне порадовало меня.

И вот, как и во всяких крупных кампаниях, разъехались мы по районам. Мне достался Ахурянскшй – сельская зона вокруг Ленинанкана. Первым секретарём райкома партни здесь был Ованес Багдасарян – великий карьерист в сочетании с полнейшим невежеством, что, особенно, ужасно. Забегая вперёд скажу, что, несмотря на такие качества, а может и поэтому, он постоянно занимал высокие посты – достиг даже поста второго секретаря ЦК (при Заробяне), затем, карабкаясь из одного кресла в другое (повыше), надолго и прочно застрял в продуманной специально для него должности “освобождённого” заместителя председателя Президиума Верховного Совета республики” (до него эту должность занимали в общественном порядке).

Вот с этим Багдасаряном стали мы ездить по колхозам Ахурянского района, проводить в некоторых из них общеколхозные собрания, “вытаскивая” на суд колхозников, заранее прославившимися как тунеядцы, т.е. тех, кто имел мало, либо не имел вовсе трудодней. Правда, только мужчин, женщины тут, слава Богу, отделались. Я хоть этому, про себя, порадовался.

Когда собрание, обычно под большим давлением (а, иногда под крики, стенания), выносило решение о выселение (голосование ставилось так – “кто против” (т.е. высылки) – руки, конечно, не поднимались) либо не успевали, а скорее – саботировали), тут Багдасарян (даже глазом не моргнув) объявлял –: “Значит, принято. Выслать?”. “Уличённые таким способом “тунеядцы” сразу же загонялись в заранее пригнанные машины и в сопровождении милиционеров отвозились в ближайшие пункты, обладающие запирающимися помещениями, а дальше – “кто-куда”.

Но бывало и так, что жалёючи, с них брались расписки о том, что впредь они станут “пай-мальчиками” и будут самым активным образом участвовать в колхозных работах. Эта мера давала необычайно эффектный результат. Обычно, не оставалось ни одного из сельчан, кто не возликовал бы от подобной “доброты”. Вот мы какие!!!

Конечно, всё вышеописанное носило негативный оттенок. Но какая большая, поистине великая, работа велась по всей стране и в нашей республике по ликвидации последствий войны и быстрейшего возрождения! Республика, особенно, Ереван, преобразались прямо на глазах, и здесь надо воздать должное огромному опыту и умению Арутинова, вовлекшего нас буквально в бурную деятельность. Сам я работал как одержимый, делая всё с большим увлечением. Вероятно, поэтому, вскоре я завоевал прочный авторитет в глазах республиканского актива.

Чтобы скорее “показать” меня активу, Арутинов поставил на одном из ближайших после моего прибытия в республику пленумов мой доклад на весьма ответственную тему – “Об усилении руководства колхозных парторганизаций коллективным хозяйством”. В сущности, такая тема охватывала весь аспект проблем развития кол-

хозной формы хозяйствования, особенно, того критического периода. По всем признакам доклад получился, и, надо полагать, Арутинов неслучайно публично расхвалил его. Впоследствии, по его рекомендации, текст был отработан и напечатан в форме брошюры в серии “В помощь партийным работникам”.

Вообще же, на протяжении ряда лет пришлось бессчётно выступать на разных республиканских и районных форумах, что основывалось на всё углубляющемся знании искусства партийной работы во всех её деталях. И пусть никто не думает, что это простое дело.

Не прошло и года, как я научился свободно говорить по-армянски на вполне литературном языке, в любых условиях, кроме официальных выступлений с трибуны перед большой аудиторией.

В последних случаях я неизменно говорил по-русски, за исключением сессии Верховного совета, когда приходилось писать выступление по-русски, затем переводить его текст на армянский, а уж читал я по-армянски отлично с самого детства.

На очередном съезде Компартии республики, в 1950 году, меня избрали членом ЦК КП Армении, а вскоре ввели в состав бюро ЦК. Депутатом Верховного Совета Армянской ССР я был избран в 1951 году (по округу № 18 г. Еревана), и где-то в это же время, – депутатом Ереванского горсовета. Еще раньше избран был я в состав ЦК комсомола республики и, поскольку я курировал Комсомол Арутинов порекомендовал ввести меня в состав бюро ЦК ЛКСМ Армении.

Разумеется, периоды напряженной работы сменялись положенными отпусками и, как правило, выездами в санатории. В 1948 году побыл я в Кисловодске в “цековском” санаторий имени 10-летия

Октября, в 1949 и 1950 годах в санатории “Приморье” в Сочи (тоже цековском). Все три поездки состоялись в тёплое время года. Был я тогда молод и здоров, поэтому не ограничивал себя всякими развлечениями – плаванием, теннисом, походами, танцами и т.д.

Между тем Ирочка заметно подрастала, и где-то на стыке 1948 и 1949 годов, расширение квартиры стало необходимостью. Сказано – сделано, и зимой 1948 – 1949 годов (впрочем, кажется, уже поближе к лету), мы переехали в новую, весьма просторную, квартиру, в том же доме, этажом ниже (третьем), но с другого подъезда (с переулка), прямо напротив Театрального института. В квартире было три комнаты, общей площадью около 80 кв. м, причём, одна из них в 36 кв. м, несколько прихожих, балкон на улицу и огромная застекленная галерея со двора. В этой квартире мы и прожили до возвращения в Москву в 1967 году.

А пока суд да дело, работа шла по-прежнему в отделе парт-органов – кипучая и увлекательная, пока в марте 1952 года не избрали меня секретарём ЦК КП Армении.

В общем то это было закономерно, если учесть, что до этого я почти десять лет успел поработать в высоких партийных органах. В это же время вторым секретарём ЦК (после описанного выше падения Погосова) стал Завен Григорян. Секретарём ЦК была также избрана Берсабе Григорян, в связи с тем, что сверху была дана твердая директива иметь обязательно в должности секретаря ЦК, обкома, крайкома, горкома, райкома, по одной женщине. Это относилось и к советским органам (подчёркивалось оборонное значение подобной меры). Вот и появилась у нас в ЦК секретарь-женщина, работавшая до этого первым секретарём Сталинского райкома партии г. Ерева-

на. Последующие события показали, что Арутинов крайне ошибся в своём выборе, поддавшись её превышавшему элементарный такт подхалимству и, как и бывает в таких случаях, очень скоро испытал это буквально на своей шкуре. Только тогда мы поняли, почему За-вен Григорян при её назначении в присутствии Арутинова и меня назвал её “коварной католичкой” (происходила она из католического села Дзитианков, не то Талинского, не то Агинского районов. В Армении было немало таких сёл, исповедующих католицизм. В народе их звали “франгами”).

АДМИСТРАТИВНЫЕ ОКРУГА. В это же время в ряде республик, в том числе, и в Армении, были созданы административные округа. Это были – Ереванский, Ленинаканский и Кироваканский. Город Ереван был выделен в самостоятельную административную единицу. Первыми секретарями окружкомов стали: Ереванского – Кочинян, Ленинаканского – Алекян, бывший до этого секретарём ЦК комсомола, Кироваканского – Липарит Варданян. Секретарём Ереванского горкома партии был выдвинут Яков Никитович Заробян (о нем вскользь уже говорилось, но основной сказ ещё впереди). Округа просуществовали недолго, но успели обрасти огромным многосотенным аппаратом управления. Была создана комиссия под моим председательством по размещению на работу высвобождаемых кадров, что было не так просто сделать. Известно ведь, что разместить труднее, чем подобрать.

В конце концов, все разместились, хотя и некоторые - на временные должности. Основная суть заключалась в том, чтобы попасть на должность, обеспечиваемую “пакетом”. Так назывались значительные суммы, которые выдавались определенному контингенту должностных персон, причём, без всякого обложения, налогов, уплаты всяких взносов с них и т.д., абсолютно “чистые” деньги. Они намного, в зависимости от высоты должности, в полтора раза, вдвое и даже втрое превышали официальную зарплату.

После прихода Хрущёва к власти эта система ещё некоторое время продержалась, но, когда благодаря “умелому” хозяйничанию нового лидера финансы страны затрещали по воем швам, лопнули вместе с системой выслуг и прочих материальных льгот.

После ликвидации округов Арутинову, наконец, удалось отделаться от С.К. Карапетяна, окончательно зазнавшегося на посту председателя Совета Министров (через несколько лет Карапетян - таки “отлил пулю” против Арутинова, но об этом позднее). Правительство в ноябре 1952 года возглавил Антон Ервандович Кочинян.

Упомяну, что во всё эти годы, в летнюю пору, наша семья, вместе с другими “руководящими”, занимала дачки в Старом Норке, расположенном высоко над городом, среди густо высаженных деревьев. Здесь было заметно прохладнее, чем в городе, но, почему-то, Сима с наступлением темноты настаивала на возвращении в городскую квартиру, так что, дневные часы семья проводила в Норке, а ночевали все в городе. Утром очередной мой шофер отвозил меня на работу в ЦК (кажется уже в 1950 году перебравшееся во вновь отстроенное помпезное, в псевдоклассическом стиле (архитектор - Марк Владимирович Григорян), здание, расположенное на высоком пригорке примерно в середине улицы Барекамутян (бывшая Баграмяна), затем отвозил семью в Норк, я приезжал туда на обед и кратковременный отдых, а, едуци на вечернюю работу, обязательно завозил всех домой.

Я испытывал просто блаженство, когда по приезде в Норк с радостным визгом и заливистым смехом кидалась мне навстречу Ирулька, еще такой малышок, что едва была видна среди высокой травы.

Хотя я выше и писал, что, в целом, сложилось благожелательное отношение ко мне со стороны большинства республиканского

актива, однако стали появляться и недруги, иногда, по вполне определенной причине, но, нередко, и по непонятной.

Не сложились у нас отношения, а позднее превратились они и во взаимную и достаточно острую неприязнь, с Берсабе Григорян. Безо всякого заметного повода. Думаю, что из зависти, которой она была наделена весьма обильно, да и просто от сварливого её характера. В общем, не обладала, она чем - либо напоминающим хотя бы примитивный интеллект, заменённый у неё гипертрофированной амбицией. До отвращения лебезила она перед Арутиновым, ходила к ним домой по поводу и без оногo, а когда для Арутинова наступили трудные времена, сделала крутой поворот и оказалась в стане самых отъявленных шавок, вцепившихся в подол Арутинова, лишь бы уцелеть в своём кресле. Надеюсь, допишу ещё до событий 1953 года, когда всё это наглядно совершилось.

Думаю, что тоже из зависти стал строить подвохи против меня и работавший в одно время заместителем заведующего отделом пропаганды ЦК КП Армении Арамаис Мнацаканян, схвативший на тему “Участие армян в Великой Отечественной войне”. Степень доктора исторических наук, впоследствии штурмовавший по этой же теме академическую шапочку, но неизменно проваливаемый.

И, наконец, один из тех, кто после падения Арутинова сумел хоть и на короткий период (судьба всех временщиков-биронов) захватить высокое кресло председателя Президиума Верховного Совета республики – Шмавон Арушанян. Дело в том, что конфликтовать стал с Арутиновым он ещё когда был в числе секретарей ЦК партии. По своему развитию и культуре он недалеко ушел от упоминавшегося Мацака Папяна. Так же, как и тот, говорил он на каком-то провинциальном диалекте армянского языка, но был безмерно кичлив и самонадеян. Арутинов отделился от него классическим приемом – направил в Москву на какие-то курсы. Вот тогда - то Арушанян стал одним из верховодов группы лишившихся высоких постов, которые

обратились к ЦК ВКП(б) с изобличениями всяких действительных и мнимых грехов Арутинова, что и явилось причиной отчёта ЦК КП(б) Армении в ЦК ВКП(б) в 1947 году, в подготовке которого я участвовал, ещё будучи работником аппарата ЦК ВКП(б).

Наступило время завершения Арушаняном этих самых курсов и возвращения в Армению. Естественно, что в Ереване он обратился в ЦК по поводу назначения на работу, и только тогда я впервые его увидел, хотя и много слышал. Вот тут Арутинов совершил не совсем остерегающий ход, втянув меня в игру с Арушаняном. Не приняв его, он поручил мне (тогда ещё был я заведующим отделом) пригласить его и предложить на выбор – директором: либо одного из новых Талинских совхозов, либо Кироваканского совхоза. По наивности я так и поступил, заработав лютую ненависть Арушаняна, которую он излил на меня в удобное для него время. А потом сам же Арутинов распорядился назначить Арушаняна министром автотранспорта. Появилось ещё несколько человек, мягко говооя, не благоволивших ко мне – Грач Маргарян, будущий второй секретарь ЦК, Геворк Айрян – корреспондент “Правды”, и некий Бабкен Карапетян, липовый поэт, а, в сущности, графоман-рифмоплет, писавший на меня анонимки. Последние за то, что в период когда я, некоторое время одновременно редактировал журнал “Партиакан кянк” (“Партийная жизнь”), выставил его из редакционного аппарата как полнейшего бездельника, к тому же бездарного субъекта. В массе же отношение ко мне, вплоть до моего исчезновения из Армении, было самое превосходное.

Появление же Заробяна в Армении (человека несравненно более благородного, несмотря на то, что волею судеб оказался он поначалу в одной группе с такими персонами, как Арушанян) в большой степени было связано со мной. Однажды позвонил мне из Москвы заведующий отделом ЦК ВКП(б) – тогда, парторганов, а потом административных органов – очень близкий мой знакомый и

одноклассник по ВПШ – Афанасий Лукьянович Дедов, сказавший, что в резерве у них находится некий Заробян Яков Никитович, работавший до последнего времени (отраслевым) секретарём Омского обкома партии и на вопрос – где он хотел бы работать, просится в Армению. Я ответил, что посоветуюсь с Арутиновым и позвоню. Арутинов справедливо ответил, что стоило бы прежде познакомиться с ним, о чём я и сообщил Дедову.

Спустя несколько дней ко мне в ЦК заявился человек назвавшийся Заробяном. Мы с ним немного побеседовали и он произвел на меня впечатление солидного и опытного работника. Я высказал свое мнение Арутинову и свёл их. Такое же мнение сложилось у Арутинова, но предложить мы могли лишь должность заведующего отделом административных и планфинторгоров, откуда перед этим ушел Каро Мутафян. Заробян же попросился в промышленный отдел, но ему было сказано, что эту должность занимает вполне соответствующий своему назначению Сурен Авакович Мелкумян, бывший директор Кироваканского химкомбината (а в будущем многолетний постпред Армении при союзном правительстве, скончался весной 1995 г.).

Словом, Заробян принял наше предложение и отсюда началось его движение, с подъемами и спадами, к креслу первого секретаря ЦК КП Армении. Вообще же, не будь мы с Дедовым близкими товарищами, всего этого могло не быть. Надо, однако, отдать должное Заробяну. Всегда он старался быть мне полезен и до конца своей жизни пользовался любым случаем, чтобы проявить весьма дружественное ко мне расположение.

Как бы не был я занят, но заботы о семье, привлекали главное моё внимание. А после того, как в конце 1948 года маму, на почве тяжелой гипертонии, разбил паралич, отец же заметно состарился,

нужно было внимание к ним вдвое, и даже втрое, усилить. Не говоря о регулярной материальной поддержке, нужно было организовывать избавление от тбилисской и ереванской летней жары.

В летние месяцы 1951 и 1953 годов мне предоставили комнату с застеклённой галереей в доме на территории Степанаванского лесопитомника (через министра коммунального хозяйства Нуник Месроповну Тухикян), расположенного на верхней окраине городка, куда я и свёз их всех. Труднее всего было вывезти маму, для которой нужно было иметь под рукой специальные принадлежности, так как уподобилась она малому ребёнку. Поэтому пришлось съездить в Тбилиси, там взять в дополнение, к моей, автомашине вторую – типа “Виллис”. Помог управляющий делами Совмина Ахшарумов, позвонивший своему другу Нагапетову, занимавшему какой-то начальнический пост в Тбилиси. Так, двумя машинами, прибыли мы, едучи ради мамы неторопливо и крайне бережно, в Степанаван, уже со стороны Калинино. Собрались все вместе – Сима с крошкой Ирочкой, мама с папой, Рита с Гегамом и Кариком, тоже ещё малым, а в один из годов приехали и немного побыли у нас мои троюродные сёстры Викторина и Лиля из семейства московских Варганянов. В общем, народу собралось препорядочно, так что, когда я присезжал в субботний вечер в Степанаван, то мы с шофёром уходили ночевать в местную гостиницу.

В воскресенье вечером или рано утром в понедельник я возвращался в Ереван. Путь был нелёгкий, через два высоких перевала – Пушкинский (туннеля под ним ещё не было) и Семёновский, 200 км по горным дорогам, с двумя длиннющими серпантинами. Но был я молод и вынослив, а работавший в это время шофёром Арам, сухой, жилистый, небольшого росточка, был поистине неутомим. Однажды в течение одного дня выдержал он путь от Лешинакана, через Калинино, Степанаван, Кировакан, Дилижан, Сван, Ереван, а оттуда через Нахичевань и Бичанакский перевал в Горис. 500 км по

сплошным серпентинам. А произошло это потому, что в субботу я был в командировке в Ленинакане, а воскресным утром выехал через Гукасянский перевал и Калинино к своим в Степанаван. Не успел я туда приехать, как из райкома партии сообщили, что Арутинов просил очень срочно приехать в Ереван. В середине дня я уже был в ЦК и Арутинов, поручил мне немедленно выехать в Горис по какому-то очень важному делу, кажется, на пленум. Тут же двинулись в путь и вечером того же дня уже оказались в Горисе. Успели только слегка перекусить утром в Степанаване и по пути в Нахичеван. Я безмерно устал, а Арам был так свеж, словно и не пришлось задержать такую непомерную физическую нагрузку.

Вообще в Зангезур я выезжал часто и охотно. Красоты местной природы по первозданности ни с чем не сравнимы, особенно, местность между Горисом и Кафаном, где неподалеку, примерно в половине пути между ними, немного в стороне от главной дороги, расположен Татевский монастырь.

Однажды, оказавшись в Горисе в конце недели, я решил использовать субботу и воскресенье для поездки через Карабах, где, а именно в Сепанакерте, работал в должности начальника областного управления МВД Азербайджана Ваня Ходжаев – мой двоюродный брат. В компаньоны, напросился случайно встретившийся в Горисе мой ереванский коллега и бывший однокашник по ВПШ – Мамикон Гегамян. Проехали поперек через весь Карабах с запада на восток, по пути завернули в Шушу, всё ещё стоявшую в руинах. Мусаватисты сподобились её под корень разделить ещё в годы закавказского разброса. А ведь Шуша вошла в историю как один из культурнейших центров исторической Армении!

Заночевал я в Степанакерте. Впрочем почти всю ночь мы с Ваней поговорили-повспоминали. Ведь детские и подростковые годы, почитай, были у нас общие. Наутро, провожаемые Ваней почти до Агдама, выехали в Ереван – через Евлах, Кировабад (Гянджу –

прародину всех моих предков по обеим линиям), далее Казах, Иджеван и т.д. Тоже немалый был путь. Добавлю только, что ненадолго навестили мою отцову сестру – тётю Олю, и подъехали посмотреть уже совсем родной – мой старый дедовский-прадедовский дом. Ах, как много у меня евязано с этим домом, да и всей Гянджой (родиной родин)! С некоторого времени в этом древнем армянском городе нет ни единого армянина. Жив только тот, кто успел вовремя смыться, а над остальными лишь Крест Господень в воздухе. Поставить не дали.

А осенью 1952 года взял я две путёвки в санаторий им. XVII съезда в Гаграх, да прихватил с собой трёхлетнюю Ирочку, не решившись оставить её у бабушки – Евдокии Васильевны. Увы, в санатории категорически запретили пребывание ребёнка, попытались было снять в частном порядке комнату, чтобы Сима с Ирочкой могли там ночевать (нашли совсем рядом с санаторием), но стали говорить, что и днём нельзя приводить ребёнка, да и с питанием возникли бы трудности – где и как кормить девочку вне санатория. Словом, в предвидении серьёзных трудностей и проведя лишь два дня в Гаграх, я в сердцах решил уехать оттуда, оставив две путёвки, хоть и полученные с установленной скидкой. Приехали мы в Тбилиси, а ещё через несколько дней возвратились в Ереван.

Первое моё пребывание в должности секретаря ЦК продлилось лишь с марта по ноябрь 1952 года. Меня преследовал какой-то рок, обязательно попадать в какую-нибудь реорганизацию, так же обязательно задевающую мою персону. В течение многих лет в ЦК было пять секретарей (не считая периода “отраслевых”). А тут вдруг в верхах было принято решение вместе с сокращением численности работников партийного аппарата, оставить в ЦК, обкомах, крайкомах, только по три секретаря, при этом обязательно при наличии одной женщины. Завен Григорян был вторым секретарём, Берсабе Григорян обрела женскую неприкосновенность, стало быть, вся

реорганизация обрушилась на меня. Пришлось согласиться на возвращение в отдел парторганов. Чтобы как-то позолотить пилюлю, Арутинов заявил, что ничего в моем положении не изменится — остался я членом бюро ЦК, продолжал занимать секретарский кабинет, сохранили за мной автомашину “ЗИМ”, которых тогда в республике было два или три экземпляра, ну, и так далее.

Миновала ещё одна зима, и в апреле 1953 года избрали меня уже вторым секретарём ЦК КП Армении, вместо Завена Григоряна, которому отвели пост министра в недавно созданном Министерстве культуры. Вот когда Берсабе прямо взбесилась от зависти и вовсе люто возненавидела меня.

А незадолго перед этим состоялось событие, которое перетрянуло не только всю страну, но без преувеличения и весь мир. 5 марта 1953 года скончался Иосиф Виссарионович СТАЛИН.

В делегацию от Армении, выехавшую на похороны в Москву меня не включили, кроме Арутинова, разрешили включить ещё одного секретаря и, конечно, выбор пал на женский персонал. То же самое произошло при отборе делегатов на XIX съезд партии.

После завершения траурного ритуала начались такие перемены, что ещё долго пришлось откашливаться множеству людей, для меня же этот год оказался в полной степени тем, что называется “в чужом пиру похмелье”. Уж лучше было мне не становиться вторым секретарём ЦК. Я тогда не понял (и до сих пор не могу понять, как я оказался таким несообразительным), что подобным выдвижением Арутинов готовил мою персону в замену себе. Тяжело болея, он уже исподволь заговаривал об уходе с активной работы, но пока не очень определенно. Я как-то не принимая это всерьез, но, оказывается, чуть ли не весь актив отлично определился по поводу истинной подоплеки происходящего. Поэтому среди лиц, оппозиционно настроенных к Арутинову, стала сколачиваться группа, поставившая целью воспрепятствовать моему появлению на столь высоком посту

и потихонечку, пока без шума, стали передвигать шахматные фигуры в поисках короля, который должен был спихнуть меня в пешки. И возможность для решительной атаки на Арутинова, а стало быть и на ближайших его коллег, вскоре представилась.

Началось с самовыдвижения на пост первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущёва. Диву даёшься, как опытнейшие, прошедшие огонь и воду деятели, входившие тогда в состав Политбюро ЦК КПСС, дали провести себя на мякине и горько заплатили за свою близорукость, беспечность, а, скорее всего, как говорится, “кишка оказалась столь тонка”. Конечно, Хрущёв действовал по-мужицки хитро, составив тщательно продуманный (или подсказанный) план постепенного устранения каждого, кто мог быть ему опасен. Первая его акция получила почти всеобщую, можно сказать, даже воодушевлённую поддержку, так как была направлена на ненавистного чуть ли не всем, да и в самом деле опаснейшего Лаврентия Берия. Впоследствии, при обстоятельствах, о которых ниже я подробно изложу, Хрущёв рассказывал (я был очевидцем этого рассказа и привожу в первом лице, так, как я сам от него слышал) о происшедших вскоре событиях.

”В те несколько дней, когда Сталин был ещё жив, но без сознания, – рассказывал Хрущёв, – было решено, чтобы возле него постоянно дежурили члены Политбюро. Тут он предложил, во избежание недоразумений и возникших подозрений, в случае смерти Сталина, установить по графику одновременное дежурство двух членов Политбюро. Предложение было принято, и мне довелось дежурить в паре с Булганиным. И вот, однажды, сидя у изголовья Сталина, я решил поделиться с Булганиным опасением, что Берия может попытаться захватить власть в стране. Булганин полностью согласился со мной. Затем мы сообщили о своих опасениях Молотову и Маленкову и договорились от имени всех четверых переговорить с други-

ми членами Политбюро – Ворошиловым, Кагановичем и др. Все с восторгом согласились участвовать в мерах по изоляции Берия!!

Таков был рассказ Хрущёва.

Однако, поначалу, сразу же после смерти Сталина, все они поддавались бурной деятельности Берия, который буквально закусил удила. Начал он со всеобъемлющей амнистии. Чуть ли не каждую неделю мы стали получать закрытые письма, которые под большим секретом сам же Арутюнов зачитывал членам бюро. Главным их содержанием были всякие массовые амнистии – выпустили чуть ли не всех уголовников, включая рецидивистов, предателей типа поллицаев и бандеровцев и всех таких прочих.

Освобождение и реабилитация осуждённых в 1937 году состоялось лишь в 1954 году, когда Берия уже сгинул. В документах, касающихся Берия, сообщалось и о предложении Берия объединить советскую зону оккупации Германии с другими зонами и создать единое германское государство, что, конечно, привело бы к включению всей страны, вместе с территорией будущей ГДР, в блок НАТО. Были и другие “инициативные” действия Берия, которые пока готовились.

Так шли дела до июля 1953 года. К этому времени на посту первого секретаря ЦК КПСС закрепился Н.С. Хрущёв, Председателем Совета Министров СССР стал Г.М. Маленков, В.М. Молотов остался в должности заместителя председателя Совмина, являясь одновременно министром иностранных дел, остальные, входившие в состав Политбюро ещё при жизни Сталина, тоже пока занимали высокие руководящие посты.

В июле 1953 года, при полной солидарности всех членов Политбюро, над головой Берия разразился гром, испепеливший его.

Теперь обо всех этих событиях в аспекте моей персоны.

В один из июльских дней, чуть ли не глубокой ночью позвонил мне домой Арутинов и сообщил, что его срочно вызывают в Москву, поэтому рано утром он вылетает, так что мне надлежит руководство всеми делами в республике взять в свои руки, учитывая, что, по-видимому, предвидятся какие-то важные события. На мой вопрос – что может быть, ответил – “ни о чём не известили”, как оказалось это был не уклончивый, а истинный ответ.

В середине дня приехал ко мне в ЦК министр МГБ генерал Г.И. Мартиросов и сказал, что ему из Москвы был непонятный звонок о соблюдении бдительности, но без каких-либо объяснений. Я думаю, добавил он, – что происходит что-то, связанное с Берия. Обосновал он свое предположение тем, что по утренним сообщениям вчера весь состав Политбюро присутствовал в Большом театре на премьере оперы Шапорина “Декабристы”, но в перечне присутствующих не был упомянут лишь один Берия. Это была очень характерная и, как оказалось в данном случае, правильная версия. На протяжении многих лет мы научились по каким-то косвенным признакам, чуть ли не чутьём, узнавать о многих неопубликованных событиях.

Не успел Мартиросов уйти от меня, как раздался звонок по “ВЧ”. Это был Суслов, который назвал меня по фамилии (узнал заранее?) и спросил – знаю ли я зачем собрался пленум. Отвечаю: не имею представления. Говорит: на пленуме разоблачена антипартийная деятельность Берия. Дальше последовали просто смешные поручения, свидетельствующие о том, насколько в верхах не представляют обстановку и настроения в низах. Примерно следующее: мобилируйте актив, чтобы пресечь какие-либо протесты и митинги (это в Армении? В защиту Берия? Просто умора!). Далее: по линии Министерства обороны дано указание вывести национальные дивизии

(впоследствии Хрущёв полностью их ликвидировал, очевидно как “ненадёжные”), под предлогом маневров, из города (значит, опасались, что армянские дивизии могут взбунтоваться в защиту Берия? Вдвое умора!). В общем и так далее, и так далее, запомнилось не всё.

Я собрал членов бюро ЦК, секретарей горкома и райкомов партии, заведующих отделами ЦК, ещё кое-кого, и стали мы действовать.

Во-первых, убрать отовсюду и не упоминать впредь в печати и другими способами название района им. Берия, улицы в Ереване под таким же названием, словом, убрать отовсюду это имя, снять и уничтожить его портреты (кстати, в Армении их почти и не оказалось, но какие-то, особенно в ряду общей галереи членов Политбюро, всё же были). Такие же указания были даны всем горкомам и райкомам партии. А дальше оставалось ждать развертывания событий.

Самое характерное и, в какой-то степени, неожиданное, эта весть была встречена с поистине всенародным ликованием. Ну если не ненависть, то нелюбовь к нему была всеобщей, но, конечно, всё до поры до времени помалкивали, всё же был он членом политбюро. А тут – вывести, видите ли, – национальные дивизии, предотвратить протесты. Господи помилуй! Вот вам и “умнейший Суслов”, который при всех переменях в его жизни, всегда становился на сторону сильного и первый начинал лебезить перед новым лидером из всех сил охаивая предыдущего, перед которым сразу начинал пресмыкаться.

А на пленуме ЦК КПСС события шли уже по составленному сценарию, так как всё было решено и выполнено ещё накануне на заседании Президиума ЦК.

Когда к началу заседания Президиума все расселись, Хрущёв заявил, что будут рассматриваться антипартийные действия Берия. Все были заранее подготовлены, и неожиданным оказалось это лишь для Берия. Конечно, он вскочил с места, зашумел, однако все без

исключения навалились на него. Затем, очевидно, по какому-то сигналу в зал вошёл генерал Батицкий в сопровождении группы офицеров, объявивших Берия, что он арестован. Поручено это было армии, так как, якобы, не было уверенности, что МГБ или МВД не выступят в защиту Берия. Ещё одна очередная глупость! Когда это чекисты и работники органов МВД выступали против Советской власти? Кучка подхалимов Берия, и та бы не осмелилась на такую акцию.

Кстати, исход дела с Багировым, некоронованным царьком Азербайджана, тоже был основан не на каких-то его действиях при решении вопроса о Берия. Криминал Багирова, в данном случае, заключало в том, что, прибыв по вызову в Москву и пока не зная в чём дело, он прямо из аэропорта позвонил Берия, чтобы узнать, по какому поводу созваны члены ЦК. Об этом поступке Багирова Хрущёв не уставал говорить и говорить. А то обстоятельство, что Берия с Багировым были давнишние личные друзья, и что Багиров сотворил в Азербайджане множество бесчинств в те злопамятные годы, было достаточно широко известно. Но это уже совсем другое дело.

Дальше всё завертелось как в калейдоскопе. Возвратился Арутинов и, как полагается, созвали пленум ЦК КП Армении по итогам июльского пленума ЦК КПСС. Я председательствовал, а Арутинов сделал сообщение. Затем стали поступать записки с просьбой записать в прения, среди них записка Арушаняна. Я сразу почуял запах пороха, но не дать выступить было нельзя. И Арушанян выступил, излив всей силой свою озлобленность. Настал его звездный час.

Основные тезисы его выступления были не очень-то по существу: До каких пор в Армении будет властвовать человек, скрывающийся под тремя фамилиями – Арутинов, Арутюнян, Арутюнов? (Дело в том, что Арутинов, как и у коренных кахетинских армян – была документальной транскрипцией (кахетинской) его фамилии, традиционной модификацией старогрузинских армян. В этой форме

в прессе и по документам эта фамилия именно так и писалась. Но естественно, в Армении она, что называется – “не звучала”. Поэтому, в республиканских русских изданиях писалась в форме – Арутионов, и, наконец, в самой массовой – армянской, уже как полагается – Арутюнян. Я сам не раз слышал от него выражение недовольства, что так нелепо трансформировалась его фамилия, но исправить уже нельзя было, подобные разночтения уже массовым тиражом заполнили издания. Говорят, по-началу он пытался поправить, но потом махнул рукой.

Конечно, подобное заявление Арушяна сложно было проигнорировать. Это был чисто формальный момент и ничего существенного не содержал. Но затем Арушяни кинулся перечислять всяческие “прегрешения Арутинова” – таких - то необъективно выдвигал, других, тоже необъективно, задвигал. Пошёл перечень фамилий всё тщательно собранное за шестнадцать лет. Явно за каждым шагом Арутинова велось наблюдение и фиксировалось. И вот, наконец, наступило время весь огромный ушат всяких (именно “всяких”) фактов обобщить, обоснованно или необоснованно, в такие моменты это не имеет значения. Важно лишь, какие намерения возникли в самых верхах.

И, наконец, главный криминал, который непрерывны, в течение ряда месяцев, упорно твердился и дошел до обсуждения в ЦК КПСС – “Арутинов не говорил по-армянски”. Между тем, язык - то он знал, но настолько не совершенно, что стеснялся говорить. Именно об этом он сказал при самой первой нашей встрече, и тут же добавил: “Говорите как можете, по началу вам простят, а потом научитесь”.

Вот на этом и заключался основной тезис Арушяна: “снять Арутинова со всех постов”, и добавил: “исключить из партии и судить по всей строгости советских законов”. Вот так-то!

Таких категорических требований больше не было. В ряде выступлений содержались кое-какие, “вроде”, критические моменты

и ничего больше сногшибательного. И вдруг прозвучало исключительное по ярости выступление некоего (именно “некоего”) Седрака Геворкяна, случайно и недавно залетевшего в Армению. Но прежде, надо сказать, что в республике он прославился как законеный склочник, карьерист и, вообще, проходимец, спустя несколько лет закономерно исчезнувший с горизонта. На пленуме, кажется, слово ему не досталось (впрочем, не помню точно, запомнилось только, что с места он непрерывно что-то истошно вопил с обезображенным от ярости лицом). Но в последующие месяцы он использовал любую трибуну, чтобы разразиться бранью в адрес “людей”, узурпировавших власть в Армении, и, в конце концов, после падения Арутинова, получил косточку с барского стола – пост (весьма жирный для своекорысных субъектов) – председателя Айкоопа (Потребсоюза). Вообще же, в Армении появился он случайно, прибыв не то из Баку, не то даже из Карабаха, уже после моего прибытия в Ереван и, к сожалению, никем не известным, а затем, при помощи Погосова, проникший в аппарат ЦК КПА.

Разумеется, на пленуме пришлось выступить и моей персоне (нельзя же было отмолчаться второму секретарю ЦК). Говорил я в общем, в духе решений пленума ЦК КПСС, старался не отвлекаться на мелочи, но в конце словно меня бес толкнул – опровергая некоторые преувеличения Арушаняна, я малость зарвался и допустил одну опечатку, которая впоследствии обернулась против меня. Отвечая на сетования Арушаняна на то, что его несправедливо затирают (а пребывал он, как известно, в должности министра автотранспорта), я, неожиданно для себя самого (так тоже случается) “вопросил”, – на что, собственно сетует Арушанян, ведь назначен он министром, а не каким-нибудь, скажем, экспедитором. Уже сказав это (а слово не воробей) я спохватился, что точно также (насчет “экспедитора”) однажды выразился Арутинов. Получилось, что я повторил его слова (“спопугайничал”).

А то забрало, поднятое Арушаняном, и то, что в бой рвался Геворкян, объяснялось очень просто. Оба (кстати, жившие на одной площадке и коротающие свои вечера за нардами (говорят, без единого пропуска, не в театр или концерт им идти?), случайно повстречались в самолете, возвращаясь из Москвы в одни и те же дни и часы, а может и сговорившись), встретились в нем с ответорганизатором ЦК КПСС неким Туркиным, который летел в Ереван для участия на пленуме, созванном сверху, как первый заход для будущих санкций против Арутинова. Вот Туркин то, после обильных совместных возлияний на стоянках, проболтав, что в верхах судьба Арутинова уже предрешена, и его устранение лишь вопрос времени.

Подобному “предрешению” вполне можно было поверить. Хрущёв уже принялся за тех, кого он считал людьми Сталина (даже термин появился – “сталинист”), и даже (чего уже совсем не дай Бог!) – “бериевец”. Конечно, в их числе были все закавказские руководители. Первым оказался Багиров, исчезнувший вслед за Берия с лица земли, вместе с наспех слепленной с ним, якобы, его креатурой (в их числе оказался наш министр внутренних дел генерал Хорен Григорьян, который до Армении работал в Баку). В Грузии была расстреляна группа бывших и нынешних чекистов (здесь же оказался бывший министр МГБ Армении Кримиан, ранее работавший в Тбилиси), но Чарквиани уцелел и лишь поплатился своим многолетним постом – первого секретаря ЦК КП Грузии. Снят был он ещё до Хрущёва, за ним ещё двое с того же поста – Мгеладзе и Мирцхулава. Хрущёву же осталось подсунуть “благодарным” грузинам своего постоянного киевского “тамаду”, т.е. фактически шута – бездарного в работе, но одаренного стяжателя – Мжаванадзе, как и следовало ожидать – бесславно закончившего свою партийную карьеру уже после провала самого Хрущёва. Что касается Чарквиани, то при

Хрущёву затерялся он где-то в Средней Азии на какой-то очень низкой работе.

За Арутиновым Хрущёв считал главный криминал – широко известное благоволение к нему Сталина (о, ужас!), и конкретный антихрущёвский грех Арутинова – выступление на высокой трибуне и в печати в духе обвинений Хрущёва в левацкой теории и практике создания агрогородов, о чём была опубликована инспирированная самим Сталиным пространная статья в газете “Правда”.

Словом, было ясно, что Арутинову не устоять, и дело было лишь во времени. Вот на это и был сориентирован Арушанян, поторопившийся поскорее занять место под солнцем и первый подавший сигнал о начале атак на Арутинова.

За пленумом ЦК последовали пленумы горкомов и райкомов, собрания парторганизаций. Не было дня, чтобы мы – секретари и члены бюро ЦК, не присутствовали на них, иногда по два-три раза на день. Оппозиционно настроенные к Арутинову лица тоже не дремали, стараясь где только можно организовывать хоть слово критики в адрес ЦК и самого Арутинова, которому, естественно, доставалось больше всех. Но удавалось им устроить шум лишь на некоторых пленумах в Ереване и на партсобраниях идеологических учреждений. Рабочий класс и сельчане были далеки от этой борьбы, преследующей целью совершить “дворцовый переворот”, и там шли обычные собрания.

Вообще, можно утверждать, что весь ажиотаж сосредоточился в непромышленных районах столицы, в первую очередь, в Университете и Союзе писателей, провинция же жила обычной жизнью. Сильва Капутикян на собрании Союза писателей произнесла фразу, ставшую крылатой у недругов Арутинова: “чем выше росли тополя перед особняком Арутинова, тем больше отрывался он от народа”. И тут я вспомнил, какие усилия прилагал Арутинов для популяриза-

ции по стране молодых поэтов Армении, особенно, Сильвы Капутикян и Геворка Эмина.

ПОИСТИНЕ, ЗА ДОБРО ДОБРОМ НЕ ПЛАТЯТ.

На пленуме Спандарянского райкома партии, на котором я присутствовал, выступил Наири Зарьян, наговоривший кучу благоглупостей (включая прямые антигрузинские выпады), например, “Арутинов погубил озеро Севан, чтобы электроэнергию вырабатываемую её водами, перекачивать в Грузию” (кстати, проект и практические попуски воды из Севана были осуществлены задолго до появления Арутинова в Армении). В своём выступлении я в сдержанном тоне вносил поправки в безграмотные и голословные утверждения. В данном случае, в частности, сказал, что электроэнергия не может подаваться из Армении, так как энергосистема Закавказья ещё не закольцована. На это последовали ещё более невежественные реплики – “а по линиям железнодорожной электросети?” и т.п. в том же духе.

Вот в эти дни Арутинов допустил грубейшую ошибку, которая дала в руки фрондеров сильнейший козырь и нанесла решающий удар по ЦК. По-видимому, большая политическая школа не уберегла Арутинова от растерянности, уж больно сильный разразился шквал! Уже не зная, что противопоставить своим оппонентам, решил он перейти в наступление, использовав давние (или не очень) националистические высказывания некоторых членов коллективов Университета и Союза писателей, в которых, в основном, и разбушевалась критика в адрес Арутинова. Словом, вышло решение бюро ЦК, в котором некоторые, из верховодов, не помню всех, запомнились лишь Наири Зарьян и Амаяк Сирас (кстати последний кажется помалкивал), были обвинены в националистических настроениях. На заседании бюро ЦК, при обсуждении этого вопроса, присутствовал Туркин, который созвонившись со своим начальством, полагаю Чураевым, пытался предотвратить принятие такого решения

(думаю, в эту минуту ни он не понял, что такое решение льет воду на мельницу атакующих, ни мы не поняли, что такого решения не следует принимать, так как мы лишь усугубили и без того критические положение). Так или иначе, злосчастное решение было принято, уж Арутинов умел упрямыться, иногда, невпопад. Редактирование несчастного решения, увы, было поручено мне, и вот, что меня однажды несказанно поразило и разочаровало (скажу, забегаю вперед) – Арутинов во время одной из сильнейших атак, связанных с этим решением, заявил (правда в узком кругу) – “что это на меня навалились с этим решением, не я его написал”. Это была явная и недостойная попытка свалить вину за неудачное и неуместное решение на его редактора, т.е. на меня, словно, дело в том, кто водит пером.

Но пока суд да дело, оппоненты Арутинова накрепко ухватились за него. Первым сразу же воспользовался нашей оплошностью Арамаис Мнацаканян, приславший в ЦК письменный протест на многих десятках страниц. Тоже замечтал о месте под солнцем, но слишком уж непопулярен он был среди актива, поэтому ничего у него так и не вышло. А в один из жарких летних дней, когда наши были в Степанаване и дома оставалась лишь Евдокия Васильевна, я подхватил простуду (летом это нередко бывает) и лежал дома с довольно высокой температурой, вдруг заявились ко мне домой Гегам Алекян (был тогда секретарём горкома партии) и Армо Аренц (секретарь Кировского райкома, куда входил Университет) и объявили, что в Университете идет партийное собрание, почем зря кроют ЦК, и по ходу собрания там потребовали, чтобы явились на собрание либо Арутинов, либо я (как второй секретарь ЦК). Перед этими днями Арутинов был в Моекве, и как мне сказали, только-только, лишь пару часов назад, возвратился в Ереван. Алекяну и Аренцу, связавшимся с ним по телефону, он ответил, что сейчас не в состоянии куда-либо идти. Вот тогда и пришли они за мной. Чувствовал я

себя весьма неважно, ещё держалась температура, и уже собрался было я отказаться от подобного путешествия, но вдруг толкнула меня мысль (опять взыграли во мне молодость и неискушенность в “политических битвах”) – не подумают ли там, в Университете, что я струсил. Тут же поднялся с постели, оделся и поехал,

В зале, куда я вошёл, при виде меня поднялись почти ревя и свист и я заметил, что парадом командует известная нам группа застрелыщиков, возглавляемых неким Богданяном, побывавшим в какие-то давние времена на ответственных постах и пребывавший теперь в стане “обойденных”, затем Ованес Туманян, преподаватель политэкономии, известный склочник во все времена и по всем, случаям, и некий Гарегин Петросян, на редкость примитивный субъект, хотя и числившийся преподавателем математики, и сразу же “за заслуги”, напаявший ректорскую тогу. За ними шла ещё кучечка горлопанов, шумно протестовавших против чего-то. Это “чего-то” и оказалось упомянутым решением ЦК, и весь дальнейший разговор шёл вокруг него.

Моё выступление (его стенограмма сохранилась в моем личном архиве и была записана по моему предварительному требованию, как условие для моего выступления) касалась объяснения оснований для принятия подобного решения, но в заключение пришлось – таки признать, что, ежели встретило такое широкое неодобрение, то, быть может, имеет и уязвимые моменты, поэтому я попрошу бюро ЦК ещё раз рассмотреть под этим углом зрения.

После завершившегося вскоре собрания я настолько обессилел из-за нездоровья, что даже Гарегин Петросян меня пожалел, непростенно потрогав лоб, и сказал: “да ведь он горит, дайте ему полежать на диване, пока вызовем врача”. Но я буквально взвился и немедленно уехал домой, брезгливо отвергнув предложение о помощи. А за эту свою поездку заслужил я потом упрёк от Арутинова – зачем, дескать, поехал, да ещё выступил, этого не хватало – ездить секре-

тарём ЦК куда ни попало по требованию нескольких горлопанов. Так или иначе, факт свершился, и именно он явился кульминацией тычков, которые достались моей персоне, волею недобрых судеб оказавшейся в такое время самым ближайшим коллегой Арутинова. Вот вам и “в чужом пиру похмелье”!

Между тем, в Ереван, когда было сочтено, что удалось разжечь страсти до предела (все делалось по разработанному сценарию, а роли на месте пока распределял Туркин) приехала целая группа работников ЦК КПСС во главе с Чураевым. В составе группы был мне знаком лишь П.Н. Федосеев (впоследствии вице-президент Академии наук СССР), еще раньше – заведующий Отделом печати ЦК ВКП(б), когда я работал в этом отделе, а ко времени приезда в Ереван обретавший в какой-то незначительной должности, сниженный за дружбу с опальным Г.Ф. Александровым.

Несколько слов о нем, имея в виду моё крайнее уважение этого человека. Итак, Георгий Федорович Александров, много лет занимавший пост начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), и как раз в тот период, когда я имел удовольствие несколько лет в этом управлении поработать. После прихода к руководству незабываемого Никиты Сергеевича Хрущёва, разогнавшего ряд отличных работников, к которым он не благоволил (“люди Сталина”), Георгий Федорович тоже оказался в числе изгнанных. Затем последовала серия преследований, вплоть до приписания ему уголовщины (приобретение похищенных ворами картин). Этого уже Александров не мог выдержать и покончил с собой.

Вернёмся к приезду в Ереван команды, возглавляемой Чураевым. Побыли они некоторое время, основательно поконтатковались с “недовольными”, всеми силами поощрили их, от чего те совсем распоясались, и отъехали, выполнив данную им инструкцию.

Бог мой, какая после этого выплыла мразь, специально для расправы с Арутиновым: типы вроде Шогеряна, Гукасяна (не хочется

перечислять их). Скажу только, что сразу же после их использования, эти демагоги были прогнаны, а Гукасяна – уже новое руководство ЦК даже исключило из партии.

Среди происходивших в августе событий выделяется районная партконференция Спандарянского района Еревана. Собрались в зале Дворца пионеров. Присутствовали на ней Арутинов и я. В общем, всё шло, как обычно, провели прения. Начали поступать записки о прекращении прений. Некоторые прямо напоминали о том, что хотят принять участие в назначенных на этот день похоронах бывшего первого секретаря ЦК комсомола Армении Айро Айрапетяна (бедняга умер совсем молодым от невестки откуда взявшейся саркомы. Отличный был парень, мы с ним были очень дружны и я часто навещал его во время болезни).

Но конференция ещё продолжалась. Председательствующий поставил было на голосование предложение о прекращении прений, но тут потребовал слова Саак Карапетян, бывший Председатель Совета Министров, а ныне обретавший на фронте “научного куроводства” в каком - то институте, кстати в звании полного академика. Взошел на трибуну, запротестовал против прекращения прений, так как здесь, якобы, ничего не говорилось о человеке, которого нужно изобличить во всяких нарушениях (этим человеком, конечно, являлся Арутинов), а затем обрушился на последнего, перечисляя... словом всё о том же, и, разумеется, о главном грехе – незнании армянского языка, что расценил как игнорирование национальной культуры, отрыв от народа и т.д. и т.п. Далее заключение, ставшее стереотипом: отстранить от руководства республикой и наказать.

Эх, Карапетян, Карапетян, – подумал я, – вспомнив как Арутинов его выгораживал, но высокомерие, зазнайство, маниакальная самовлюбленность Карапетяна оттолкнули от него почти весь актив. Более того, критикуя Арутинова за ошибки в кадровой политике очень ссылались на неправильное выдвижение его на пост председа-

теля правительства, правда, не столько в деловом плане, сколько с его “половским” происхождением. Это было запутанное дело: каждый утверждал, что в голову придет: то был он священником, то купцом, то помещиком где-то в Араратской долине, а точки всё не было видно. Ну, подумал я, — не в этом суть, только отводят от главного.

Вот и сейчас, понимая, что Карапетян своим выступлением мечтает отломить кусок от того пирога, который уже вот-вот испечется, и, не питая к нему симпатий, почти никто не последовал за ним, лишь двое-трое что-то пробубнили, и на этом конференцию пришлось закрыть.

Вот
двух-трех
куда-то
вспомогатель
двух-трех
онда
сиди
ты
вспомогатель

МОСКОВСКАЯ ПРЕЛЮДИЯ

Наступил сентябрь. А где-то в конце августа позвонил мне Чураев и, по существу, приказным тоном, не вдаваясь ни в какие объяснения, предложил безотлагательно направить в Москву Товмасына и Заробяна. Спрашивать, зачем это понадобилось, было бесполезно (Чураев был нахал из нахалов, и можно было нарваться на беспардонную грубость, да и без вопроса всё было ясно). Самое классическое заключалось в том, что ни один, ни другой, когда я распорядился выдать им документы и деньги, даже не спросили – зачем их вызывают, и глазом не моргнули. Предварительный сговор сразу же вышел наружу. Арутинов тоже и бровью не повел, стало-быть, тоже сообразил.

Вопрос заключался лишь в одном – почему именно Товмасын и Заробян? Ну, со вторым всё было ясно. В те времена, когда Чураев был первым секретарём Харьковского обкома партии, Заробян работал одним из секретарей Орджоникидзевого райкома партии г. Харькова. То, что в Ереван приехал именно Чураев, решило судьбу Заробяна, на которого, как на старого коллегу, Чураев тут же стал опираться. Иначе, можно было полагать, что во всей этой баталии Заробяна и близко не было бы. Просто произошло то, что именуется случайным стечением обстоятельств. Работал же Заробян в этот момент заместителем заведующего отделом парторганов, поэтому вряд ли состоялась бы любовная смычка Чураева с Заробяном.

Нужно, однако, иметь в виду, что кандидатура Заробяна могла, всё равно, оказаться в игре. Но дело в том, что главный козырь против Арутинова – незнание армянского языка, - в равной степени коснулось бы и Заробяна. Политические игры богаты сложными закоулками. Словом, с Заробяном получалась серьёзная закрутка.

Значит, искать вторую кандидатуру. Вот и появилась фигура заведующего отделом административных органов ЦК КПА – Сурена

Акоповича Товмаеяна. Любопытно, что в течение всего противоарутиновского гвалта Товмасына не было слышно. Он оказался чьей то счастливой находкой. Вот теперь можно было решить судьбу Заробяна, хотя бы, на пост второго секретаря. Как говорится – “и то хлеб”!

Итак, Товмасын и Заробян, конечно будучи достаточно основательно проштудированными, прибыли в Москву, но, видимо, оказались нелёгким орешком, так как пробыли в Москве чуть ли не полтора месяца. Как всегда в подобных случаях предстали они у немалого числа лиц, к тому же, не раз у самого Суслова, которому Хрущёв всегда скидывал всякую мелочишку.

Между тем, в Ереване буря не стихала, и я, чувствуя, что не менее как второе (поневоле) лицо возложат безусловную ответственность за всё происходящее, решил предпринять, как минимум, два шага, после долгих мучительных раздумий о том, нужно ли было их делать, понял, наконец, что нужно было, и даже обязательно, независимо от того, что впоследствии произошло: Во-первых, я информировал ЦК о том, что некоторые организаци выразили Арутинову недоверие, и, во-вторых, несколько позднее – переслал в Москву заключение министра здравоохранения Хримляна и начальника Лечкомиссии Мравяна о том, что по заключению врачей здоровье Арутинова приближается к критическому состоянию, и поэтому сочли, необходимым сообщить ЦК КПСС. И вот, до сих пор я думаю; с одной стороны, мне нельзя было безмолвствовать, а, с другой, – два этих письма как бы ускорили, подстегнули рассмотрение сложившегося в Армении положения. Под их влиянием или по предрешению (я тогда не сомневался во втором, письма могли лишь ускорить решение вопроса, но не более. Так или иначе, критический день наступил. Примерно в середине ноября из ЦК КПСС пришел вызов в Москву всего состава бюро ЦК КП Армении, плюс Товмасын и Заробян (ах, какая искусная конспирация!). Самое потешное было в

том, что вылетев вместе в одной машине, вели мы себя так, словно собралась компания закадычных друзей. Однако, не успел самолет приземлиться, как “компания” мгновенно разлетелась кто-куда. Первыми кинулись и исчезли во мраке Папян и Берсабе Григорян. Что касается меня, то я (может быть случайно) оказался в паре с Кочиняном. Вместе мы поехали в гостиницу и всё тяжкие дни пребывания в Москве, где кабинет Хрущёва превратился для некоторых из нас в пыточную камеру, тоже были вместе.

На следующий день после приезда нас пригласили в ЦК КПСС. Сперва собрали всех в кабинете Чураева, заявившего о том, что предстоит встреча с секретарями ЦК КПСС. Повод для встречи – положение дел в ЦК КП Армении и ряд обращений в ЦК КПСС (вот оно где и моё обращение!). Спустя некоторое время сопроводили нас в кабинет Хрущёва. Расселись за длинным столом, торцово-головную сторону которого занял Хрущёв, вдоль прилегающей к окнам стороны – по правую сторону сели Суслов, затем бок о бок – Чураев, Громов (зав. Отделом парторганов по союзным республикам, в Ереван он не приезжал), Туркин (мой злой гений) и ещё кто-то из аппарата ЦК КПСС. По левую руку расселись – Поспелов П.Н., затем небольшой интервал, и далее – Арутипов, моя персона, Кочинян, Папян, Берсабе Григорян, Товмасян, всех остальных за-памятовал. В общем, это и были основные действующие лица.

Поначалу изложил состояние дел Чураев, делая сильный нажим на негативных моментах и пуская ядовитые стрелы в сторону Арутинова. Последний пока помалкивав, по-видимому, подготовившись ко всему, не изображал на лице никаких эмоций. Что-то добавил Туркин, потом ещё кто-то, и вдруг взорвался Суслов. Грубо обрушился он на Арутинова, пока в чисто методическом плане, дескать, вы поглядите только, как он себя ведет, сидит и отмалчивается, будто всё это его не касается. Арутинов отпарировал тем, что предполагал высказаться, когда дадут ему слово. Хрущёв всё же не дал

Арутинову связно выступить и стал резать его репликами, от чего возникла перепалка, примерно в таком плане:

Хрущёв – “Ваш Берия сейчас бьется головой об стену” и т.д. (Берия, как известно, был расстрелян лишь в декабре, а в эти дни пока находился в заключении).

Арутинов (на Хрущёва): “Почему он мой, он ваш этот Берия, это вы непрерывно фотографировались с ним, чуть ли не рука об руку, показывая, что вы неразлучны, а я с ним много лет и не встречался”. (Это была правда. Арутинов как-то, ещё при жизни Сталина, когда мы вдвоем сидели в задней комнате его кабинета, вдруг доверительно раскрылся, сказав, что Берия палач его семьи, уничтожил родного брата – Сергея Арутинова, когда тот был секретарём Сталинского райкома партии г.Тбилиси, затем брата жены, Нины Григорьевны, – Арташа Геуркова и ещё кого-то из их близкой родни. Сказал он это чуть ли не о зубовным скрежетом, потом спохватился и перевел разговор на другую тему. Берия ещё был всесилен).

После подобной реплики Арутинова Хрущёв решил подъехать с другой стороны: “все равно он считал, что вы у него в кармане”.

Арутинов: “Наплевать, что он считал, какое мне дело, что он считал”. Всё это Арутинов буквально выстреливал в Хрущёва. Тогда Пospelов, ничтоже сумняшеся, повернулся к Арутинову “Вы многое себе позволяете, играете с огнем” (и т.п. угрожающим тоном).

Арутинов – Пospelову: “Да кто вы такой, что угрожаете мне...” и т.д.

Вот тогда-то Хрущёв неожиданно пустился в пространные рассуждения, ставшие для нас буквально откровением (если б не слышал своими ушами, наверное принял бы такие речения скептически). Дальше передаю в первом лице, как рассказал Хрущёв, разумеется, без абсолютной точности в выражениях, но вполне точно по смыслу.

Итак. Хрущёв: Берия установил слежку за всеми членами политбюро, даже за самим Сталиным (в 1953 году Сталин ещё не был

ошельмован). Однажды вечером, после заседания Политбюро, ко мне и Молотову (имя последнего тоже ещё не было проклято) подошел Берия и предложил вместе поехать на загородные дачи. Чтобы отвязаться от него, мы ответили, что хотим на эту ночь остаться в Москве. Поехали с Молотовым домой, а жили мы в одном доме и, даже, в одном подъезде, и уже на лестнице решили всё же поехать на дачу. На следующий день Берия нам говорит: что же вы меня обманули, сказали, что останетесь в Москве, а сами уехали на дачу. Стало-быть он установил за нами слежку.

А вот насчёт слежки за Сталиным мы убедились при следующих обстоятельствах. Однажды, мы с Кагановичем решили навесить Сталина, отдохавшего на Риге. Приехали. Сталин пригласил пообедать. За обеденный стол сели только втроем. У Сталина был такой порядок: еду приносили и ставили возле него, и он сам же раскладывал гостям на тарелках. Принесли супник и половник. Сталин взял одну из тарелок, чтобы налить суп. В этот момент, по предварительному сговору с Кагановичем, я начал разговор о том, кого же Сталин намечает себе в восприемники (вот что мучило Хрущёва, и почему ему надо было ехать к Сталину). В ответ он вспылал, ударил по столу половником так, что тот разлетелся на куски, сказал “Что – не дождетесь моей смерти??!” , отошел к окну и стал глядеть сквозь него, повернувшись к нам спиной. Мы замерли, ожидая, что вот-вот распорядиться он расправиться с нами. Долго он так стоял, потом молча вернулся к столу, позвонил, чтобы принесли новый супник и половник, разлил суп по тарелкам, ещё немного помолчал, а потом говорит: “Раз так вопрос поставлен, то придется ответить”, и стал перечислять всех своих четырех первых заместителей по Совету Министров.

“Молотов, – сказал Сталин, – уже бесперспективен, Булганин – бесхарактерен, Берия – авантюрен, ему давать в руки власть нельзя (здесь Хрущёв отклонился от повествования и сказал: К тому време-

ни Сталин уже раскусил Берия, поживи он ещё немного и Берия не стало бы)". "Далее, – продолжил Хрущёв, – Сталин перешел к Вознесенскому и сказал: вот этот действительно подходящ – умён, образован, энергичен, твёрд характером, и к тому же ещё молод". Нам стало ясно, что среди всех он отдаёт предпочтение Вознесенскому. Спустя некоторое время Берия состряпал дело на Вознесенского и добился его уничтожения. Как же смог он узнать об этом разговоре, если, кроме нас троих, в комнате никого не было? Я никогда и нигде об этом разговоре не заикался, абсолютно уверен, что Каганович тоже ни с кем не делился, значит, Берия организовал слежку за Сталиным, подслушивание его разговоров (и т.д.).

Я слушал этот рассказ Хрущёва и думал про себя – ежели всё было так, то неужели он не понял, что затеянным им разговором на эту тему он и явился причиной, пусть даже косвенной, гибели Вознесенского? Судя по выражению лица, на понимание этого и намёка не было. Очевидно, он способен воспринимать лишь прямые причины, а понимание косвенных было для него слишком сложной материей.

После ещё нескольких, более коротких, монологов, Хрущёв перенес продолжение разговора на другой день, сказав, что у него много других дел.

На следующий день, вновь в 10 часов утра, разговор был продолжен. Теперь Хрущёв прямо перешел к делу, заявив – вопрос Арутинова ясен, его надо освободить. А на его место мы рекомендуем Товмасына. Затем, нисколько не считаясь, что Товмасын вот он, присутствует тут же, сказал: мы очень долго подбирали кандидатуру на пост первого секретаря ЦК КП Армении, и в Москве и по всему Союзу есть немало толковых работников-армян, но кого не берешь, он нужен на своём месте, и, в общем, мы были вынуждены (именно так) остановиться на кандидатуре Товмасына, другого выхода мы не нашли. Не знаю, дошло ли до Товмасына выраженное так

“

откровенно нелестное мнение о нем, но, видно, его настолько прельщало свое будущее положение, что ни о чём другом он не в состоянии был думать. Тут, как ужаленный, вскочил с места во всю громаду своей нелепой фигуры Мацак Папян и буквально завопил, обращаясь к Хрущёву и путая “ты” и “вы”: “Что вы делаешь, если Товмасын будет в Армении первым, то бери свой кабинет и перенеси в Армению, там всё так перевернется, что вы будешь только Арменией заниматься” (и дальше что-то в том же духе). Мартиросов тоже, но сдержаннее и аргументированнее, дал Товмасыну отрицательную характеристику. Кажется остальные смолчали.

Хрущёв и бровью не повел на эти реплики. Теперь, – сказал он, – насчёт второго секретаря (то-бишь обо мне). Против Мартиросяна мы ничего не имеем, он вышел из нашей среды (очевидно, имелось в виду – из ЦК КПСС) и претензий к нему у нас нет. Тут с места высказался Товмасын: я не хочу работать с Мартиросяном, он настолько подпал под влияние Арутинова, что даже говорит его словами (вот оно – “экспедитор” по поводу притязаний Арушаняна, одно неосторожно выскочившее слово дало сильнейший козырь Товмасыну, а, прежде всего, Туркину, делавшему все, чтобы завалить меня. Ещё один урок продиктованный мне жизнью – будь осмотрительнее!). “Без паузы, не дожидаясь реакции Хрущёва, Товмасын продолжил: “на пост второго секретаря ЦК предлагаю Маргаряна”. Вот это да, трудно было придумать более неудачную кандидатуру, а главное – все знали, что Товмасын ни во что не ставит Маргаряна, и в этом он был прав. Какой-то ребус, разгадку которого раскрыл мне сам же Товмасын, когда был он уже на посту посла СССР во Вьетнаме. Однажды, мы с ним одновременно оказались в командировке в Москве. В один из вечеров позвонил он мне в номер гостиницы и предложил посидеть у него – “поболтать”. Я пришел, разговорились, заказал он ужин в номер (все-же посол!) и вот о чём он поведал о Маргаряне и о сказанном в связи с этим в мой адрес. Я, – сказал

он, – нисколько не был против тебя (и в самом деле, у нас с ним всегда, до коллизий 1953 вода, да и после, сохранялись превосходные отношения), но Чурасв и, особенно, Туркин (ближайший личный друг Маргаряна) загнали меня в угол, сказали: Мы делаем тебя первым секретарём, а вторым возьмешь того, кого мы подсказем. Мне не оставалось другого выхода (словом, Товмасыну пришлось платить за свое назначение).

Возвращаясь к разговору в кабинете Хрущёва, упомяну, что после слов Товмасына Хрущёв обратился прямо ко мне, назвал по фамилии и сказал – поверьте моему опыту, если первый секретарь не хочет с вами работать, то настаивать не стоит, всё равно у вас с ним ничего не получится (надо понимать – в совместной работе).

Я внутренне взорвался и тут же сказал: я с Товмасыном тоже не желаю работать, думаю, что мне найдется какое-нибудь применение и без Товмасына. Тогда Хрущёв обратился к Товмасыну и сказал: “смотрите, не дайте свалить Мартиросяна в один котел с Арутиновым, снова повторил: “Он (т.е. я) наш человек”. Товмасын ответил, – я знаю, мы его (т.е. меня) в обиду не дадим”. Чтобы закончить разговор о моей персоне скажу еще, что я также выступил на совещании у Хрущёва, и почти всё свое выступление (была не была) посвятил проявлениям национализма – не только в Армении, но и в целом в Закавказье, о наличии антагонизма (именно на национальной почве) между тремя республиками и, в общем, взялся за очень щекотливую и опасную тему. Начал я с того, что едва ли когда-нибудь ещё представится мне возможность высказаться перед секретарями ЦК КПСС о том, против чего восстает моя гражданская и партийная совесть. Говорил я долго, минут 40-45, и самое удивительное – Хрущёв никому не давал говорить долго, всё время вставлял реплики, а меня выслушал от начала до конца, ни разу не прервав. Я кончил, сёл и стал ждать нравоучительных отповедей, а, возможно, и разгрома. Некоторое время царило молчание, и вдруг, не кто иной как Суслов,

обратившись к Хрущёву сказал: ведь он прав, недавно я побывал в Грузии и всё это заметил”. На этом моё проникновение в ткань рокового для некоторых из нас совещания завершилось.

Поскольку я влез в этих записках в столь сложную материю как национальный вопрос, который всегда волновал меня и теоретически, и практически, то должен кратко остановиться на сути моих сомнений. Конечно, спору нет, никогда, ни одна формация, не делала и не могла совершить столь много, как сделал социализм в этом сложнейшем, запутанно идущем из глубин веков, довлеющем на умы людей и во многом формирующем их идеологию и психологию вопросе. Чтобы не впасть в банальности, не стану расписывать того, что совершенно очевидно и видно простым глазом. Достаточно взглянуть простым глазом, достаточно взглянуть на фантастическое развитие народов страны во всех аспектах.

Но решив этот вопрос в государственном, социальном и культурном плане, мы ещё далеки от его решения в психологическом аспекте. И главная помеха здесь в том, что невозможно установить четкую грань между национальной гордостью и национальной исключительностью. Поддерживая первое, мы не даем никакого отпора второму. Это, начиная с русских и кончая народностями, не насчитывающимися и тысячи человек. Бессознательно, а иногда и вполне сознательно, мы вносим путаницу в эти два, в сущности, противоположных понятия.

Когда Хрущёв издал директиву о том, чтобы на службу в дислоцированных за рубежом воинских частях допускались лишь лица русской, украинской и белорусской национальностей – это была вполне сознательная диверсия, одним махом разрушившая то, что с огромным трудом строилось в течение десятилетий. Когда писатель Почивалин в своей повести “...жил человек”, разошедшийся например, в “Роман-газете” миллионными тиражами, соизволил утверждать, что на такой благородный поступок (чтобы не растянуть не

описываю в чём он, по мнению автора, заключается, здесь важна суть самого утверждения а не детали) способен лишь русский человек, это не может не вызвать возмущения у представителя любого другого из советских народов, так как это проявление уже не национальной гордости, а национальной исключительности. К сожалению, подобных примеров и из литературы и из жизни можно привести множество, причём по всем национальностям и нашей социалистической, страны. Зачем закрывать глаза на сложные национально-антагонистические узлы, ещё неразрубленные и вытекающие как раз из перехода той же грани – между гордостью и исключительностью, которые к примеру (но далеко не только!) существуют в Закавказье, Прибалтике, Средней Азии и т.д.? Вот какие мысли подстегнули меня выступить таким образом перед высшими функционерами партии, причём я не сделал исключения и в отношении армян, среди которых тоже немало находящихся в плену национальной исключительности. По-видимому, это и заметил Сулов в Грузии, но жалко, что не повсюду, начиная с Москвы, откуда и распространяются, например, грязные анекдоты об “армянском радио” и другие подобные мерзости, да и не только об армянах.

Но вновь вернёмся к тому, что происходило в кабинете Хрущёва. Дело здесь продвинулось до решения методических вопросов. “Надо, – сказал Хрущёв, – провести пленум ЦК КП Армении, а в повестку включить вопрос о ходе выполнения решений сентябрьского (1952 г.) и июльского (1953 г.) пленумов ЦК КПСС. В завершение пленума поставить оргвопросы. Думаю, что докладчиком следует назначить (и назвал меня). Для участия в работе пленума командировать Поспелова (тоже здорово – самого неопытного и неумелого из секретарей, что впоследствии сказалось на всем ходе пленума). Судьбу остальных членов бюро пусть решат на пленуме, как по-

желает местный актив. А теперь идите к Громову для решения практических вопросов”.

Пришли к Громову. “Стало-быть, - сказал он, - доклад придется готовить (назвал меня)”. И тут вмешался Туркин (опять Туркин, готовый завалить меня как угодно, лишь бы открыть место своему дружку Маргаряну, с которым он какое-то время сидел в одной комнате в аппарате ЦК КПСС). Он сказал, что против того, чтобы с докладом выступил я, сказал даже, что “Мартиросяна надо подвергнуть критике”. И сразу же предложил поручить доклад Берсабе Григорян, которую они вознамерились во что бы то ни стало сохранить, тем более, что, почуяв для себя опасность, она уже начала фрондировать против Арутинова. Громов невнятно пробормотал, что так, дескать, было предложено Хрущёвым. Но я опять взвился, главным образом, потому, что очень не хотелось мне делать в сущности фиктивный доклад, направленный в действительности лишь против Арутинова. Именно в этом были суть и назначение пленума. Поэтому я тут же заявил, что не претендую на роль докладчика, а Берсабе тут же жалобным голосом попросила – пожалуйста, поручите мне сделать доклад (между прочим, впоследствии, в глазах актива, я на этом выиграл, а Берсабе потеряла). На вопрос Громова: “Что об этом думает Товмасян”, тот ответил, что не возражает против того, чтобы доклад сделала Григорян (совершался всё тот же чуроевско-туркинский сценарий).

Так всё и решили, условившись о проведении пленума в последних числах ноября (решая всё эти вопросы никто даже не поворачивался в сторону Арутинова, словно, тот уже вроде и не существует). Из Москвы разъехались кто как. Арутинов и я, а с нами и наш постпред Ишханов, который, было ясно, будет в числе самых первых, кого устранят новые руководители ЦК КП Армении, выехали поездом в международном вагоне (как тогда они назывались), но всё в

разных купе, просто так было удобнее, тем более, что, кроме нас, больше никого в вагоне не было.

В эти дни папа и мама гостили в Ереване, и дома, конечно, кое-что, отсюда-оттуда, до них доходило. Узнав, что я еду вместе с Арутиновым и Ишхановым (которого отец издавна знал, когда тот в Тбилиси в одно время жил в одном доме с нами, и высоко почитал), выразился так: “Ну едут вместе три умных человека, они придумают, как всё поправить”. Отец меня тоже относил к категории умных людей – распространенное мнение чадолюбивых родителей, обычно, явно преувеличенное. В свое оправдание могу только сказать, что никогда не доставлял своим родителям каких-либо разочарований, но это бывает и без особого ума. Вот и я сейчас непрерываемо уверен, что мой внучонок Мишка (родился 4 марта 1960 года) – самый красивый и талантливый мальчонка в мире, и пусть меня никто в этом не разуверят.

Прибыв в Ереван, мы, разумеется, отправились на работу в ЦК всё в своих должностях пока ведь официальных решений не было. Но следом приехали Чураев и Туркин для завершения проводимой операции, и мы фактически, сидя в своих кабинетах, оказались отстраненными от всяких дел. Прежде всего, в вопросах организационной подготовки пленума и составления доклада, который должна была прочитать Берсабе.

В эти дни Берсабе ещё раз показала свое коварство по отношению к Арутинову и гипертрофированный карьеризм – во что бы то ни стало уцелеть на посту секретаря ЦК, хоть через трупы.

Дело в том, что день рождения Арутинова приходился как раз на 7 ноября. В этом злополучном году на день его рождения не явились самые заядлые завсегдатаи, и конечно, Берсабе, которая раньше заявлялась к Арутиновым десятки раз в год, и уж обязательно в такой знаменательный день. Что касается меня, то в этот день был я у Арутинова лишь через несколько дней после переезда из Москвы,

да и то случайно, когда мы гостили у Саака Карапетяна, а от них поехали на кондскую дачу Арутинова (впрочем, я об этом уже писал). Был я дома у Арутинова за всё годы ещё один раз когда в Ереван приехал заведующий Отделом административных органов ЦК КПСС Григорий Петрович Громов, давний мой знакомый, ещё с Ростова, а затем когда он был вторым секретарём ЦК ВЛКСМ, а я, секретарём Ростовского обкома комсомола. Естественно, что именно мне поручил Арутинов сопровождать Громова в его поездке по республике, главным образом, по пограничным заставам. В один из этих дней мне позвонили от Арутинова и передали его просьбу привезти Громова к нему на дачу (просто в порядке обычного гостеприимства). Так я невзначай тоже оказался в гостях. Больше ни разу за всё годы совместной работы я у Арутиновых не бывал. У меня был свой круг близких родственников и друзей, отнюдь не именитых, с которыми я и встречал праздники и проводил досуг.

А вот на сей раз, поняв, что вряд ли на день рождения придет к нему толпа доселе занскивающих перед ним царедворцев, я сговорился с его помощником Алексеем Мартиросовым и отправился вечером 7 ноября с поздравлениями. Действительно, кроме нас с Алексеем присутствовали лишь министр МГБ генерал Мартиросов с женой. Больше никто! Всё завсегда так словно испарились. Моё третье посещение дома Арутиновых за столько лет совместной работы не осталось незамеченным. Спустя некоторое время Заробян мне сказал: “Ты допустил ошибку посетив Арутинова”, на что я ответил: Правых и виноватых рассудит история”. И история рассудила, но об этом позднее.

Итак, Чураев и компания приступили к подготовке пленума, полностью отстранив нас от этого дела. Совершался неслыханный произвол, бестактность выходящая за пределы даже самого элементарного приличия. Так хулигански вел он себя всю свою жизнь, последние свои годы в Комитете народного контроля СССР тоже, и

никто не высказал и слова сожаления, когда в 1982 году отправился он к праотцам, следом за Маргаряном, Арушаняном, Товмасыном, Заробяном и иже с ними, хотя я, при всей сыгранной им негативной роли в этот период, решительно отделяю Заробяна от этой компании. Я уже высказывал уверенность, что, не будь случайного старого знакомства Чураева с Заробяном, последний не попал бы в эту малопочтенную компанию наглых и бездарных карьеристов, отказавшихся калифами на час, закономерно очень быстро вылетевших из захваченных ими кресел. Всё это так, но ведь посадили в эти кресла те, кто вершил делами в самой высшей инстанции. Не важно было кто придет, важно было, кого нужно убрать, а мотивы придумать всегда можно.

Первым делом эта публика, вот уж действительно узурпировавшая власть в республике, составила список приглашенных на пленум. Бог мой, каких только подонков не было там, начиная с бездельников и склочников типа Шогеряна и Седрака Геворкяна, кончая всеми, кто за 16 лет работы Арутинова отстранялся с руководящих постов. Никто из них не был забыт, всё были гальванизированы. Зато не оказалось ни одного приглашенного из рабочих и сельских организаций и районов, одни “интеллектуалы” и “обездоленные”. Чураев все-же решил показать мне этот список, а на моё изложенное выше замечание сказал, что такой состав (кстати, намного превосходящий число членов ЦК, а ведь собирался пленум!) согласован с приезжающим на днях Пospelовым. Я не только не согласился с подобной постановкой дела, сказав, что ни о какой объективности теперь не может идти речь и просто готовится откровенная расправа, невзирая на демагогические средства, но и отклонил предложение организовать созыв “приглашенных”, придуманный для того, чтобы придать видимость законности этой меры. Заявил – пусть созывают те, кто составил этот список, а себя я не дам втравить в эту недостойную игру.

Конечно я преотлично понимал, что иду на резкое ухудшение своего положения, но поступиться своей совестью не мог. Самое удивительное, что уже после того, как расправа свершилась, и сразу, и в течение месяцев и годов, такое моё поведение, включая и то, как я повел себя по ходу пленума, получило широкое одобрение со стороны подавляющего большинства актива. И ныне, спустя почти три десятилетия, в Армении поминают добром в сущности лишь трёх человек среди всех многочисленных руководителей республики за эти долгие годы – Арутинова, меня и Заробяна, последнего за тот период, когда он был первым секретарём ЦК КП Армении. Разумеется я не имею в виду тех, кто ныне (1963) возглавляет руководящие органы республики, а, точнее, первого секретаря ЦК Карена Демирчяна, деятельность которого я не в состоянии судить по причине почти полной оторванности от положения дел в республике, но, любя, несмотря ни на что, Армению, очень хотел бы, чтоб он оказался на должной высоте.

И вот в последних числах ноября 1953 года наступил день и час открытия пленума ЦК КП Армении. Самое беспрецедентное по возмутительности заключалось в том, что секретари ЦК и члены бюро, ещё не освобождённые и никем в уставном порядке не лишённые своих прерогатив, не были допущены в президиум пленума, за исключением Берсабе Григорян, которую Поспелов-Чураев решили сохранить в составе Секретариата ЦК.

Ну и картина предстала перед участниками пленума! Что - то невообразимое. И это тогда, когда Хрущёв неустанно бубнил о восстановлении ленинских норм в партийно-государственном строительстве, сам тут же грубейшим образом попирая эти нормы.

Поскольку расположение трибун в зале заседаний Верховного Совета Армянской ССР не понравилось бесцеремонно командовавшим всем и вся Чураеву, то в течение ночи он полновластно распорядился, чтобы управляющий делами ЦК КПА И.Г. Папиев

(когда то мой заместитель по отделу парторганов, а сейчас начальник Ереванского метростроя) призвал плотников для сооружения перед трибунами для президиума сессий длинного стола для президиума пленума. За этим столом расселись Поспелов, Чураев, Товмасян и Берсабе Григорян (якобы как докладчик), а открыл заседание Товмасян, в сущности, пока лишь заведующий отделом ЦК, никаких прав на председательствование не имевший и никем не уполномоченный. “Идеальное” соблюдение партийной демократии, в присутствии безликого и полностью поднавшего под влияние Чураева так называемого секретаря ЦК КПСС Поспелова.

Товмасян объявил мнимую повестку пленума – о ходе выполнения решений пленумов ЦК КПСС (сентябрьского 1952 и июльского 1953 годов) и предоставил слово Берсабе.

Мы же расселись в таком порядке: слева в первом ряду, пустом с этой стороны, сел Арутинов и рядом с ним лишь один человек – генерал-майор Хабиб Абдурахманович Ганиев – начальник политотдела дислоцированной в Армении армии (7-ой гвардейской). Справа в первом ряду – многие члены бюро, там же сидел я и - рядом со мной - Заробян.

Берсабе начала читать (довольно коряво, и так она не очень-то была борза в чтении, а тут ещё у нее губы тряслись от волнения) не написанный ею доклад (писал Туркин о участии Товмасяна и Заробяна, затем последовали исправления и окончательное одобрение Чураева). Сразу же стало ясно, что ни о каком ходе выполнения решения пленумов ЦК КПСС и речи не будет. Всё было сосредоточено на попытках как можно сильнее опорочить деятельность Арутинова, а, в целом,- и бюро, восхвалялась “огромная помощь” парторганизации Армении со стороны Хрущёва, затем шельмовалось “поведение” Арутинова на совещании в ЦК КПСС, осмелившегося пререкаться там и т.п., из чего делался вывод немедленно отстранить Арутинова с занимаемого им поста (на котором он про-

был 16 лет, включая войну и послевоенное восстановление народного хозяйства и всего того, что пришло в расстройство в результате войны).

После блистательного доклада присутствующие некоторое время безмолвствовали, затем стали поступать записки, и как мне помнится, среди них от членов ЦК не было ни одной.

Одним из первых, разумеется, выступил Арушанян, всё с теми же тезисами, но теперь уже с победной интонацией в голосе, затем пошла такая муть, что до сих пор передёргивает, как вспомнишь. То же одним из первых – Шогерян, который стал необычайно подхалимно славословить Товмасяна, в смысле – как смел Арутинов затирать нашего “родного” (так и было сказано) Товмасяна, лучшего коммуниста во всей Армении и т.д. Запомнилось отвратительное выступление Левона Мелконяна – директора совхоза из Арташатского района, невежественного и необразованного человека, когда-то, Бог знает каким образом, пребывавшего на посту заведующего орготделом ЦК и, не сомневаюсь, вполне закономерно изгнанного Арутиновым. В частности, критикуя ЦК он заявил – члены бюро настолько безропотно шли за Арутиновым, что если он, (якобы), поставил на голосовании вопрос о ликвидации советской власти, то члены бюро проголосовали бы и за это. Конечно раздались возмущённые возгласы, протесты, а я немедленно отослал в “президиум” записку с категорическим протестом и требованием, чтобы Мелконян извинился, за столь демагогическое и клеветническое заявление. И в самом деле, Поспелов в перерыве вызвал в комнату отдыха президиума меня и Мелконяна и пробормотал что тот хватил лишку.

Однако, мне ещё раз пришлось побывать в той же комнате, но уже в качестве ответчика. Произошло это потому, что выступавшего секретаря Алавердского райкома партии Вагинака Григоряна (собственно, он и не записывался для выступления, а вытащили его на трибуну) загнали в угол, требуя сказать, почему он писал в ЦК письмо в

адрес Арушаняна (последний уже стал чем-то вроде национального героя, стали припоминать, кто сказал или сделал что-либо обидное для него и требовать от них объяснений). Григорян явно растерялся потом стал шарить глазами по рядам, вдруг взгляд его упал на меня и неожиданно он сказал: “Меня заставил (именно “заставил”, в этом и заключалась суть дальнейших событий) написать это письмо Мартиросян”. Так! ещё один, хоть и не запланированный заранее, а вызванный попыткой самоспасения, тычок в мой адрес! В один из перерывов вызвали меня на ковер и потребовали “признания”. Я опроверг это заявление как домысел. И вот, что выяснилось (о чём я никакого представления не имел). Тут же распорядились принести из архива это злосчастное письмо (против Арушаняна! Да как это можно!) зачитали его, оказалось – хоть и кое-что негативное об Арушаняне там было, но гораздо больше о Чарчогляне, бывшем ещё до моего переезда в Армению одним из секретарей ЦК, потом заместителем Председателя Совмина, отсюда за какой-то провал (кажется по мясозаготовкам) был освобождён (случай – когда сверху требовали выявить виновника) и как окончивший Институт физкультуры назначен ректором того же института. Кстати, зачем бы я “заставлял” Григоряна написать такое письмо, ежели у меня с Чарчогляном всегда были преобладающие отношения? На письме была обнаружена резолюция Арутинова – “сдать в архив”, т.е. оставить без последствий. Значит, со стороны Арутинова криминал отпал. Но остался вопрос – почему Григорян написал такое письмо и верно ли, что это я его заставил. Первое объяснение – каким способом отправил он это письмо в ЦК? Григорян сообщил – через Мелкумяна (заведующего промышленным отделом ЦК), когда тот по какому-то делу был в Алавердах. Вызвали Мелкумяна. Он подтвердил, что, действительно, Григорян однажды вручил ему какой-то конверт, попросив его отдать Арутинову. Далее Мелкумян рассказал, что поначалу забыл об этом конверте и проносил его несколько дней, не

распечатывая, в кармане, потом обнаружил и передал Арутинову через его помощника Мартиросова. Вызвали Мартиросова – тот подтвердил, что получил конверт от Мелкумяна и не вскрывая (из-за надписи “лично”) отдал Арутинову. Вскоре, – продолжил Мартиросов, – Арутинов вернул ему письмо с упомянутой пометкой, что он и сделал. Казалось бы круг замкнулся. Но раз была задета “священная” персона Арушаняна, то нужно было ещё выяснить моё участие в этом деле. Поскольку “дознание” затянулось, то “президиум” (в лице трёх великих деятелей – Поспелова, Чураева и Товмасына) принял решение передать моё “дело” на рассмотрение будущего руководства ЦК. Чтобы закончить описание всей этой неприглядной и провокационной истории и больше не возвращаться к ней, упомяну, что хоть и не очень скоро, но всё же вытащили меня на бюро ЦК, Сделал это Маргарян (ещё отсиживавший недолгий срок своего пребывания на посту второго секретаря ЦК), воспользовавшийся отсутствием Товмасына, который по отношению ко мне не мелочил и, вообще, не проявлял никакой враждебности. Так вот Маргарян (огромная пузатая глыба, увенчанная неандертальским черепом, с извилинами внутри явно сохранившимися с пещерных времен и не подвергшимся никакому влиянию цивилизации. Умер он тоже не “интеллигентно”, задохнулся от чрезмерно обильного ужина прямо в кресле перед телевизором), учинил мне допрос, который изложу в форме диалога.

Маргарян: Признайтесь в содеянном (это по смыслу, выражено же было бессмысленно, но при некотором напряжении можно было догадаться).

Я: Знаете это уже начинает переходить всякие пределы элементарного приличия. Сколько раз я должен твердить, что не заставлял Григорюна писать? Ну ладно, ещё раз, но уже в последний, объясню – да, пришёл как-то ко мне Григорян и начал наговаривать на Арушаняна, обоснованно или нет – это другой вопрос. Нисколько не

вникая в то, о чём он говорил, по той простой причине что не до этого мне было, я ответил: Зачем ты мне об этом говоришь, не настроен я заниматься сплетнями, во-первых, я сам никогда этого не делал, а, во-вторых, особенно, в последнее время меня от грязных ушатов сплетен воротит. “Он тогда заявил: “Я всё же доведу до сведения Аругинова”. Я сказал: “Дело твоё, сам не маленький, вот и поступай как знаешь”. На этом наш разговор закончился. А что произошло дальше – что письмо всё-таки было, прошло через несколько рук и получило известное распоряжение, я узнал лишь на самом пленуме, не имея до этого никакого представления.

Маргарян: “Докажите, что вы не знали об этом”. Я: “Если вы меня обвиняете, то вы и доказывайте, а я не могу доказывать того, чего не делал. Вы имеете понятие о презумпции невиновности?”

Маргарян: “А что это такое?”

Я: “А вот что – я утверждаю что вы убили человека, докажите что это не так”.

Маргарян: (после явно мучительных раздумий): “Как я докажу, если, не убивал?” Я: “Кажется дошло – вот это и есть презумпция невиновности. Доказать действие, отрицающееся обвиняемым, должен обвиняющий”.

Наступило молчание, затем Маргарян “молвил”: К сожалению, Мартиросян не признался”. Вот так он всё понял, “презумпция невиновности” оказалась не по зубам выходцу из пещер! И тут, совершенно неожиданно для меня, да и для многих присутствующих, Грант Оганесян, неведомо как ставший секретарём ЦК по вопросам сельского хозяйства, бормотнул: “Я давно знаю Вагинака Григоряна, он не соврёт”. Вот это отмочил – ежели Григорян не врёт, стало-быть вру я? Вот тебе и Оганесян, тот самый, которого я годами пестовал, тот, кто всем был мне обязан. Начал он с инструктора в моем отделе и, благодаря моим представлениям по инстанции, стал моим заместителем, одновременно, по моему совету

райком партии рекомендовал его секретарём парторганизации ЦК, затем был выдвинут, тоже по моему представлению, первым секретарём Шамшадинского райкома партии. Конечно, это был для него, уже немолодого и не слишком обременённого образованием человека, самый непробиваемый далее потолок. Однако, не тут то было. По-видимому, сослужил он какую-то, неведомую мне, службу перед новой камарильей, удостоившись дальнейшего вознесения, заметим – невозможного без тех ступенек, по которым я его, не умея прогнозировать, поднимал. Впрочем, это был из тех работников, которые держатся лишь до тех пор, пока их подпирают, поэтому очень скоро он провалился, лишившись поддержки. Кому была охота делать то, что я так долго делал для него? И вот, оказывается, он знал Григоряна и верил ему, а меня, видите ли, не знал и не верил. Зная чём он мне обязан, все оцепенели, даже Маргарян, вздёрнув единственную морщину на лбу.

Вернёмся к пленуму. Были ещё выступившие, но, почему-то, никто, кроме описанного случая с Григоряном, не коснулся меня. Исключение составил начальник политотдела пограничного округа Демченко, который не только упомянул мою персону, но и добавил – мы (кто это “мы”, ещё поясню) требуем строго наказать (меня).

А теперь об истории, вызвавшей подобное выступление. В один из летних дней, когда ажиотаж уже достиг достаточно высокого накала, пришли ко мне в ЦК начальник пограничного округа Пискунов и начальник политотдела округа Демченко. Думая, что этих русских людей не могут особенно волновать наши “армянские” трения, я слегка разоткровенничался, сказав, что весь этот гвалт поднимают в так называемых идеологических учреждениях и добавил, что, почему-то, в них занимают преимущественное место выходцы из турецкой Армении. Не знал я тогда, что Пискунов с Демченко уже вовлечены Чураевым и Туркиным в активную оппозицию против Арутинова, причём на совершенно случайной почве. Дело в том, что

в Ереване в это время функционировали всего восемь аппаратов "ВЧ", обеспечивающих секретность разговора: два в ЦК (у первого и второго секретарей), два в Совмине (у Председателя и его первого заместителя), по одному – в Президиуме Верховного Совета, МГБ, штабе армии и в пограничном округе. В период выполнения возложенных на Туркина, а затем и Чураева, функций, им часто бывало необходимо вести секретные переговоры с ЦК КПСС – информировать, получать инструкции и т.д. Из всех владельцев аппаратов "ВЧ" они остановились на Пискунове, как наиболее безопасном. Пискунова не пришлось долго уговаривать, ведь это были представители ЦК КПСС. Так он был вовлечён в интриги против руководства ЦК республики, и пришли они ко мне явно по поручению что-нибудь выведать. Не зная всего этого (что значит отсутствие разведки!), я и сболтнул.

И вот, выступая на пленуме Демченко заявил: в беседе со мной и Пискуновым такой-то (назвал меня) сказал, что всё это подстегируется выходцами из турецкой Армении и закончил – требуем строго наказать его (т.е. меня). Ни единого подобного выступления, по сути дела и, вообще, – против меня – не было (в смысле персонально – просто некоторые говорили обобщённо – "руководство ЦК"). Больше всего задело меня именно выступление Демченко – экие подлецы, подумал я, вытащили на трибуну доверительный частный разговор, да ещё с тенденциозной трактовкой: Пискунов удостоился щедрой дани за свои услуги – назначили его министром внутренних дел, ввели в состав бюро ЦК и выдвинули депутатом Верховного Совета СССР. При всём этом оказалось, что ненавидел он Армению и, вообще, всё армянское. Об этом я узнал от моего одноклассника по ВПШ Вани Мозалева, который в Отделе административных органов ЦК КПСС курировал МВД. Однажды мы встретились с Мозалевым в Москве и, он сказал мне, что Пискунов рассказывает об армянах чудовищные вещи, мол, все они - дикари, чуть

ли не все они, одержимы патологическими наклонностями (в грязнейших вариантах) и что МВД только и приходится заниматься всякими мерзкими делами, вытворяемыми армянами, и всё это говорил он в самой обобщенной форме. Получив жирный куш от армян, так он отплачивал им за их же спиной. Вскоре по какой-то причине он умер, избавив обласкавших его армян от одного из злейших их недругов.

Во время наступившего после выступления Демченко перерыва подскочили ко мне в кулуарах пленума писатель Рачия Кочар и заместитель министра культуры Андраник Шагинян (“выходцы из турецкой Армении!”) и гневно отчитали меня за подобное крамольное мнение о них. Я попытался объяснить им, что вовсе не охаивал турецких армян, вообще, а лишь, без всякого умысла, как говорится, к слову, пришлось констатировать факт, что почему-то в идеологических сферах они превалируют. Кажется, они немного успокоились, по крайней мере, больше никто и никогда не приставал ко мне с этим делом.

Не могу не упомянуть здесь об одном человеке, который пре небрег искусственно созданной обстановкой изоляции Арутинова и был, единственным, кто сел рядом с Арутинным в полностью пустом (кроме них) ряду. Во время перерывов в кулуарах все, казалось шарахались от Арутинова, я подходил, перекидывался парой слов и отходил, и лишь всё тот же человек неизменно находился возле Арутинова, словно хотел хоть как - то, своим вниманием, поддержать его, разрядить общую обстановку остракизма. Это был генерал-майор Хабиб Абдурахманович Ганиев – начальник политотдела армии. Познакомились мы с ним вскоре после переезда в Ереван. По его приглашениям мне приходилось выступать перед офицерским составом с докладами и сообщениями, в частности, по итогам съездов компартии республики. В мае 1953 года, когда в Араратской долине установилась уже довольно жаркая погода,

командующий армией генерал-лейтенант Черокманов и начальник политотдела Ганиев пригласили Арутинова и меня на открытие Аршалуйсских лагерей (между Эчмиадзином и Октемберяном). Пробыли мы там целый день, участвуя в торжественном церемониале, попользовались армейским гостеприимством, вообще, состоялись очень приятные общения. С Ганиевым мы жили в одном доме, в соседних подъездах, что ещё больше способствовало нашему сближению. Когда он ушел в отставку, но ещё не иссякло у него желание работать (это уже в шестидесятых годах), взял я его к себе в госконтроль и стал он разбираться в поступающих жалобах, словом, чувствовал себя ещё при деле, что его воодушевляло, так как в семье у него сложилась почти трагическая обстановка. Жена его – Галия Акмаловна (были они по национальности татары, но из Башкирии) – больная женщина и несчастливая мать, отдавала все свои силы дочери Светлане, которая в раннем детстве заболела полиомиелитом и обезножела. Теперь, уже взрослой девицей, была она прикована к месту. Словом, мы стали дружить семьями, приезжая в Москву Ганиев всегда навещал нас, но однажды дошла до нас горестная весть о его скоропостижной кончине. Именно он - единственный в те трудные дни, когда проходил пресловутый пленум, не покидал оставленного всеми Арутинова.

Теперь о моем и других выступлениях на пленуме. Но прежде о том, что Арутинову слово для выступления не было дано, впрочем, я и не заметил, чтобы он сам очень рвался. Зато с левацким выпадом выскочил на трибуну упоминавшийся ранее Гарегин Петросян из Университета. С перекошенным от ярости лицом он потребовал немедленного удаления Арутинова с пленума. Последний не сразу понял выкрик Петросяна, сделанный на каком-то провинциальном диалекте (были такие в Армении “руководящие деятели”, которые не могут по великим своим “способностям” овладеть прилично хоть своим родным языком – Папян, Арушанян, тот же Петросян, да и

немало других), потом сообразил, как-то в пустоту спросил – “меня?”, привстал и даже, сделал шаг к выходу, но тут зал внезапно загудел и всё тот же “президиум” подал знак остаться на месте. Однако, Гарегину Петросяну это было зачтено и всё же удалось ему выдвинуться в число правоверных – получить пост ректора Университета и войти в депутатский состав (Верховного Совета СССР) т.д., но тоже через пару лет закономерно сгинул, уже не без оснований заслужив анекдоты по поводу своего дремучего невежества.

Другой, тоже левацкий, акт был совершен группой участников пленума, возглавляемой секретарём Арташатского райкома партии Синодом Маркаряном (это было удивительно, потому что Арутинов всегда откровенно благоволил к Маркаряну, да и со мной был он в наилучших отношениях). Эта группа внесла письменное предложение о роспуске всего Центрального Комитета и назначении чрезвычайного съезда компартии республики. Тройка в президиуме перешепталась и отклонила, объяснив, что через несколько месяцев наступает срок проведения очередного съезда партии.

Я выступил, в основном, по тем же своим тезисам о нетерпимости национализма и настроений национальной исключительности (очевидно, это превратилось у меня в тот период в “идею-фикс”, но и поныне меня коробят проявления национальной исключительности, от представителя какой бы ни было нации), но смягчил категоричность своего мнения оговоркой, что, быть может, в этом вопросе я впал в преувеличения. Вернулся на своё место и заслужил замечание сидевшего рядом Заробяна о том, что говорил слишком “литературно и теоретично”. А говорить конкретно на этом пленуме - означало изо всех сил шельмовать Арутинова и восхвалять Товмасыана и (Боже упаси!) Арушяна. Вот этого как раз я и близко не сделал. Надо воздать должное Кочиняну – он тоже ни словом не коснулся Арутинова. Зато все остальные, как и предыдущие, говорили примерно по такой примитивной схеме – Арутинов плохой, даже

очень плохой человек, а Товмасян и Арушанян хорошие, даже очень хорошие люди.

Выступление Товмасяна не очень запомнилось. Как обычно, он говорил трудно, каждое слово произносил так, словно преодолевает очередной трудный барьер. В общем что-то о наличии ужасных провалов, которые будут ликвидированы (надо было понижать так), как только будет отстранён Арутинов.

В заключение выступил Пospelов, который перепевал то же, что говорилось в Москве, о порочном стиле работы Арутинова и всё такое. Не забыл он и меня, сказав, что национализм мне лишь померещился и впал я в другую крайность, которую он назвал “нигилизмом”, в смысле игнорирования национальной культуры, как он разъяснил, что конечно явилось чистейшим поклёпом на меня, так как всё то, о чём я говорил, никакого отношения к национальной культуре не имело. Вообще получилось, что Пospelов ни бельмеса не смыслящий в армянской национальной культуре, ценит её больше, чем я, приобщившийся к ней ещё с детства и высоко ценящий её. Но что скажешь? Не выступать же повторно, (кто меня пустит в нарушение разработанного сценария?), да и ни к чему, от ярлыков не просто отделаться. Ну да ладно, нигилист - так нигилист! Такую “оригинальную” чушь только и было ждать от Пospelова, даже не понявшего (а ведь секретарь ЦК КПСС, так называемый марксист!), что это не что иное, как прямое поощрение национализма, который, и в самом деле, не преминул поднять голову.

Словом, перешли к последнему акту спектакля – оргвопросам. Об Арутинове: освободить как не оправдавшего доверия (кого, чего? не уразумел). О втором секретаре ЦК: освободить “как не проявившего необходимой принципиальности в работе” (воображаю, как коллективно вырабатывалась эта формула!). Значит, если б я любой ценой цеплялся за кресло, это было бы принципиально, а поступать по велению совести, отлично понимая, что тянешь пустой билет –

это “непроявление принципиальности”. После этого место для Маргаряна уже оказалось свободным, и он наконец-то получил вожделенный пост. А вот Берсабе, которая низко поступилась своей совестью, лишь бы остаться секретарём, с плачем повторяя “я очень прошу, оставьте меня секретарём, я хочу быть секретарём” (анекдотично, но именно, так она и причитала), оказывается проявила высокую принципиальность. Ничего из этого не вышло, как говорится, – народ не дурак. Когда Товмасян, по наущению Поспелова-Чураева предложил оставить её на своей должности, зал буквально взорвался. Один за другим выступили в её поддержку Поспелов, Чураев, опять Товмасян, опять Чураев, Берсабе громко рыдала с авансцены, ничего не помогало. Из зала громко кричали – “голосовать”. Но долго не ставили на голосование, ещё пытались переломить настроение большинства присутствующих. Тогда несколько человек потребовали слова, но дали выступить только Завену Чарчяну и Исагулову. Завен (не помню в какой в это время из занимаемых им должностей он был – заведующего отделом лёгкой промышленности ЦК или заместителя председателя Ереванского горисполкома) прямо сказал: вы, что, шутите? Мартиросяна освободить, а Григорян оставить? Никакой же логики нет. Как можно их сравнивать, и ещё что-то в этом духе. Прокурор республики Исагулов вообще втоптал в грязь Берсабе и сказал несколько лестных слов обо мне (и оказался в числе тех, кто одним из первых лишился своего поста). Больше никому выступить не дали, убедившись, что никто и поддерживать её не станет. Пришлось голосовать и, кроме Товмасяна и двух-трёх членов новой камарильи, ни одной руки не поднялось.

Перед “президиумом” встала непредусмотренная сценарием задача - кого же избрать третьим секретарём ЦК? Тут Товмасян перетасовал карты и предложил Заробяна, намечавшегося на пост первого секретаря Ереванского горкома партии. Заробяна пленум принял, не сравнивать же его было с Берсабе. На пост секретаря горкома тог-

да был определен Арушанян. Вообще то он котировался на пост Председателя Президиума Верховного Совета республики (самое непыльное и, вместе с тем, весьма жирное место), но произошло это позднее, так как Папян не сдавался и вылетел в Москву за поддержкой, проболтался там порядочное время, но безрезультатно (наивный, а, скорее, глупый человек, не уразумел, что “браки заключаются в небесах”, а он уже забракованный жених), и Арушанян вскоре всё же перебрался в его кабинет. Честолюбию, а больше – неутолимой зависти Папяна был нанесен такой удар, от которого он так и не оправился, уйдя в “лучший из миров”.

Кочинян сохранил по старой дружбе с Товмасяном свой пост Председателя Совмина и, кажется, был единственным, перешедшим в новый состав бюро из старого.

Итак, 30 ноября пленум закончился к вящему удовольствию посланцев Хрущёва. Не всё прошло гладко, но, в общем, цель была достигнута.

Между тем, назначенное по традиции на 29 ноября торжественное собрание, посвященное годовщине установления Советской власти в Армении, в этот день не состоялось и было перенесено на 30 ноября. Поэтому, почти сразу же по завершении пленума, новые руководители республики, в окружении большой свиты, явились в оперный театр и заняли почетные места на сцене. Я пораздумал-пораздумал, и решил тоже пойти на заседание. В самом деле, зачем я буду игнорировать то, что связано с Советской властью, из-за того, что кто-то позарился на моё место, кому-то я не понравился и т.д. Чуть ли не у входа в театр столкнулся я с Чураевым и с сопровождающими его героями дня, причём, был здесь и Заробян, который по-видимому не отправился в президиум, чтобы сопровождать Чураева. Притворяясь, что ничего особенного не случилось, они подхватили меня и повели в правительственную ложу. И только тут, Чураев деланно взгляделся в меня и спросил: “Не был ли я в

Харькове несколько лет назад, когда готовился доклад обкома партии в ЦК КПСС по вопросам идеологической работы”? Я писал об этой поездке с группой, возглавляемой Кузаковым. Я ответил утвердительно, а он: ”Всё смотрю и хочу припомнить, откуда вас знаю”. Конечно, он отлично помнил, прошло ведь совсем немного времени, и побывал я в его харьковском кабинете не раз, да и дело было громкое, сняли тогда с работы его любимчика – секретаря обкома по пропаганде Назаренко, а сам Чураев изрядно струхнул. Так что, особой симпатии ко мне он питать не мог. Ну и не надо, тем более, что всё завершилось по намеченному плану, и теперь не о чём было говорить.

Спустя пару дней с начала моего домашнего сиденья, позвонили мне из ЦК и сказали, что за мной послана машина, хочет поговорить со мной Пospelов. Приехал я в ЦК, вошёл в знакомую приемную первого секретаря, где меня попросили немного подождать. Через некоторое время из кабинета, вся в слезах, выскочила Берсабе (Пospelов пригласил нас двоих, но она жила ближе к ЦК и приехала раньше меня) и стремительно кинулась в корридор. Тут пригласили в кабинет меня и я застал там – сидящего во главе длинного стола Пospelова, а по бокам “святую троицу” – Товмасыана, Кочиняна и Арушаняна. Пospelов обратился ко мне со словами о том, что хочет до своего отъезда (экий фарисей) решить вопрос о моей дальнейшей работе. Вот мы посоветовались, – сказал он, – и решили предложить вам должность заместителя министра госконтроля. Немного пораздумав, я ответил согласием. Тогда Пospelов с театральным жестом воскликнул: “вот это по-партийному, а то мы предложили Григорян должность заместителя председателя Госплана, а она разрыдалась, устроила истерику, стала просить о переводе в Москву и ушла. “Я не удержался от ехидной реплики сказав: – Естественно, ей, ведь была обещана должность секретаря ЦК, у меня же нет выбора”. Очевидно поэтому Пospelов тут же спросил: Может быть, у вас остался

осадок на душе”, от чего я слегка взорвался и ответил: – Что же вы хотите, чтобы я проявлял восторг по поводу того, что произошло?” Поспелов: ”Ну что ж, раз вы дали согласие, то пожелаем вам успеха на новой работе” (какой благовоспитанный человек!). Я тоже, ради приличия, поблагодарил и ушел.

В целом, это был не самый худший вариант, по крайней мере, с материальной точки зрения. Оклады в госконтроле тогда были выше, чем в любом другом учреждении, да выслуга с включением в стаж работы в госконтроле период работы в парторганах, так что, приплата за выслугу получилась немалая, да ещё заместителям министров пока давался заветный “пакет”. Но я не смог сразу приступить к работе, так как эта должность входила в номенклатуру ЦК КПСС, и надо было ждать вызова в Москву.

Прождал я почти весь декабрь, а в последние дни декабря 1953 года, одержимый нетерпением (не мог же я долго не работать) позвонил по “ВЧ” заместителю заведующего Отделом административных органов ЦК КПСС Старцеву, моему однокашнику по ВПШ, хорошо меня знавшего. Он ответил, что до нового года остаются считанные дни, и сейчас не стоит выезжать, вызовем сразу же в начале января. Так и было сделано.

Но по поводу моего звонка по аппарату “ВЧ” приключился целый скандал. Звонил я по аппарату Президиума Верховного Совета, поскольку Папян в это время ещё околачивался в Москве, пытаясь спасти своё кресло. Формальное право на звонок отсюда у меня было, поскольку я ещё являлся депутатом Верховного Совета, а помог мне управляющий делами Президиума Геворк (Жора) Гзырян, ранее бывший моим помощником в ЦК. Возвратившись из Москвы Папяну донесли, что я пользовался его аппаратом, на что он страшенно разозлился и заявил, что снимет с работы Гзыряна, дескать, как это он мог подпустить к аппарату “провалившегося” человека (что-то в этом роде, в буквальном переводе на русский). Я

стал успокаивать Гзыряна, твёрдо вознамерившись в случае его увольнения обратиться прямо к Ворошилову (последний в это время занимал пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР). Между тем, Папян в официальном порядке обратился в Ереванский горком партии с требованием привлечь меня к строжайшей партийной ответственности. Неизвестно, как бы поступил Арушанян (тогда ещё секретарь горкома), если бы обратившийся не звался бы Папяном, мешавшим ему скорее занять тепленькое кресло. Так или иначе, Арушанян грубо оборвал его, сказав чтобы тот не занимался глупостями, а вскоре Папян и сам оказался в числе “провалившихся”, будучи буквально вытуренным, со своего поста.

Однако, пока ещё 1953 год не закончился, шли дни декабря. В один из дней этого месяца состоялось собрание партийной организации аппарата ЦК и я, как член этой организации, присутствовал на собрании. Обсуждались итоги потрясшего чуть ли не всю республику пленума (в Ереване все политические события, внутренние и внешние, близко принимают к сердцу все дворники, не говоря уж о ночных сторожах). Вот тут уж по моей персоне проехали сразу несколько человек, и как раз те, кто больше других был мне обязан. Началось со свояка Товмасына – Сурена Восканяна. Как-то, по просьбе Товмасына я помог ему, ещё не имевшему за плечами никакой практической работы, и поэтому не по заслугам, определиться в республиканскую партийную школу. Больше того, по окончании им школы и, опять по просьбе Товмасына (пожалуйста, парень ещё молодой, возьми его под свое крыло), “взял” его в свой отдел и принялся старательно натаскивать его. Благодарностям не было конца. И вот, именно он первый (сразу же назначенный Товмасыном заместителем министра внутренних дел) и взялся за меня, упрекая в том, что я потакал Арутинову. Между прочим, лишь эту тему (за одним исключением) мусировали в своих выступлениях другие. Работники того же отдела – Оник Кртян (которого тоже я “взял” из

комсомола), Варт Мкртчян, вот эта уж редкая бездарь, сумевшая дотянуть до пожилых лет свое существование в солидных учреждениях. Но всё это было лишь подхалимские бормотанья. Обиднее же всего было выступление натасканного Мнацаканяном (чуть ли не самым злейшим моим недругом) работника отдела пропаганды Вагинака Севьяна, который заявил примерно следующее: Одним из фактов игнорирования Арутиновым идеологической работы является то, что он поручал Мартиросяну вопросы работы отдела пропаганды (ясно, что надо было понимать под этим “рикошетом”). И если по другим выступлениям аудитория отмалчивалась, то последнее было настолько ... ну, словом, здесь-то, в зале, загудели. Ладно, пришлось проглотить и это. Кстати, ни Кртян, ни Мкртчян никаких лавров не завоевали, не были же они свояками! А Севьян, может от того, что слишком взволновало моё “невсжество” вскоре умер, тоже не дождавшись выдвижения.

НОВЫЕ “ПАЛЕСТИНЫ”

Наконец, как и положено по законам природы, ушел в историю и 1953 год, доставивший сильнейшие тревожения множеству людей по всей стране, больно задевший и меня. Но расплата здоровьем наступила позднее, а пока я держался на том, что пребывал в полушоковом состоянии.

Но прежде чем рассказать о своём дальнейшем житье-бытье, следует описать – чем же всё происходящее закончилось для Арутинова и больше его не касаться, если только не придется вскользь где-то просто упомянуть.

Назначили Арутинова директором несуществующего совхоза. Просто взяли да нарезали несколько десятков гектаров земли, никогда не засевавшейся, солончаковой и заросшей камышом (это был узкий мысок у впадения Раздана в Аракс, называвшийся у местного населения “Камчатка”). Вот здесь и создайте овощеводческий совхоз, сказали ему. Совхоз был подчинён Армконсервтресту, а последний, в то время, союзному министерству пищевой промышленности. Арутинову умения и опыта было не занимать. В первый год он облагородил участок, а в течение второго года на этой пустоши вырастил такой урожай, что министр Зотов выдал совхозу союзную премию. И тут произошла трагикомическая сцена, наглядно показавшая узость мышления и беспринципную мстительность заводил в новом составе бюро ЦК. Поскольку коллектив совхоза в основном состоял из азербайджанцев, то выходящая в республике газета на азербайджанском языке “Совет Эрманистан” поместила заметку об успехах совхоза, даже не упомянув фамилии директора. За подобный “возмутительный” поступок редактора газеты Али Гасанова вытащили на бюро ЦК, обвинив ни много, ни мало, в “приступлении политической бдительности” (формулировка “бдительного” Арушаняна) и чуть не исключили из партии, едва отделался тот строгим

взысканием. Арушанян расшумелся до бешенства: вы что, не понимаете кого вы расхвалили, забыли, что там человек, исключенный из состава ЦК, кому ЦК КПСС выразил недоверие и т.д. и т.п.

Между тем, на исключении из состава ЦК дело Арутинова не прекратилось. В начале 1954 года в Ереван прибыла группа контролеров КПК, во главе с неким Морозовым (кажется так), с целью сбора материалов по персональному делу Арутинова. Пробыли они очень долго, чуть ли не месяцы, то в Ереване, то в Тбилиси. Вызывали они массу людей, не обошлось и без меня. Затребовали письменное объяснение, поставив определенные вопросы, касающиеся Арутинова. Ничего негативного я не написал, но был вопрос, который я не мог обойти, а именно – что в верхушке армянского руководства почти всегда существовали как минимум трения, взаимная неприязнь, а, порою, и острые конфликты, например у Погосова с Карапетяном и Баригяном, у меня с Берсабе Григорян, а позднее – Погосова и Баригяна, с разных сторон, с самим Арутиновым. Было немало подобных же явлений ещё, но уже помельче. Это соответствовало действительности, но где этого не бывает? Всё дело в том, что обращается на это внимание лишь тогда, когда нужно кого-то выпроводить.

Кстати, раньше, ещё Чураев, затребовал и от меня, как занимавшегося парткадрами, объяснения по поводу заявлений о, якобы, несправедливом отстранении от работы четырёх лиц: секретаря Кафанского райкома партии Ерванда Мелконяна, секретаря Ноemberянского райкома Рубена Азгалдяна, секретаря Алавердекого райкома Мехака Геворкяна и одного из секретарей Ереванского горкома (попавшую туда по нормам женского пола) Зварт Гукасян. Заявления эти были написаны просто по злобе. Всех четверых прокатали на партконференциях при тайном голосовании, и ЦК не мог ничего поделаться, оставалось лишь утвердить то, что являлось “пост-фактум. При этом (что касается меня), Мелконян и Азгалдян ранее работали

У меня в отделе парторганов, мною же были представлены на должности первых секретарей райкомов партии, т.е. на выдвижение, а не на “заднижение”, так что если уж нужно было меня упрекнуть, то в том, что я выдвинул их не по достоинству, ошибся словом!

Когда изучение персонального дела Арутинова закончилось, Морозов во второй раз пригласил меня в ЦК и в доверительной беседе (очевидно, как со старым коллегой по аппарату ЦК КПСС) сообщил, что не только дня, но кажется и часа из жизни Арутинова не осталось без внимания, но не возникло решительно никаких оснований для исключения его из партии.

Стбыли они в Москву и спустя какое-то время пришло постановление президиума ЦК КПСС, которое буквально гласило: “Персональное дело Арутинова Г.А., 1900 года рождения, по национальности армянин, член КПСС с 1919 года. Объявить Арутинову Г.А. выговор”. Вот и всё! Ни мотивов, ни оговорки о занесении в учетную карточку! Объявить выговор и всё тут.

Это постановление было переслано в Эчмиадзинский райком партии для ознакомления Арутинова. Секретарь райкома партии Гегам Петросян (ставший затем заместителем Председателя Совмина по вопросам сельского хозяйства) позднее рассказывал мне: “Пришлось пригласить Арутинова в райком, отдал я ему выписку, прочитал он, пожал плечами и только спросил – а за что? Я тоже пожал плечами и ответил – не знаю”.

Лишь на этом весь сыр-бор завершился, если не считать, что Арушанян продолжал бомбить Москву требованиями посадить и судить Арутинова, и, вообще, “группу преступников” в Армении. Не мог он никак примириться с тем, что в Азербайджане и Грузии были организованы групповые процессы с крайним исходом, а в Армении подобный “спектакль” никак не осуществлялся. Длилось это до тех пор, пока и Хрущёву надоело. В конце концов (но не очень скоро) было велено передать Арушаняну мнение Хрущёва, чтобы тот пре-

кратил свои домогания, дескать – получил сам солидную должность и пусть успокоится, что ему ещё нужно?

Не могу сказать, что опасения рокового исхода, каких добивался Арушанян, не выбивали и меня из нормальной колесы. Ведь не исключалась вероятность, что и в Армении спровоцируют “групповое дело”, что вполне могло задеть и мою персону. Довольно длительные переживания были настолько сильны, что возникла хроническая бессонница с мучительными мыслями, перешедшая в невротическое состояние, усугублявшееся частыми и глубокими приступами в этот период болезни Менъера. Дело дошло до лечения у психиатра – профессора Меграбяна А.А., ещё некоторое время продолжавшееся даже после отповеди Арушаняну. Лишь постепенно наступило обычное состояние, которое, хоть приближенно, могло быть названо нормальным.

Через пару или тройку лет здоровье Арутинова стало окончательно сдавать и затеял он переезд в Сухуми. Но с обменом ереванской квартиры на сухумскую не получалось, поэтому (как он мне сам объяснил) им было решено произвести двойную операцию – сперва обменять на Тбилиси, откуда было много предложений от тбилисских армян, желающих пересечь в Ереван, а обменять Тбилиси на Сухуми было уже просто. Так переехал он в Тбилиси, но там серьёзно захворал и в день своего рождения – 7 ноября 1957 года (т.е. ровно 57 лет от роду) умер. Тбилисские власти организовали пышные похороны, а из ЦК КП Армении распространили предупреждение о том, что поездка кого-либо из Армении на похороны Арутинова будет рассматриваться как антипартийный поступок с соответствующими последствиями. Даже по одному этому факту можно судить о мелочности, узколобости, атавистической мстительности и, вообще, неандертальском уровне верховодов республики. Уверен, что “инициаторами” этого действия были Арушанян с Маргаряном, а Товмасян просто отмолчался, всё же, был он умнее этих

двоих, и удавалось ему иногда становиться выше мелочей. Словом, на похороны Арутинова поехали уже и без того изгнанные отовсюду – многолетний помощник Арутинова Алексей Мартиросов и тоже многолетний его шофер Атом. Спустя несколько месяцев, не оправившись от горя, умерла жена Арутинова – Нина Григорьевна.

Так закончилась жизненная стезя Григория Артемьевича Арутинова, сделавшего для Армении больше, чем все другие первые лица вместе взятые, как до него, так и после (из этого числа я исключав нынешнего первого секретаря ЦК КП Армении Демирчяна, не знаю я, в сущности, его, да и всё у него ещё впереди).

Итак, 1953 год остался позади, и теперь я могу перейти к продолжению рассказа о самом себе.

В первых числах января 1954 года, как и пообещал Старцев, вызвали меня в Москву. В ЦК всё обошлось просто и быстро, а на следующий день направили меня в Министерство госконтроля СССР, где приняли и весьма обстоятельно со мной побеседовали министр Жаворонков и его первый заместитель Павельев. Моя кандидатура была одобрена, состоялось утверждение ЦК КПСС и примерно в середине января 1954 года я приступил к работе в Министерстве госконтроля Армянской ССР в должности заместителя министра. Министром являлся (настолько длительным, что никто не помнил, кто же был до него) Артавазд (Арто) Иванович Бунятян, а первым заместителем Гарегин Оганесович Ордян. Министерство занимало одно из лучших, если не самое лучшее, здание дореволюционной Эривани, на улице Абовяна. Богато отделанный двухэтажный особняк, принадлежавший какому-то богачу, настолько привлекателен по архитектуре, что до сего времени приковывает к себе внимание прохожих. И года не прошло как стал я работать в госконтроле, было отстроено новое просторное здание на Московской улице, в непосредственном соседстве с Дворцом пионеров.

Коллектив министерства принял меня явно настороженно. Ока-
зывается здесь на партийном собрании по “итогах ноябрьского
плenums ЦК КПА” состоялось несколько выступлений, с возраже-
ниями против моего прихода в этот коллектив, что естественно, так
как меня в министерстве абсолютно не знали, а докладчик – ми-
нистр, полностью переориентировавшийся на новое руководство
(ясно почему), обрисовал всё в самых чёрных красках и даже заявил:
он (т.е. я) очень рвётся к нам, но это не пройдёт. Но вот прошло и
даже очень гладко. В Москве-то решали объективно настроенные
люди, сумевшие беспристрастно оценить мой опыт и другие необхо-
димые для такой работы качества, а “рваться” я и не думал, просто
согласился на сделанное мне предложение.

Буквально в первые дни моего прихода в госконтроле произош-
ла смена руководства. Бунятян за какие-то услуги был выдвинут на
пост заместителя Председателя Совмина, а Ордян назначен минис-
тром. Должность первого заместителя министра пока оставалась ва-
кантной, но не долго. В один отнюдь не прекрасный день на этой
должности появился не кто иной, как тот самый Левон Мелконян,
директор совхоза, который на пленуме позволил себе демагоги-
ческое заявление о готовности членов бюро, при желании Арути-
нова, “закрывать Советскую власть”. Этого достаточно, чтобы пред-
ставить умственные способности Мелконяна, но ближайшее зна-
комство превзошло все, даже самые худшие, предположения. Это
был тупой, необразованный, крайне невежественный и несотёсанный
человек с величайшим самомнением, что тоже закономерно. Был
характерный случай, когда главный контролер по промышленности
Макарян, умный и образованный человек, демонстративно ушёл из
министерства, предварительно публично обозвав Мелконяна ослом,
что было недалеко от истины, если не считать, что любой осёл был
полезнее него.

Прошло немного времени, и отношение коллектива ко мне резко изменилось, как говорится – произошёл поворот на 180 градусов, а на фоне Мелконяна я ещё более выиграл. Могу утверждать, что более нигде не относились ко мне с такой теплотой, как здесь. Даже самый рьяный из выступавших против моего прихода в госконтроль – Чобанян, однажды спросил меня, почему я не подаю заявления о снятии взыскания, дескать, всё готовы поддержать меня.

Когда я удивлённо спросил – какого взыскания?, он ещё более удивлённо сказал, а ведь на собрании говорили, что на пленуме вынесли вам взыскание (это уже постарался Бунятян). Что касается нового министра Ордяна, то обладал он большим опытом госконтролевской работы, от природы очень не глупый и достаточно грамотный человек, но со склочным характером: сталкивал лбами работников аппарата, делил их на сынков и пасынков, в общем, создал в коллективе весьма нездоровую обстановку. Не хвастаясь, скажу, что с моим приходом положение стало заметно выравниваться.

Так мы и работали, крайне разношёрстной троицей в руководстве, действовал я как можно активнее (в смысле освоения и ведения работы), но спустя какое-то время вновь произошли изменения в руководстве. Поскольку после перехода в Совмин Бунятян тяжело заболел и почти не поработал там, в ЦК решили вернуть его на старое место, министром госконтроля, Ордяна задвинуть на место первого заместителя, а Мелконяна – с первого на простого заместителя. Вот и встал вопрос – куда же меня? Тут Кочинян попытался совершить первый коварный выпад против меня (хотя всё время между нами сохранялись вроде превосходные отношения, но я давно уже понял, что это, равным счетом, ничего не означает). Он внёс в ЦК предложение назначить меня главным контролёром по вопросам строительства, позолотив это оставлением в составе Коллегии (“пакет”!). Когда эта акция Кочиняна дошла до меня, я принял твердое решение, если подобное совершится, немедленно

покинуть министерство. Но произошло неожиданное. Как раз в это время, по какому-то делу, в Ереване находилась бригада контролеров союзного министерства. Они незамедлительно довели всю эту историю до сведения своего министра, Жаворонков обратился с протестом в ЦК КПСС и оттуда поступило решение – Ордяна вообще убрать из министерства, а меня не трогать. Так мы и распрощались с Ордяном, перешедшим в Госплан.

Между тем, после перевода в министерство Бунятян так и не явился ни на один день на работу, болезнь усугубилась, и через пару месяцев он умер, всё это время занимая должность министра. Так что несколько месяцев я оставался один на один с Мелконяном, исполнявшим обязанности министра. Порою становилось невыносимо, но я старательно обходил всё, что могло привести к конфликту, хоть внешне соблюдая вполне лояльные отношения. После смерти Бунятяна Мелконян был назначен министром, а меня, полагаю с его согласия (всё-таки нужен был я ему), в ноябре 1956 года назначили его первым заместителем. Выдержал я сотрудничество с Мелконяном ещё почти год, до сентября 1957 года, но терпение мое в конце концов, лопнуло и срезался я с ним так, что о дальнейшей совместной работе уже не могло быть и речи. Позвонил я Товмасыну с просьбой об аудиенции и был немедленно принят. Вообще и до этого и после Товмасын часто звал меня в ЦК, говорил со мной весьма дружелюбно, и всегда использовал в написании, а, большей частью, в редактировании различных его докладов и других документов ЦК. На сей раз я заявил Товмасыну, что более ни одной минуты не намерен работать с Мелконяном и попросил перевести меня “куда угодно”. Конечно, ни одного предосудительного слова в адрес Мелкошна, при этом, я от Товмасына не услышал, а через день или два он пригласил меня и предложил должность директора организуемого в Армении Научно-исследовательского горно-металлургического института (при Совнархозе) сказав, что Совнархоз (Мовсесян),

Академия наук (академик Амбарцумян) и ГКНТ (профессор Касьян) единодушно поддерживают мою кандидатуру, учитывая (думаю, наряду с другими соображениями), что по образованию я - горный инженер. Разумеется, я, не раздумывая, дал согласие.

Но за несколько месяцев до этого мне представлялась возможность перехода из госконтроля на довольно интересную и подходящую мне работу в системе Совнархоза, который только-только комплектовался.

Первым председателем Совнархоза республики был назначен Сурен Амбарцумович Мовсесян, умный, с большими организаторскими способностями, требовательный, но и сам неутомимо работоспособный человек. Общий культурный кругозор не был у него широк, был он типичным высокоспособным технократом и, одновременно, хорошим специалистом-геологом. Однако, признавая большие его способности и умение работать, многие недолюбливали его за сухость характера, вплоть до явной неприветливости в рабочей обстановке и чрезмерной, прямо-таки непреклонной, не признающей никаких скидок, требовательности и строгости. Тем не менее, неоспоримо он был (я пишу "был", так как сейчас его уже нет в живых, умер он в 1982 году) весьма и весьма полезным работником. Впоследствии долгие годы работал он первым заместителем Председателя Совмина республики (с Кочиняном) и не может быть никакого сомнения, что Совмин держался именно на его плечах. В конце концов, отношения с Кочиняном, совершенно необразованным человеком, дошли до предельного разобщения, и, став первым секретарём ЦК (бывает же!) Кочинян таки добил его.

Комплектуя руководящие кадры Совнархоза, Мовсесян позвонил мне (в госконтроль) и предложил должность начальника управления цветной металлургии и горнорудной промышленности. Я согласился с удовольствием по двум причинам: во-первых, работа интересная и соответствует моей основной специальности, во-вто-

рых, я уже не чаял, как избавиться от Мелконяна. Мовсесян сделал представления на всех начальников управлений, и началось их приглашение для переговоров к Товмасыну. Вызвали и меня. В приёмной уже сидели кандидаты в другие управления, и никакого подозрения у меня не возникло. Наступил и мой черед, но к большому моему удивлению, хотя и Мовсесян заверил меня, что с Товмасыном всё полностью согласовано, тот вдруг предложил мне пост начальника Планово-экономического управления Совнархоза. Но ведь речь шла совсем о другом управлении, сказал я. “Верно - ответил Товмасын, - но мы решили в то управление направить Короткова (работающего заведующим промотделом ЦК, от которого, почему-то, решили отделаться), тоже горного инженера. Я отказался принять сделанное мне предложение: во-первых, не было никакого резона начинать осваивать совершенно новое для меня плановое дело и, во-вторых, я предпочитал возглавить отраслевое, а не функциональное управление. Из-за такого поворота дела я ещё некоторое время оставался в госконтроле, и вот теперь согласился принять новый институт.

Ещё до создания Совнархоза и связанных с этим перестановок, новое руководство стало перетасовывать кадры буквально с первого дня своей деятельности.

С чего, вернее с кого всё началось, не считая того, что произошло на пленуме? Вот история первых операций. Вспоминается, что когда все вышли от Хрущёва, разбившись на группы соответственно своим симпатиям (действительным или по расчёту), я оказался в обществе Арутинова и министр МГБ генерала Мартиросова. Ещё на улице я подначил последнего, сказав: “Хотите знать какое будет первое решение товмасыновского бюро? “Какое?, – спросил он. “Снятие вас с занимаемой должности”. Я как в воду смотрел. Именно таким и оказалось самое первое решение нового бюро ЦК. Председателем КГБ был назначен присланный из Москвы Бадамянц. А предшествовавший Мартиросову председатель – Корхмазян,

умный и начитанный человек с хорошими манерами, был осуждён по тбилиским делам, когда был он там пока всего оперуполномоченным, на 10 лет лишения свободы и просидел этот срок тютетька в тютетьку, день в день, никакие амнистии и другие тюремные льготы (хорошее поведение и т.п.) его не коснулись. Уголовников-рецидивистов сплошь и рядом пачками выпускали досрочно, а благовоспитанный Корхмазян, видите ли, якобы, представлял собой - социально-общественную опасность.

Предшественника же Корхмазяна некого Кримиана, снятого за что-то Арутиновым ещё до моего переезда в Ереван и работавшего, кажется, начальником отдела кадров Министерства пищевой промышленности, этапировали в Тбилиси и расстреляли вместе с группой Рапава. Такая же участь постигла министра внутренних дел генерала Хорена Григорьяна, тоже этапированного, но уже в Баку, и тоже расстрелянного с багировской группой. Пост же министра внутренних дел, как я уже писал, был предоставлен Пискунову.

Конечно, за “близость к Арутинову” были изгнаны министры сельского хозяйства и здравоохранения (Чилинтарян и Хримлян). На их места утвердили: министром сельского хозяйства - Рубена Абрамяна, о “кругозоре” которого остряки говорили, что считает он так: девяносто восемь, девяносто девять, девяносто десять. Хримляна же не дала в обиду Москва. Он был отозван и назначен главой миссии Минздрава СССР во Вьетнаме, а по возвращении в течение многих лет работал главным врачом ЦКБ (Центральной клинической больницы, известной как “Кунцевская”) IV Главного управления при Минздрава в СССР.

Перестановок было много, не стоит обо всех писать, кроме одного, поистине курьёзного случая. Однажды, после очередного съезда комсомола республики (которым я “дирижировал” от начала до конца), было решено переросшего первого секретаря Айро Айрапетяна перевести на должность председателя Спорткомитета. На его

же место был намечен секретарь по пропаганде Геворк Гарибджанян, известность которого держалась лишь на доброй памяти его отца – героя Майского восстания в Александрополе (Ленинакан) Баграта Гарибджаняна, расстрелянного дашнаками после подавления восстания. Итак, съезд закончился, новый состав ЦК комсомола расселся в зале заседаний ЦК партии для проведения первого пленума и избрания секретарей и членов бюро. Именно я должен был появиться там и осуществить наши предначертания. Пока мы сидели с Арутиновым в его кабинете в ожидании сбора членов ЦК, и только собрался идти на пленум, как позвонили Арутинову два представителя ЦК ВЛКСМ и попросили аудиенцию. Арутинов, разумеется, сейчас же принял их и они заявили, что связались со своим руководством, сообщили о кандидатуре Геворка Гарибджаняна, и отсюда категорически возразили против этого (знали его как склочника, что соответствовало действительности). Делать было нечего, и Арутинов решил посчитаться с мнением ЦК ВЛКСМ.

Оставшись вдвоём, мы стали гадать, кем же заменить Гарибджаняна. Несколько раз, сверху донизу, тщательно перебрали весь состав вновь избранного ЦК, и тут меня вдруг осенило: давайте Тер-Газарянца, замполита по комсомолу 89 Таманской дивизии, который по ходу съезда очень мне приглянулся. Тут же вызвали его из зала к Арутинову, тот побеседовал с ним, и отпустив, сказал, что пожалуй, подходит по всем статьям. Но ведь он находился в кадрах армии (в звании капитана). Тогда Арутинов немедленно позвонил по “ВЧ” тогдашнему министру обороны СССР Н.А.Булганину, (тот, кстати оказался на месте), и изложив ему сложившуюся ситуацию, попросил Булганина дать согласие на избрание Тер-Газарянца. Согласие было получено, а уже через 10-15 минут позвонил Арутинову начальник политотдела армии генерал Ганиев, сообщив, что от Булганина был звонок о немедленной демобилизации Тер-Газарянца и направлении его в распоряжение ЦК КП Армении. Вот теперь я

отправился со спокойным сердцем в зал заседаний, где члены ЦК комсомола в волнении прождали час-полтора, и произвёл там сенсацию, предложив кандидатуру Тер-Газарянца на пост первого секретаря ЦК ЛКСМ Армении. Принят он был хорошо, несмотря на неожиданность, и работал хорошо, но Товмасян и его окружение зачислили его в число приверженцев старого руководства и приняли решение о его отстранении. На его место был выдвинут Спартак Багдасарян, который, где только можно, сообщал, что Товмасян является близким другом его отца (“папайс ынкер”). Забегая вперёд скажу, что мои пути, волею судеб, ещё скрестились с ним, но много позже.

Что же касается Тер-Газарянца, то его, как и Хримляна, Москва в беде не оставила. Тогдашний секретарь ЦК ВЛКСМ Шелепин отозвал его в Москву и назначил заведующим военно-физкультурным отделом ЦК ВЛКСМ. Позднее поработал он в Комитете дружбы с зарубежными странами, а после ликвидации комитета взяли его в отдел соцстран ЦК КПСС. Затем он опять в Армении - секретарём ЦК при Заробяне и вторым секретарём при Кочиняне. По обстоятельствам, о которых возможно я ещё напишу, направили его на дипломатическую работу, сперва послом в Сенегале, а теперь (февраль 1983) в Зимбабве.

Перестановки произошли и в самом ЦК. Через некоторое время вновь была восстановлена система пяти секретарей, при этом, Заробян был переведен в Совмин первым заместителем Председателя, и Товмасян пригласил в качестве одного из секретарей Бабкена Саркисова, работавшего заместителем заведующего (даже не заведующим) сектором распространения печати Отдела пропаганды ЦК КПСС (трудно представить более узкую сферу деятельности – одна “Союзпечать”! Естественно, что этот сектор вскоре был ликвидирован, а заведующий сектором, мой друг Вася Мочалов, направлен на работу во Владимир. потом в Тулу). Бабкен тут же стал пре-

даннейшим коллегой Товмасына, соблюдая, однако, со мной, по крайней мере, внешне, дружественные отношения. Секретарём по промышленности стал директор завода “Каучук” Степан Туманян, а по сельскому хозяйству, ни оттуда, ни отсюда, Грант Оганесян, тот самый, который “знал и верил” Вагинаку Григоряну, а, стало-быть, не верил мне (я писал об этом). Все они оказались калифами на час. Разогнал их Заробян (хвала ему!), которого пока поддержал Кочинян.

Однако, прежде чем перейти к описанию того, как я приступил к созданию в сентябре 1956 года уже названного Научно-исследовательского горно-металлургического института, коснусь ряда событий, общего и личного плана, которые произошли в 1954-1956 годах.

Летом 1954 года я снял дачу в Кировакане, куда, кроме Симы и Ирочки, съехалась вся тбилисская родня – мама, папа, Рита, Гегам и с ними Карик. Место было замечательное, самая верхняя окраина города, выше известного общесоюзного санатория, в Ванадзорском ущелье, у лесной опушки и рядом с прекрасным розарием. Мы заняли верхний этаж двухэтажного дома (принадлежавшего мяснику, что было очень удобно в смысле приобретения мяса), – две просторные комнаты и большая застеклённая галерея, – за немалую мзду, но в госконтроле получал я достаточно, и такой расход был мне по плечу. Что подделаешь! Норк и Степанаванский лесопитомник уже были не про мою честь.

Так прошло лето 1954 года. Осенью и зимой я много вечеров посвятил посещению филармонии, где часто давались концерты классической музыки. Кроме своих ереванских профессиональных симфонических оркестров и музыкантов-инструменталистов, немало приезжало и гастролёров, советских и зарубежных. Вообще, в годы жизни в Ереване довелось мне послушать таких дирижёров, как Вилли Ферреро и Карло Цекки, дважды - Исаака Стерна и столь же большого виртуоза – Руджиеро Риччи, приезжали и Ван Клиберн,

Байрон Джанис, Витольд Малкужинекский, Эстрелла, Анни Фишер, да и свои не хуже – Рихтер, Эмиль Гилельс и многие другие.

В правительственную ложу, через особый вход, меня впускали не только беспрепятственно, но и очень приветливо, благо, руководителя республики (помилуй Бог!) на подобные “старомодные” концерты не ходили ни при каких обстоятельствах, поэтому ложа постоянно пустовала. Часто бывали там лишь командующий армией генерал Давид Абрамович Драгунский с женой - меломанкой. На концертах мы стали настолько близкими знакомыми, что много лет спустя, уже в Москве, Драгунский навещал меня на работе. Ему же я помог в издании книги мемуаров “Годы в броне” (Драгунский, генерал танковых войск, ныне начальник высших курсов “Выстрел”), получив её в дар с благодарственным адресом.

Забегая вперёд скажу, – книг с такими же, лестными для меня автографами, подобралось у меня много, – от маршалов – Жукова, Василевского, Баграмяна, Крылова, адмирала флота Кузнецова, командира 150-ой дивизии, взявшей Рейхстаг, генерала Шатилова, командующего артиллерией Московского округа генерала Казакова, знаменитой лётчицы, Марины Чечневой, космонавта Хрунова, даже Прасковьи Андреевны Малининой, прославленного колхозного вожака (“Волжские ветры”), да и многих писателей и ученых.

Говоря же о военачальниках, с которыми я лично познакомился, должен упомянуть, начиная со времён переезда в Ереван, командующих армиями: Крейзера, Черокманова, Федюнинского, Стученко, того же Драгунского, членов Военного Совета – Колобякова, Глonti, командиров 89-ой дивизии Г.О. Мартиросяна, С.А. Миансарова, более всего близился я с генералом Ганиевым. Близко был знаком с начальником Армянского пограничного округа генералом Дёмшиным (который, однажды, после участия в торжественном открытии Севанской подземной гидроэлектростанции, пригласил меня с Симой на обед в своей летней резиденции в Цахкадзоре).

Однажды нанёс мне визит в ЦК заместитель начальника ГлавПУРа генерал Крайнюков. Ещё с двумя крупными военачальниками довелось мне познакомиться во время их кратковременных приездов в Ереван – с генералом армии Антоновым, начальником Генштаба во время войны, и с адмиралом флота И.С. Исаковым, который две-три осени подряд приезжал с женой, как он выразился – “продлить лето”. Ему Арутинов отводил гостевой особняк в Конде, а, поскольку он по инвалидности вечерами никуда не выезжал, то, чтобы заполнить их досуг, вечерами навещал их Арутинов и иногда, по поручению Арутинова, да и по приглашению самого Исакова, приезжал Ваш покорный слуга.

Осенью 1954 года взял я отпуск и решил провести его в путешествии. Симу и Ирочку отвёз в Ростов к Тосе, а дома осталась Евдокия Васильевна под надзором соседок. Из Ростова сперва отправился я в Киев, где, кстати, до этого ни разу не бывал и это меня, прямо-таки, мучали. Был я ещё депутатом Верховного Совета республики и это беспрепятственно открывало передо мной двери гостиниц и окошечки железнодорожных и иных касс.

Последние числа октября провёл я в Киеве. Целую неделю знакомился с достопримечательностями этого города, благо, погода и в Киеве и во время всей поездки стояла отличная. Из Киева, кажется, 1 ноября, я выехал во Львов, который ещё носил (да и сейчас это, в сущности, типичный католический город) отпечаток зарубежного города. Это естественно, так как никогда Львов не входил в состав России, когда то был в Польше, в конце 18-го века отошёл к Австро-Венгрии, с 1918 - года опять в Польше. Осенью 1939 года Львов был воссоединён с Украиной, но не прошло и года, как был оккупирован. Ко времени моего приезда прошло всего около десяти лет после его освобождения. Словом, для меня, никогда до этого не бывавшего за пределами страны, Львов казался носителем некой заграничной экзотичности. Исходил я его вдоль и поперёк, и даже

ввысь, поднявшись на господствующий над городом высокий холм, с искусственно насыпанной верхушкой, где устроена обзорная площадка. Праздник 7 ноября 1954 года встретил я во Львове. Запомнилось, что именно здесь я прочитал в газете сообщение о самоубийстве Фадеева, с безжалостной формулировкой о причине такого его поступка. В промежутке я съездил, пользуясь междугородним такси, в Закарпатье. Проехал по маршруту – Стрый, Сколе, перевал у деревни Тухолька, затем спуск в закарпатские долины, через Свалявы в Мукачево. Здесь мы немного побродили по городу, который очень украшает средневековый замок на ближайшей горе, по рассказам принадлежавший Марии-Терезии. Затем тронулись дальше и вскоре прибыли в Ужгород, где остановился в гостинице “Верховина”. В Ужгороде пробыл я около двух дней и лишь одну ночь, вечером даже побывал в театре, правда, не высидел до конца спектакля. Во Львов, где сохранил за собой номер в гостинице (“Интурист”, на площади, где сооружён отличный памятник Мицкевичу), чтобы не возить свой багаж и не устраиваться заново, возвратился опять на такси. Обратный путь домой пролегал через Ростов, откуда, прихватив своих домочадцев, вернулся в Ереван, в свой госконтр-роль.

Из состава ЦК КП Армении выбыл я в начале 1954 года после состоявшегося очередного съезда, но депутатом оставался до весны 1955 года, когда прошли тоже очередные выборы. Замечу, что я только выбывал, но не исключался ниоткуда, так сказать “досрочно” или по принятой, к сожалению, (фиктивной формуле – “согласно собственного заявления”. Хоть этого я избежал.

Не помню, чтобы в конце 1954 и в первой половине 1955 года произошли какие-либо существенные изменения, если не считать, что Хрущёв всё более “разгуливался”, вводя одну реорганизацию за другой, причём было ясно, что “принцип” тут заключался лишь в том, чтобы делать всё наперекор Сталину. Последний, уже давно

усопший, продолжал буквально хватать Хрущёва, порою, приводя того в бешенство. Справедливости ради приходится сказать, что делая кое-что наперекор, а не по каким-либо другим намерениям, невольно совершал он и добрые дела, такие, как например, массовая амнистия лиц, репрессированных в 1937 году и пока оставшихся в живых, а также реабилитация умерших или погибших. Но при этом, - он так рекламировал эти события, словно все забыли, как он сам в те годы свирепствовал в Москве и на Украине.

Были возвращены в свои края высланные с родных мест целые народы – карачаевцы, балкарцы, чеченцы, ингуши, калмыки. Но субъективность подобной меры со стороны Хрущёва несомненна, так как эта акция не распространилась на крымских татар и немцев Поволжья. Наши советские немцы вовсе не творили больше анти-советских действий, нежели те другие народности. А с крымскими татарами Хрущёв не посчитался единственно потому, что абсолютно самовольно отторгнул Крым от России и преподнёс Украине. Экий благодетель! В то же время, оттяпал он у маленькой Эстонии район Петсери и включил его в Псковскую область, под предлогом того, что там жило немало русских? А где нет русских? Нужны были Петсери (теперь Печеры) огромной России!

В 1955 году я вновь использовал свой отпуск в путешествии, но на этот раз всё было не так просто, потому что в начале этого года, как уже упоминалось, я лишился депутатского мандата. Однако, всегда находится выход из положения. А решил я поехать в Ленинград, где побывал лишь в 1931 году, т.е. за 24 года до этого, и мне всегда очень хотелось съездить туда, и по возможности не единожды. На сей раз со мной поехали Сима и шестилетняя Ирочка. Удалось выехать лишь в сентябре, но с погодой опять повезло, всё время стояли хоть и осенние, но тёплые погожие дни.

Но пути в Ленинград сделали кратковременную остановку в Москве, где нас встретили и ненадолго приютили наши милые Вар-

тановы (ещё в старой квартире в районе Войковской). Дальше вступил в действие мой лучший друг Андрей Лукашёв, работавший тогда в ИМЭЛ”е. Позвонил он своему коллеге из Ленинградского филиала, тот любезно встретил всю нашу семейную тройку на вокзале в Ленинграде и отвёз в закрытую гостиницу обкома партии на Таврической улице (в непосредственном соседстве со знаменитым дворцом), где для нас была забронирована отличная комната.

Прекрасно устроившись в бытовом отношении, мы смогли сразу же приступить к знакомству с Ленинградом, мне почти заново, а Симе, и, тем более, Ирочке, вовсе впервые. Конечно, главные достопримечательности этого города не остались без внимания – Эрмитаж, Русский музей, соборы, да и просто улицы, площади, мосты и парки, Летний сад и Зоопарк, на Петроградской стороне, памятники, Петропавловская крепость, архитектурные шедевры и пр. и пр. В один из дней съездили в Пушкин, но дворцы были ещё в реставрации, так что, побыли лишь в Пушкинском лицее и походили по парку. Часто бывали в расположенном рядом с местом нашего обитания – Таврическом саду, я катал здесь Иру на лодке по каналам, побывали в гостях у двоюродного брата Симы – Володи Пересады. Словом, всего не упомнишь. А в один из дней оставил я Симу с Ирочкой на попечении Володи (ныне генерал-майор Пересада), загодя купил на Балтийском вокзале билет до Таллина и уехал туда на два-три дня. Близость Прибалтики где до этого я никогда не бывал, не давала мне покоя. С вокзала доехал прямо к своим коллегам в Мингосконтроль. Принял меня кто-те из руководителей, выделил автомашину и сопровождающего, представленного мне как отличного знатока Таллина. Устроившись в небольшой гостинице в старой части города, неподалёку от вокзала, и купив заранее обратный билет, стали ездить и ходить по городу и его окрестностям. Облазили весь чудесный старый город, съездили в парк Кадрiorг, а там к памятнику “Русалки”, в Пириту и Нымме. В один из дней я

походил, сам без сопровождающего, что я люблю больше всего, конечно - после обретения первичной ориентации, и на третий день возвратился в Ленинград. Так был использован мой отпуск 1955 года, не помню лишь как мы возвращались, кажется с остановками в Москве и Тбилиси. Удивительно, что шестилетняя девочка ходила всюду наравне с нами и ни разу не пожаловалась на усталость.

Наступил 1956 год. Ранее я уже изложил свои служебные дела в этот год, вплоть до ухода из Мингосконтроля в сентябре 1957 года и назначении на должность директора НИГМИ. Но прежде, чем рассказать о том, как стали складываться дела в этом институте, и внеся поправку в одно из семейных событий, а именно то, что описанная выше поездка на дачу в Кировакан со всей тбилисской родней, состоялась не в 1954, а летом 1956 года, должен упомянуть важнейшие события в жизни страны, получившие кульминацию именно в этом 1956 году.

В названном году состоялся XX съезд КПСС, потрясший очень много людей. После исчерпания официальной повестки съезда Хрущёв, как впоследствии выяснилось, не согласовав ни с членами Политбюро, ни с президиумом съезда, неожиданно выступил с пространном сообщением, развенчивающим культ Сталина. Ладно, если бы выступил он объективно и обоснованно, устроил же он истерическое шельмование Сталина, с абсолютной потерей чувства меры, вплоть до полного отрицания хоть каких-нибудь позитивных моментов в годы правления Сталина. По Хрущеву, с 1924 по 1953 год ну решительно ничего стоящего в нашей стране не свершилось! Так, исключив из истории Сталина, начисто исключил Хрущёв и всю почти тридцатилетнюю историю страны. Всё, что было при Сталине было плохо, очень плохо, прямо-таки отвратительно. Даже войной Сталин не руководил, а лишь “водил указкой по глобусу”. А на одном из последующих пленумов он сделал такое сенсационное сообщение: “Как ни хотел он (т.е. Сталин) проиграть войну (ни

больше, ни меньше), но мы помешали ему, взяли руководство войной в свои руки и победили” и т.п. благоглупости.

Ну со Сталиным разделались, вытравили отовсюду его имя и порушили памятники. Но ведь оставалась большая группа высоких руководителей, тесно сотрудничавших со Сталиным. Вот они, кстати, с большим опозданием, сделали попытку расправиться с Хрущёвым, да как наивно и непродуманно в деталях, что обернулась эта попытка полнейшим фиаско. Уже было поздно и Хрущёв успел достаточно прочно закрепиться.

Дело было так. Из членов Президиума сразу же переметнулся к нему Суслов и пока “лояльно колебался” Микоян. Эти двое раньше всех поняли, откуда ветер дует. Кроме того, Хрущёв подсобрал под себя новых секретарей ЦК – Кириченко, Козлова, Аристова, Фурцеву, Мухитдинова и ещё каких-то настолько невзрачных деятелей, что уже позабылись их имена. И вот, на очередном заседании президиума ЦК, по предварительному сговору между старыми членами политбюро, на место председательствующего, обычно занимаемое Хрущёвым, засел Маленков. Шумный протест Хрущёва не возымел действия, и начались выступления против него. Это были Молотов, Каганович, Маленков, Ворошилов, Булганин, Сабуров, Первухин. Завязался ожесточённый спор, который не затихал два дня. Вот тогда, за спиной своих оппонентов, Хрущёв организовал хитрейший маневр.

Используя подсобренных им “молодых” секретарей ЦК, Хрущёв совершил такой коварный ход. За спиной членов Президиума были стянуты в Москву человек двадцать членов ЦК КПСС (в их число попал и Товмасян, почему то в это время оказавшийся в Ленинграде). Собрали их и подговорили пойти к месту заседания президиума и действовать по следующему сценарию. Придя туда послали они в комнату заседаний Президиума записку, гласящую: вот уже два дня что то происходит в Президиуме – мы, как члены ЦК,

встревожены и просим сообщить о происходящем. Ответ был получен не сразу. Требование членов ЦК было повторено и, наконец, к ним был делегирован Ворошилов, который, по-видимому не очень внятно, промямлил о каких-то разногласиях (находчивостью и речистостью он, как известно, не обладал, да и, что тут скажешь). Тогда “члены ЦК” потребовали перенести эти “разногласия” на созванный в чрезвычайном порядке пленум ЦК КПСС. Вот тут то оппоненты Хрущёва, очевидно, будучи уверенными в своей превосходящей последнего популярности, попались на закинутый крючок, дав согласие на созыв пленума.

Пленум собрался. Открывая его, Сулов заявил, что, прежде, чем приступить к обсуждению происходящих событий просит слова маршал Жуков. Нашли же человека, против которого едва ли кто-нибудь мог возразить. Но “слово” Жукова оказалось довольно пространым. В длинной речи он буквально распотрошил всех, кто выступил против Хрущёва, в результате чего пленум был прочно сориентирован. Сила была, несомненно, на стороне Жукова (кстати, говорили, что, участвуя в происходящих накануне перепалках, Жуков заявил, стукнув кулаком по столу – сила на моей стороне, армия пойдёт по первой же моей команде. Ничего, кроме возмущённых криков, за этим не последовало. Активнее всех прореагировал Сабуров, который вскочил и заорал : “А-а-а, танками угрожают, да как вы смеее” и т.д.).

Словом, выступления оппонентов Хрущёва, а высказались из этой группы лишь Молотов, Каганович, Маленков и Шепилов, ничего не могли изменить, тем болсе, что Хрущёв при всей этой истории сумел столкнуть их лбами. Например: обращаясь к Молотову: “А ты знаешь, позвонил мне как то Маленков и сказал, когда мы эту старую жвачку уберём” (то-бишь Молотова). Так же поддразнил он Кагановича, после чего последний орал: “Это я во всём виноват, это я вытащил в МГК из самых низов Маленкова, а то до сих пор о нём

никто и не слышал бы”. В общем, сцепились они между собой накрепко, а когда протрезвели, было уже поздно. Так и родилась сформулированная на пленуме “антипартийная труппа”, во главе с Молотовым, Кагановичем, Маленковым “и примкнувшим к ним Шепиловым”, последнее, очевидно, надо было понимать как невозможность так просто поставить Шепилова в один ряд с теми титанами. В течение многих лет, до самого падения Хрущёва, Шепилов никогда и нигде, ни устно, ни письменно, не назывался просто по своей фамилии, а лишь “и примкнувшим к ним”. Остряки уместно стали ставить вопрос – какая самая длинная фамилия во всей истории и отвечали – “И примкнувший к ним шепилов”.

В отношении этих четверых пленум принял решение об исключении их из состава ЦК КПСС, а - немного позднее - и из членов КПСС, в каком положении они пребывают и поныне (март 1983), несмотря на неоднократные обращения на имя съездов. Кажется, лишь Шепилов восстановлен недавно, но за точность слухов не ручаюсь. Пока же все они, кроме Молотова, были высланы из Москвы – Маленков в Усть-Каменогорск, оттуда снят и переведен в Экибастуз, Каганович - в Асбест и тоже снят, Шепилов - во Фрунзе. Теперь все они в Москве в качестве неизвестно как называемых пенсионеров. Булганин, Ворошилов, Первухин, Сабуров, в партии уцелели, но видных должностей больше не занимали (Булганин какое-то время, как ни цеплялся – по словам самого же Хрущёва, всё-таки был выдворен в Ставрополь председателем Совнархоза). Лишь Микоян в очередной раз спекульнул и активно присоединился к шельмованию покойного Сталина, а в одно время даже удостоился поста Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Приехав однажды в Ереван на очередную встречу с избирателями в своём выступлении заявил: “Над Арменией пронеслась благодатная очистительная буря” – имея в виду отстранение Арутинова с которым всегда чуть ли не лобызался, даже высватал дочь последнего за

своего сына Алексея. Ну а Суслов, конечно, стал самым приближённым к Хрущёву лицом, через несколько лет без зазрения совести продав Хрущёва, когда фортуна повернулась к последнему задним фасадом, и вновь оказался вторым лицом в партии.

А вот то, что случилось с Жуковым, показало, как он промазал, дав превратить себя в пустую игрушку сомнительной чистоты манипуляций. За свои услуги (можно утверждать – решающие) в деле изобличения “антипартийной группы” был он введён на том же пленуме в состав Президиума ЦК КПСС, занимая должность министра обороны, удостоившись всяческого восхваления. А спустя всего лишь полтора-два месяца, когда находился он в командировке в Югославии, Хрущёв, в его отсутствие, устроил грандиозное его шельмование, публично заявив, что он (т.е. Жуков) зазнался, мечтал въехать в Москву “на белом коне” в роли единственного победителя в войне (в это время все средства массовой информации неустанно трубили, что войну выиграл Хрущёв и только Хрущёв, с экрана телевизора он не сходил, и даже вышел телефильм под претенциозным названием “Наш дорогой Никита Сергеевич” и так в небывалом, всё перещеголявшем, масштабе, что, для отвода возможного возникновения мнений о новом культе, сам же выдвинул, формулу “об авторитетности руководителя”, якобы не имеющей ничего общего с культом). Хрущёв рассказывал с трибун, что Жуков даже заказал свой портрет верхом на белом коне. Из известных военачальников, к сожалению, поддался на эти инсинуации лишь маршал Конев, поместивший в “Правде” пространную статью, повторяющую подобные зады о Жукове. Словом, ещё не возвратившись домой, Жуков был снят с занимаемой должности и исключён из состава Президиума. ЦК “Мавр сделал своё дело, мавр может уйти”. Было стыдно за Жукова, столь прославленного человека, истинного героя, так легко продавшегося “за понюшку табаку” и горько поплачившегося за свою бездумность.

Вскоре после съезда было принято постановление ЦК КПСС “О преодолении последствий культа личности”, тело Сталина выкинут из Мавзолея (да и вообще, зачем нужно было поместить его туда?!), и похоронен на Красной площади (уже после Хрущёва на могиле был сооружён бюст), все же многочисленные, большие и маленькие, памятники были снесены, а имя его начисто и отовсюду вычеркнуто, включая и прославленный Сталинград и теперь мы говорим – “Сталинградская битва у стен Волгограда”.

Теперь Хрущёву больше никто не мешал, и развернулся он во всю мощь, решительно ни с кем и ни с чем не считаясь. Впоследствии его “деятельность” была названа “волюнтаризмом”, пока же всё беспрекословно поддерживалось, называясь “мудрейшими” и т.п. Наступила эра всяческих, прямо-таки, фантастических реорганизаций, причём их “принцип” был на-редкость беспринципным, делать не по разуму, а лишь бы наперекор всему тому, что существовало и действовало при Сталине (впрочем, кажется я стал повторяться, но вновь пришлось к месту). Не стану обо всём рассказывать сразу, длилось такое положение до октября 1964 года, поэтому всему своё время.

Что же касается личности Сталина, то дело было вовсе не в нём самом (Бог с ним, с его личностью), а в том, что стал он символом почти тридцатилетней нашей истории. Постоянно слыша, повторяя это имя, соразмеряя с ним всё происходящее в стране и в мире, мы евязывали его с историей страны, да какого важного, даже важнейшего периода этой истории! А для меня этот период совпал с самым расцветом моей жизни и деятельности. Поэтому твёрдо скажу – никогда я не воспринимал это имя само по себе, в отрыве от нашей истории, и утверждаю, что Сталин представлял собой настолько крупную и сложную историческую фигуру, что характеризовать его однозначно (либо только хорошо, либо только плохо), значит, допустить грубую ошибку. Здесь, как никогда, вынесет свой приговор История, которая скрупулёзно проанализирует и точнейшим обра-

зом разложит всё на чаши весов. Но для этого нужна смена поколений, быть может, не одного.

Бесспорно одно: каким бы он не был, но не часто в истории появляются столь гигантские фигуры, гигантские не только с позиций и концепций советского строя и социализма, но даже в глазах и на устах величавших наших недругов. Поэтому, хочется процитировать в свои записки аж мнение такого крупного политического деятеля как Унистон Черчилль, высказанное в его речи по случаю 80-летия Сталина в палате лордов 23 декабря 1959 года:

“Большим счастьем для России было то, что в годы тяжёлых испытаний Россию возглавил гениальный и непоколебимый полководец Сталин.

Он был выдающейся личностью соответствующей жестокому времени, - того, в котором протекала его жизнь. Он был человеком непоколебимой силы, эрудиции и энергии. Незыблемая воля, резкий, жестокий и беспощадный как в деле, так и в беседе, которому даже я не мог противостоять.

Сталин, прежде всего, обладал большим чувством юмора и сарказма, а также способностью точно выражать чувства и собственные мысли. Эта сила настолько велика в Сталине, что он казался неповторимым среди руководителей государств всех времён и народов.

Сталин производил на нас величайшее впечатление. Когда он входил в зал Ялтинской конференции, мы, словно по команде, встали, и, странное дело, почемуто руки держали по швам. Он обладал глубокой, лишённой всякой паники, логической и осмысленной мудростью. Он был непревзойдённым мастером находить в трудные минуты пути выхода из безвыходного положения.

В самые трагические моменты, а также в моменты торжества, он был сдержан и никогда не поддавался иллюзиям, он был необычайно сложной личностью.

Сталин создал себе огромную империю. Это был человек, который своего врага уничтожал руками своих врагов, заставил даже нас, которых открыто называл империалистами, воевать против империалистов.

Сталин был выдающимся и не имеющим себе равных в мире диктаторов. Он принял Россию с сохой, а оставил её оснащённой водородным ракетным оружием.

Нет, что бы не говорили о нём, таких история, таких народ не забывает. Он будет вечно жить в сердцах людей, населяющих мир”.

Что ж, не всё сказанное Черчиллем можно принять за комплименты, тем более, подобное свидетельство ценно и вряд ли можно им пренебрегать. Парадокс: объективный Черчилль и субъективный Хрущёв! По отношению к своей стране, своему народу, своей истории!

Последствия яростной антисталинской истерии, развёрнутой Хрущёвым, не замедлили сказаться как в международном, так и внутрисоюзном плане. Прежде всего, она вызвала чуть ли не раскол во многих компартиях, так сильно было разочарование нашей партией. Многие в этих партиях стали рассуждать примерно следующим образом: стало быть, всё что было до сего времени, всё, чему мы были так преданы и чему безоглядно верили, оказалось наглым и циничным блефом? И компартии растеряли многих своих членов, не говоря о сочувствующих. Некоторые партии сократились вдвое, втрое, и даже вчетверо, как, например, французская. Хрущёв делал хорошую мину и публично заявлял, что это вполне положительное явление, которому нужно лишь радоваться. Однажды он изрек: На крутых поворотах истории балласт выбрасывается из телеги (или какого - то другого средства передвижения, не помню, какой он называл). Что же это за “крутой поворот истории”? По-видимому Хрущёв, ничтоже сумняшея, имел в виду то, что на смену Сталину пришел некий еще более “наш дорогой” (как был назван телефильм о

нем). Да он и не скрывал, что считает себя новоявленной мессией, сказав однажды, дескать – Сталин поговаривал – что вы будете делать без меня, а вот мы работаем, да еще как, уж не в пору Сталину.

Но это еще не всё. Был горько, что часть советской молодежи тоже стала скептически поглядывать: эх вы, что говорили, а что оказывается, было в действительности. Люди, никогда не являвшиеся приверженцами Советской власти, превратили Хрущёва в своего кумира, а те, кто без оглядки отдавал свое здоровье и самую жизнь идеалам советского строя, не помышлял выбрасывать с такой легкостью эти идеалы в помойку истории, как это сделал Хрущёв, оказались в положении обороняющихся. Об этом можно многое сказать доселе испытывая едкую горечь. Достаточно сослаться на первое совещание коммунистических и рабочих партий мира, созванное Хрущевым всё в том же 1956 году, чтобы и здесь занять место Сталина. Тогда еще не произошло раскола в мировом коммунистическом движении, ряд компартий пока пытался сохранить единство движения, но из-за амбициозного поведения Хрущева роковая трещина намстилась уже тогда.

ПЕРВАЯ ЗАРУБЕЖНАЯ ПОЕЗДКА

Вновь перехожу к своему личному житью-бытью. Не всё пока рассказано о том, что коснулось меня лично в 1956 году. А случилось приятное событие, именно то, что я подключился к одной из первых скомплектованных в том году в Армении туристских групп, выезжающих за рубеж, в данном случае, в Чехословакию. Из госконтроля, кроме меня, в состав группы вошли еще двое – Беки Чахмахчян и Владик Варданыан, а всего 33 человека. Тур был рассчитан на две недели и пришелся на самый разгар весны – стык апреля и мая. При этом, меня назначили руководителем группы, очевидно, потому, что из всего состава группы я занимал самую высокую должность.

Выехали мы поездом, ехали до Харькова, где пересели на киевский поезд, прибыв утром 27 апреля в столицу Украины.

Здесь нас встретил приехавший из Москвы представитель Интуриста А. Григорян, сопровождавший группу во всё время поездки по Чехословакии. В Киеве пробыли почти сутки. Днём ходили по городу. В дополнение к тому, что я видел в бытность здесь в 1954 году, осмотрел памятник генералу Ватутину и Софийский собор изнутри (в 1951 году он был закрыт). Вечером пошли в Русский драматический театр им. Лёси Украинки. Ночевали в привокзальной гостинице.

28 апреля поднялись в 5 часов утра и через час уже ехали в проходящем через Киев поезде Москва-Чоп. Ровно через сутки прибыли на пограничную советскую станцию Чоп. Здесь прошли все пограничные процедуры и выехали в специальном вагоне к границе, которую пересекли в 7:45 по московскому времени. На первой чехословацкой станции Черна за нас принялись уже чехословацкие пограничники и таможенники. Затем мы пересели в стоящий тут же чехословацкий поезд (прямых поездов и вагонов тогда еще не было). На

станции Черна нас встретил представитель “Чедока” Аптонин Лиман, который затем сопровождал нас во всей поездке по Чехословакии.

И вот мы едем по Чехословакии, первой для меня зарубежной стране. Вначале местность представляет собой равнину. Это широкая долина Тиссы, ее правобережье. Вскоре появляются холмы, которые постепенно повышаются и становятся довольно высокими в районе города Кошице (центр Словакии). За Кошице опять равнина, но в районе Попрада справа появляются высокие снежные вершины. Это Высокие Татры – короткий хребет, но в нем самые значительные вершины Чехословакии. За Попрадом поезд втягивается в узкое горное ущелье, в котором клокочет горная река. Это Ваг. Вдоль реки поезд идет очень долго, на протяжении нескольких часов. Проезжаем расположенные в ущелье и окруженные лесами, преимущественно хвойными, живописные словацкие города и городки – Ружомберок, Врутки, Жилина, Пухов и, наконец Всетин, где и сходим с поезда.

Из Всетина автобусом выехали в Готвальдов. Едем по весьма живописной местности. Это Валахия, часть Моравии. Ландшафт горнолесистый, тоже, преимущественно, хвойные породы. По пути большие села – Валашская Полянка, Визовице. В 5 часов дня приехали в Готвалдов (бывший Злин) и разместились в многоэтажной гостинице “Москва”. Готвальдов знаменит своими огромными обувными предприятиями, принадлежавший чуть ли не крупнейшим в мире производителям обуви – семейству Батя. Сейчас это фирма “Цебо”.

Город Готвальдов основан в 1030 году моравским князем Братиславом. В сущности, это был небольшой городок, пока в нем не появились обувные предприятия. Старый Томаш Батя, основатель фирмы, в 1894 году имел в Злине небольшую сапожную мастерскую, а в 1906 году были построены корпуса завода.

Естественно, что уже в день прибытия в Готвальдов мы отправились на этот прославленный завод. Знакомство начали с огромного, 15-этажного здания заводоуправления. С плоской крыши-террасы стиралась панорама всего предприятия, его многочисленных корпусов, и широкий вид на город и окружающие его лесистые холмы. Так закончился первый день нашего пребывания в Чехословакии.

30 апреля с утра приступили к осмотру города. Готвальдов имеет всего 50-60 тысяч населения, но занимает довольно большую территорию, с множеством крупных зданий и многочисленными двухэтажными коттеджами. В городе немало хороших магазинов, в том числе 9-этажный универмаг (обходный дум), 11-этажная гостиница и много другого. Улицы весьма опрятны, функционирует троллейбус. После общего знакомства с городом поехали в Детский дом, расположенный на окраине, почти в лесу, в одном из бывших особняков Бати. Затем отправились в городскую больницу, состоящую из многочисленных специализированных корпусов, расположенных в огромном, тщательно ухоженном парке.

После обеда и пешей прогулки по городу мы поехали на вокзал и выехали в Прагу. Поезд шел через довольно значительные города – Оломоуц, Пардубице, Колин. В 11 часов вечера приехали в Прагу и разместились в гостинице “Европа”, расположенную на центральной площади города – Вацлавской. Порадовались сообщению о том, что кто-то позаботился подослать нам пригласительные билеты на гостевые трибуны первомайской демонстрации в Праге.

Первый день пребывания в Праге совпал с праздничной первомайской обстановкой. К 9 часам утра отправились на демонстрацию, которая должна была состояться тут же, на Вацлавской площади. Нас разместили на временных деревянных трибунах, где были расставлены раскладные стулья. Демонстрация началась с выступления первого секретаря ЦК КПЧ Новотного. Рядом с ним мы видим Запотоцкого, будущего президента страны. Началось про-

хождение демонстрантов, которые проходят мимо гостевых трибун, лицом к правительственной, подойдя к которой заворачивают в две противоположные стороны.

Во второй половине дня, разбившись на небольшие группы, пошли бродить по Праге, благо, в этом городе есть, что посмотреть и где проходить. Со мной – Альберт Григорян из “Интуриста”, Владик Вартанян и Беки Чахмахчян. Пошли наугад, в Праге любой маршрут интересен. Спустились до конца Вацлавской площади, продолговатой по форме, и завернув направо пошли по улице “На Пршикопе” (т.е. – “На рву”, что говорит об ее истории). На этой улице – огромный детский универмаг, здание КПЧ, банки и прочие важные по назначению здания. С этой улицы выходим к помпезному Народному дому, расположенному рядом со старинной Пороховой башней (“Прашна брана”), входившей в систему старинных пражских укреплений (поотроена в XV веке). Дальше по улице Революции выходим к Швермову мосту и впервые видим Влтаву. Зеркало реки довольно велико, благодаря системе водосливных плотин. Поэтому сравнительно небольшая река кажется весьма немалой. В черте города по обеим сторонам Влтавы сооружены обильно озелененные набережные.

Перейдя через Швермов мост, мы увидели вход в туннель для автомобилей, который проложен под Летненским холмом и выходит на улицу “Обранцу миру”, неподалеку от стадиона “Спартак-Соколово”. Очень любопытна система освещения в туннеле. У въезда четыре ряда дневных ламп, по мере углубления число рядов сокращается – три, два и, наконец, один. С другого конца то же самое. Это сделано для того, чтобы при въезде и выезде зрение постепенно привыкало к переходу от яркого света к сумрачному и наоборот, да и для экономии электроэнергии, может быть, это прежде всего.

Возле туннеля начинается один из многочисленных дорожек-пантусов, ведущих на Летненский холм (их в Праге пять – Летна, Градчаны, Петршин, Вышеград и Жижков или Витков). Вскоре мы

на вершине холма, где расположен “Парк на Летне”, и тут же Музей техники. С холма открывается широчайший вид на Прагу, на Влтаву сооруженные на ней мосты. Прагу называют “стобашенной”, но, в действительности, их больше, говорят, чуть ли не триста.

В центре Летненского парка, на высоком холме, по оси Парижской улицы и моста Сватонлука Чеха сооружен памятник Сталину. Это циклопическое сооружение из белого камня, но без особого вкуса и вовсе не гармонирующее с общи историческим обликом Праги. Впрочем, после первого же визита Хрущева в Прагу памятник был снесен. За памятником распростерлось огромное Летненское поле, где происходят военные парады. Трибуны устроены как раз у находящегося здесь же стадиона “Спартак-Соколово”. Пройдя до конца Летненского парка мы спустились к реке и по узеньким улицам старой Праги вышли к Карлову мосту, сразу убедившись в его заслуженной славе.

Построен Карлов мост в XIV веке Карлом IV, украшен многочисленными и довольно крупными скульптурами, преимущественными групповыми, на библейские темы. На мосту уютно как в хорошо обставленной комнате, поэтому на нем можно пробыть сколько угодно. У моста, на правом берегу расположен большой собор Крестоносцев, построенный XVIII веке в стиле барокко и поэтому не особенно ценимый чехами (здесь почитают лишь чистую готику). Прямо напротив моста, на оси сооруженного тут же большого памятника Карлу IV из черного камня, расположен знаменитый Клементинум, обитель иезуитов, один из важнейших оплотов иезуитства в Европе.

Отсюда мы пошли к Красноармейской площади, где расположен “Дом умельцу” – т.е. Дом художников, великолепное здание, в котором происходят наиболее массовые и популярные концерты, в том числе, ежегодная “Пражская весна”. По другую сторону улицы расположено монументальное здание Художественно-промышлен-

ного музея. Пройдя дальше, мы вышли на Парижскую улицу, возле старинной синагоги (надпись на ней гласит, что это самая древняя синагога в средней Европе). Парижская улица вливается в Староместскую площадь – один из наиболее замечательных уголков Праги. Это главная площадь старого города. На ней расположена старая ратуша с очень высокой башней. Здесь находится чуть ли не самая знаменитая достопримечательность Праги, да и всей Чехословакии – уникальный Пражский Орлой – сложнейшие по своей конструкции и необычайные по занимательности часы магистрата Гануша. Ежечасно здесь приходят в движение – Христос, все апостолы и еще несколько других фигур.

На Староместской площади выстроилось множество и других достопримечательностей. В центре площади сооружен внушительный памятник Яну Гусу с бассейном перед ним. Неподалеку от площади, на Железной улице, находится Карлов университет, основанный в 1348 году всё тем же Карлом IV. Вокруг площади расположены – большой готический Тынский храм св.Марии, сооруженный в XIV-XV веках и, рядом с ним старая “Тынская школа”, как утверждают – первая средняя, и к тому же светская, школа в Европе. Здесь же музыкальная школа имени Сметаны. На противоположной от нее стороне площади, у начала Парижской улицы – сравнительно новый (XVIII век) собор св. Николая (“Микулаш”) в стиле барокко. Наконец, на Староместской площади расположен дворец Кинских, с балкона которого состоялось вступление Клементы Готвальда в феврале 1948 года, решившее судьбу социалистического строя в Чехословакии.

От Староместской площади пошли по улице Целетна (“Булочная”). Старинная, узкая и живописная улица, облюбованная булочниками. Улицу завершает Пороховая башня (Прашная башня), пройдя под аркой которой мы очутились на уже знакомой улице “На Пршикопе” и возвратились на Вацлавскую площадь, к своей гостинице “Европа”.

Утром 2 мая выехали автобусом из Праги на северо-запад и вскоре приехали в Лидице. История Лидице аналогична истории Орадура. В 1943 году чешские партизаны прикончили протектора Богемии Моравии Гейдриха и скрылись. Новому протектору Франку доложили, что партизаны высадились на парашюте в районе Лидице, несколько дней скрывались там, а затем проникли в Прагу, где расправились с Гейдрихом. В отместку Франк приказал расстрелять всех взрослых мужчин деревни (кажется, 173 человека), все женщины были заключены в концлагеря, а дети вывезены в Германию и розданы там по семьям. Деревня была стерта с лица земли, вся территория вспахана и засеяна травой. Ничего больше не должно было напоминать о существовании Лидице. Уроженцы деревни, жившие в других местах, были разысканы и их постигла та же участь. Теперь на месте деревни установлены памятные крест и монолит с надписью, а недалеко заложена новая деревня под тем же названием. В созданном здесь музее собраны небольшие остатки, напоминающие о деревне.

Из Лидице мы поехали в расположенный неподалеку город Кладно, угольно-металлургический центр Чехии, колыбель рабочего движения, застрельщик многих революционных событий в Чехословакии. Рядом со старым средневековым городом, с неизменными шпилями старинных костёлов высятся новые многоэтажные дома. Из Кладно вернулись в Прагу, но уже не через Лидице, а по другой дороге, и въехали в столицу через историческое предместье Билу гору (белая Гора). По возвращении в Прагу пообедали и затем отправились в Музей им. Клементы Готвальда, расположенный в Старом Месте, недалеко от Целетны и рядом со старым Пражским театром, где впервые был поставлен “Дон Жуан” в присутствии самого Моцарта. Тут же старинный дом с мемориальной доской, извещающей о том, что в нем жил Моцарт.

Здание Музея – великолепный дворец, с роскошным мраморным антре. К великому нашему изумлению в этом дворце раньше помещалась сберегательная касса. В Музее представлены экспонаты, повествующие, в основном, историю КПЧ. Здесь же полностью воспроизведен кабинет Готвальда, перенесенный из Градчан.

Вечером отправились в варьете. Это первое зрелищное предприятие, которое мы посетили. Кроме входной платы, положено что-нибудь заказывать. Мы отделились бутылкой вина. Собственно варьете обычный первоклассный ресторан, в центре которого устроена отгороженная невысоким барьерчиком, овальная площадка. С одного ее края - эстрада для оркестра. Программа в двух отделениях, в общем довольно посредственная. В этот вечер главный номер исполняла группа девушек приехавших на гастроли из Польши. Всё у них сводилось к оголению как можно больше, правда, какой-то минимум всё же оставался.

3 мая полностью был посвящен осмотру Праги. Отправились по уже знакомому маршруту – от Вацлавской площади, через “На Пршикопе”. Прашну брану, Целетну, на Староместскую площадь. Здесь поднялись на башню старой Ратуши и полюбовались открывшимся видом. Затем направились к Карлову мосту, осмотрели “Пражскую Венецию” по обе стороны моста. На левом берегу у Карлова моста сооружена Малостранская башня с изображением на ней герба Праги – три башни и ворота, в которых впоследствии поместили закованную в латы руку с мечом, пожалованную Праге австрийским императором в ознаменование помощи чехов австрийскому двору во время 30-летней войны 1618 – 1648 годов. Напротив этой башни расположен старинный ресторан (тогда кабачок) “У трех страусов”, известный тем, что его частым посетителем был Вацлав IV, отпрыск Карла IV. Недалеко от башни расположена Малостранская площадь, на которой два выдающихся архитектурных памятника – собор “Микулаш” (барокко) и св. Фомы (готика).

Отсюда направились круто вверх, за Градчаны, к Страговскому монастырю, группе зданий, среди которых выделяется векокопный дворец (сейчас здесь МИД). Осмотр монастыря начали со знаменитой библиотеки, фонд которой, в основном, создан в период позднего Средневековья. Выстроенное в романском стиле здание имеет 200 помещений, ряд залов занят Литературным музеем. Другая часть Страговского монастыря расположена ниже и называется "Лорето", по названию итальянской деревушки, где в свое время был воспроизведен домик, в котором крестился Иисус. Здесь точная копия "Лорето". Гордостью Лорето являются 27 колоколов, периодически играющие какую-то религиозную мелодию. Но, пожалуй, самое замечательное в Страговском монастыре – размещенная здесь сокровищница чехов. Особенно поражает монстранция (дарославительница), на которой, как утверждают, 6222 бриллианта, самый крупный в 22 карата. Ее цена – 65 миллионов долларов, что по нынешним ценам не кажется слишком большой.

Наконец, наступил черед и Пражского града, расположенного на Градчанской холме, как и Страговский монастырь. Основание этого величественного памятника относят к VI столетию, однако впервые документально упоминается он в IX веке, как резиденция князей Пршемысловичей. По соседству расположен едва ли не самый значительный архитектурный и исторический памятник Чехословакии – готический собор Святого Витта. Это кафедральный собор, где погребены чешские короли. Собор (чисто готический) начал строиться при Карле IV в XIV столетии, на месте ротонды князя Вацлава (X век), по проекту французского архитектора Матвея Аррацского. Собор настолько велик, что етройлея несколько столетий (с длительными перерывами) и был окончательно завершен лишь в 1929 году архитектором Камиллом Гильбертом.

Закончив осмотр Пражского Града мы отправились в Вышеград, являющийся наиболее древним поселением Праги, откуда и

началось развитие города. Крепость и сооруженный внутри него собор с кладбищем при нем (“Славин”) расположены на высоком скалистом утесе, отвесно обрывающемся в Влтаву. Открывающаяся панорама прекрасна. На Вышеградском кладбище погребены многие выдающиеся люди (Дворжак, Божена Немцова и другие).

Этот день закончился посещением кинотеатра на Народной улице. Вечерние сеансы здесь длятся три часа. Вначале долго преподносится разнообразная реклама – от модных курортов до детского питания, затем начинается показ хроники, и, наконец, художественный фильм. В этот вечер демонстрировался аргентинский фильм “Черный рынок”, выдержанный в подлинно голливудском стиле. После кино по притихшим вечерним улицам Праги вернулись “домой” на Вацлавскую площадь.

4 мая с утра поехали в Национальную картинную галерею, расположенную на Градчанах. Большое место занимает церковная живопись чешских мастеров, довольно много работ европейских живописцев конца XIII и, особенно, XIX веков. В одном из залов выставлено неплохое собрание полотен импрессионистов, есть также Курбе, Делакруа, Пикассо, скульптуры Родена и прочее.

Отсюда поехали в музей В.И.Ленина, расположенный на Ибернской улице (на углу Гавличковой). В здании, где помещается музей в 1912 году происходила историческая Пражская конференция, обстановка того времени полностью сохранена. После обеда отправились в Мавзолей Готвальда, расположенный на холме Жижков. В сущности это не просто мавзолей, а общенациональный Пантеон для погребения выдающихся людей страны. Построен он в конце 30-х годов и представляет собой огромное здание, состоящее из двух основных залов. В меньшем из них установлен саркофаг с забальзамированным телом Готвальда. Забегая скажу, что по настоянию Хрущева, вскоре приехавшего в Прагу, тело Готвальда как “ярого сталинца” было сожжено.

Перед Пантеоном сооружен колоссальный памятник Яну Хижке, восседающему на коне. Здесь же, неподалеку, кладбище советских воинов (Ольшанское), где мы возложили венок.

Вечером посетили Пражский Народный театр, построенный на избранные в народе средства (отсюда и название – “Народни дивadlo”). Построен в 80-х годах прошлого века, а на фронте высечена надшь – “Народ соби” (т.е. “себе”). Давали оперу современного словацкого композитора Эугена Сухоня “Крутнява” (водворот). Музыка на народном мелосе, хорошие голоса. Спектакль на деревенские темы, весьма драматичный сюжет.

Утром 5 мая мы выехали на автобусе в Карлштейн, километрах в 40 юго-западнее Праги. Идем вверх по реке, не доезжая города Беруна вправо открывается ущелье, где протекает речка Берунка. На высоком скалистом холме возвышается большой средневековый замок – Карлштейн. Основан он в 1348 году Карлом IV, бывшим в это время уже и императором германским. Еще засветло вернулись в Прагу и я поехали в район холма Петршин. На ее вершине сооружена высокая обзорная башня. Рядом два стадиона – малый “стадион Чехословацкой армии (армады)” и огромный, на 250 тысяч мест – “Спартакиадный”, предназначенный не только для футбола, но и вообще всяких массовых спортивных мероприятий. Прямо под Петршином, рядом с нижней станцией устроенного здесь фуникулера, расположена площадь, носящая название “Советских танкистов”. В центре, на массивном гранитном постаменте установлен советский танк, как утверждают первым ворвавшийся в Прагу.

Вечером, ставшим последним в Праге, решили просто побродить по городу. Сперва пошли в костел ев. Якуба, где проводятся органые концерты, однако в этот день концерта не было и мы удовольствовались слушанием и лицезрением церковной службы. Дальнейший наш путь: Набережная Дворжака, мимо мостов через Влта-

ву, до Народного театра, затем по Народной улице на Вацлавскую площадь.

Утром 6 мая автобусом выехали в Марианске Лазни. Ехали через Берун, Рокичаны, в середине дня приехали в Пльзен, известный военный заводами “Шкода” и знаменитым пивоваренным заводом. В Пльзене побродили по нескольким главным улицам и по большой квадратной площади, являющейся центром города. На ней готический костел, обладающий, как говорят, самым высоким шпилем в Европе. В целом же Пльзен носит отпечаток типично промышленного города, не очень нарядный, сравнительно мало зеленый, много зданий с суровыми, закопченными фасадами.

После Пьязена проехали через старинный городок Стшибро (“Серебро”) и к обеду приехали в Марианске Лазни (бывший Мариенбад), где разместились в фешенебельном отеле “Гранд Чедок Палас”, здесь, впервые за все дни, никаких организованных экскурсий не было запланировано. Просто отдыхали и прогуливались по курорту. Его сердцевина – сравнительно небольшой парк, где бьют минеральные источники, среди них главный – “Крестовый”, рядом роскошная крытая прогулочная галерея (на случай ненастных дней). На многих зданиях курорта памятные мемориальные доски, к примеру – о пребывании здесь: Гоголя (1839 г.), Горького (1923–1924 гг.), Шопена, в честь которого даже сооружен памятник в парке.

7 мая был посвящен поездке в Карловы Вары (Карлсбад). Выехали поутру на автобусе, по направлению к Хебу. Это сердце Судет. Где-то недалеко, слева, прямо за ближайшими холмами находится Бавария. Выезжаем на большой международный тракт Нюрнберг-Хеб-Карлсбад. Немного не доезжая Хеба заворачиваем на северо-восток и едем вдоль границы с Саксонией. Проезжаем через Соколове (так переименован бывший австрийский Фалькенау), один из центров производства знаменитого, богемского фарфора. Вскоре въезжаем в старинный городок Локет (т.е. “Локоть”). На высоком

холме, обрывающемся в речку Охрше, действительно образующую здесь нечто вроде локтя, возвышается замок, сооруженный в XIII веке Яном Люксембургским, родоначальником Люксембургской династии чешских королей. Замок известен тем, что здесь в шестилетнем возрасте находился в заточении будущий король Карл IV. С прошлого века замок (входивший в Австрию) стал местом сбора богатейшей коллекции богемских фарфора и фаянса. Коллекция продолжает пополняться и сейчас стала поистине уникальной.

Из Локста уже совсем близки Карловы Вары. Но прежде чем въехать в этот знаменитый курорт заезжаем на хрустальный завод, где осматриваем богатейшую выставку заводских изделий.

Карловы Вары не просто курорт, а в сущности довольно значительный город. Расположен он в тесном ущелье, имеющем подковообразную форму, по дну которого течет река Тепла ("Теплая"). Над ней и в самом деле клубится пар от выпадающих в нее горячих вод местных минеральных источников. Вдоль реки сооружена нарядная набережная, повсюду расположились сотни санаториев, отелей, пансионатов, вилл и пр., по первой линии наиболее шикарные, за ними попроще и т.д. Вообще большая скученность и зданий и людей. Повсюду снуют огромные толпы отдыхающих и туристов. Великолепны – питьевая галерея(арх. Йозеф Зитек) и курортный театр. Самый фешенебельный отель ныне носит название "Москва" (с титулом "Гранд-отель").

Пообедав в этом отеле отправляемся на Крестовый холм. На его вершине сооружен огромный крест, видимый отовсюду. Здесь же удобные обзорные площадки, откуда открывается широкая панорама на курорт и его окрестности. Почти рядом стоит памятник Петру первому и тут же мемориальная гранитная плита, на которой высечены имена и время посещения Карлсбада членами русской царской фамилии. Их перебывало здесь столько, что понадобилось сооружение специальной русской православной церкви. Вообще же

в Карловых Варах множество мемориалов, извещающих о пребывании здесь знаменитостей, к примеру Бетховена, Гете, Льва Толстого, о последнем напоминает и пансион, называющийся “Лев Толстой”. Побывали мы и в санатории, отведенном для курортников из нашей страны – бывший отель “Империял” и пониже, подчиненный ему “Бристоль”.

Побродив еще немного по курорту двинулись в обратный путь – к Марианским Лазням, но уже по другой дороге, через Бечов над Теплой.

В сумерки приехали в Марианске Лазни и заночевали в отеле “Чедок-Палас”. Пришли к выводу, что Марианске Лазни не только тише, но и вообще симпатичнее Карловых Вар.

Выехав 8 мая из Марианских Лазней мы завершили поездку по Судетам. Длительную остановку сделали лишь в Пльзене. После внешнего осмотра города, его улиц, площадей, лучших зданий, заехали на знаменитый пивоваренный завод. Конечно, нас угостили лучшими образцами как говорят лучшего нива в мире. Скажу, что мы этому поверили.

Около 4 часов дня мы приехали в Прагу и почти сразу же распростились с нею. Поездом выехали в Брно, куда прибыли в тот же день в вечерний час. Разместились в одноименной с городом гостинице и были в состоянии лишь отправиться на отдых.

9 мая осматривали Брно и его живописные окрестности. Брно основан в XIII веке и ныне является вторым по населению и значимости город страны, одновременно центром Моравии. В целом город выглядит современно, исключение составляет собор св. Петра, сооруженный на высоком холме, поэтому два его узких и высоких шпиля видны даже с окрестностей города. Есть в городе и весьма старинная крепость, где, конечно же, имеются обзорные площадки. Исторически крепость известна тем, что в тридцатилетнюю войну у ее стен захлебнулось продвижение протестантских войск (в основ-

ном шведов). Поэтому здесь воздвигнут памятник главнокомандующему католической армией Редюи де Сушу, как ни странно являющемуся протестантом. Бывают такие шутки в истории! Во время гитлеровской оккупации здесь был концентрационный лагерь и сохранились атрибуты застенков.

Еще немного поехали по Брно, побывали на территории традиционной ежегодной международной выставки и в кварталах роскошных особняков, выехали из города и направились в район знаменитого “Моравского Краса” (карста). Ехали вдоль реки Свитава до города Бланско и оттуда по тесному, живописному ущелью речки Пунква. Здесь, у ее истоков, находятся гигантские сталактитовые пещеры “Мацоха” (“Мачеха”, о чем существует как обычно трогательная легенда). Сперва походили по “сухопутным” пещерам, всюду эффектно устроенные электрические световые чудеса. Проходы завершаются на дне глубочайшего провала, где-то далеко наверху голубеет клочочек неба. Затем наступает черед залитых водой пещер. Сюда проникаем на лодках, плывем по подземным рекам и озерам, опять устроенное изобретательно и со вкусом электрическое освещение. Можно подплывать к обнаженным сухим площадкам, высаживаться, любуясь фантастическим зрелищем. Одна из площадок, очевидно не без основания, названа “Дом Масарика”.

На обратном пути в Брно приехали на историческое Аустерлицкое поле, недалеко от деревни Славков у Брна. В центре этого поля, на холме, где располагалось русско-австрийское командование, впоследствии был сооружен циклопический памятник — “Могила мира”. В расположенном рядом музее собраны уцелевшие с тех времен экспонаты.

Вернувшись в Брно и еще немного побродив по городу, выезжаем поездом в Братиславу, куда прибыли вечером того же дня. Разместись в отеле “Девин”, расположенном прямо на берегу Дуная. 10 мая знакомство с Братиславой начинаем с поездки в заводской

район, где оставляем на химическом заводе группу наших инженеров-химиков. Остальные едут к крепости, сооруженной на высоком холме, кстати являющемся крайней оконечностью Карпат, их последней точкой прерванной долиной Дуная. За Дунаем простирается кажущая бескрайней равнина, но это уже Венгрия и Австрия. С крепости хорошо видна вся Братислава, Дунай охватывается взором на большое расстояние. Справа за Дунаем широкая аллея высоких тополей – это Австрия, на горизонте четко виднеется высокий шпиль – это силуэт Альтенбургской церкви в пригороде Вены -- Орт. Теперь едем на другой холм. Здесь, на самой его вершине, большое кладбище советских воинов. На центральный символический постамент кладем цветы. Кладбище заставлено новыми венками, принесенными вчера братиславцами, по случаю Дня освобождения. С кладбища едем во Дворец пионеров, которому отведен богатый дворец в стиле барокко, принадлежавший Габсбургам. Затем едем к старой Ратуше, в общем ансамбле с которой – Примациальный дворец. В его залах оказалась выставка народного прикладного искусства Вьетнама. Надо же было приехать из Еревана в Братиславу, чтобы осмотреть искусство Вьетнама!

Пообедав в гостинице вновь выходим побродить, теперь кто как хочет. Я и несколько человек устремляемся к Дунаю. Садимся на прогулочный пароход и едем по реке. Обрато перебираемся через единственный мост. Теперь идем в старую часть города, проходим по средневековым узеньким улочкам, живописным пешеходным мостикам, перекинутым над двориками. Всоду старинные религиозные памятники – фигуры святых, кресты в художественном обрамлении и пр. После ужина опять выходим и, конечно, на Дунай, вновь на парходике переправляемся на левый берег. Сегодня здесь полумрак, вчерашний праздничный шум иссяк. Но мы долго наслаждаемся приречной прохладой, переезжаем в город и на этом завершаем первый день.

11 мая в 6 часов утра выезжаем из Братиславы на двухсекционном дизель-экспрессе, едем через Трнаву, Нове-Кесто, Тренчин, а за Пуховом выезжаем на уже знакомую магистраль и едем по ней до Поопрада. За окном знакомый словацкий пейзаж – тесные лесистые ущелья, текущие по ним бурные горные реки. Всего за пять часов пересекаем почти всю Словакию с юга на север.

В 11 часов приезжаем в Попрад и покидаем поезд. Отсюда четко виднеются высокие снежные вершины. Это Высокие Татры. Садимся в автобус и едем к горам. Вскоре приезжаем в Татранскую Ломницу. Это лучший горно-климатический курорт во всей цепи курортов, легший вдоль подножья хребта. И привозят нас в лучший отель этого лучшего курорта, а именно в отель “Прага”. Остаток дня свободно гуляем, никаких экскурсий. Живописнейшая местность – внизу огромный парк, выше, на склонах гор густые леса, и надо всем этим возвышаются сахарные головы вершин. Особенно выделяются две вершины, вообще самые высокие в Татрах, стало быть всей Чехословакии, да со стогины Польши тоже. Это “Ломницкий штит” (щит), высотой 2634 метра, и левее – “Оталинов штит” – 2663 метра.

Запланированная на 12 мая единственная экскурсия сорвалась, Предстояло поехать пассажирской канатной дорогой на самую вершину Ломницкого штита, с остановкой по пути у высокогорного озера “Скалатно плесо” (озеро). Однако поездка не состоялась из-за дувшего в этот день в горах сильного ветра. В качестве компенсации решили идти вверх по пешеходной тропинке. Терпения (да и сил) хватило до первой станции канатной дороги – “Старт”. Хотя она и была на порядочной высоте, но вершина почти не приблизилась.

Остаток дня прошел в прогулках по парку и курортному поселку. Вечером отправились в кинотеатр, где смотрели американский кино-фильм со всякими ужасами. Вернувшись в отель устроили прощальный ужин, а в полночь выехали на железнодорожную станцию Попрад, где и сели в проходящий к советской границе ночной поезд.

Засветло прибыли в Черну, еде уже стоял советский вагон, привезший очередную группу советских туристов.

13 мая в 2 часа дня трогаемся из Чопа скорым московским поездом. Одни из нашей группы едут в Москву, другие в Киев, а мы с Беки до Львова, куда прибываем вечером того же дня. 14 и 15 мая ходим по Львову. Я свободно ориентируюсь в городе, хорошо изучил его в первый приезд в 1954 году. В течение двух дней ходим по уютным улицам Львова, поднимаемся на Высокий замок, откуда открывается широкая панорама города и местности, осматриваем армянскую церковь и костел Санта-Эльжбет, затем отправляемся в Стрыйскжй парк, который я ранее не видел. Он не обманул ожиданий, действительно великолепен и необычайно живописен. Во Львове побыли еще денечек и 15 мая прямым поездом выехали из Львова в Харьков. Здесь пересели на поезд идущий в направлении Ростова, где я сошел. Вместе с домочадцами, ждавшими меня в Ростове, двинулинь домой в Ереван, куда прибыли 21 мая.

В БОРЖОМИ С ИРУЛЬКОЙ

Лето 1956 года, как я уже писал, провели на даче в Кировакане, а, возвратившись в Ереван, определили Иру сразу в две школы – в общеобразовательную N 55 имени Чехова и в музыкальную имени Спендиарова. Девчужке в июле этого года исполнилось семь лет, наступила пора приниматься за учебу. Школа им.Чехова, одна из лучших в городе среди русских школ, была выбрана не случайно. От нашего дома до школы можно было идти по одному тротуару, без единого перехода. А в музыкальную школу нужно было ехать трамваем, поэтому всегда кто-нибудь возил ее туда и обратно. К сожалению, обладая слухом и хорошей рукой, Ира не проявила должного прилежания в обучении музыке и проучилась лишь три или четыре года.

Моя работа в 1956 и до сентября 1957 года в госконтроле пока продолжалась, как я ранее уже писал – теперь в качестве первого заместителя министра. Ничего запоминающегося в зиму 1956-1957 годов не произошло, шла обычная рутина. Летом 1957 года собрался я в очередной отпуск. Чтобы захватить с собой Иру, решили мы провести его в гостиничных условиях и избрали с этой целью Боржоми, где в сущности я не бывал, а еще в студенческие годы проехал с мамой мимо этого курорта прямо вверх – в Тба, к кировабадским родственникам Вартановым, снимавшим там дачу. Конечно, по пути в Боржоми сделали остановку в Тбилиси, намереваясь ехать дальше на электричке. В предотъездной вечер пригласил к себе на дачу в Цхнетах мой хороший друг Мамия Мегрелшвили. Когда я завел речь о намерении побыть пару-тройку недель в Боржоми, Мамия сказал, что позаботится о броне в гостинице, а насчет электрички даже возмутился – как - так на электричке, что, в Тбилиси автомашин нет? И на следующее утро к подъезду моего родительского дома подъехала машина из гаража ЦК КП Грузии.

Выехали. Проехали Гори, Хашури, и к обеду приехали в Боржоми. В гостинице получили отличный номер, оказалось, по специальному распоряжению райкома партии, Мамия, всё-таки, помог. В вестибюле сутками в ожидании номера сидели десятки человек, в основном, из числа тбилисского бомонда. Боржоми - один из наиболее фешенебельных курортов Грузии, да еще и поблизости к Тбилиси.

Погода стояла довольно жаркая. День проводили на берегу речки, выше курорта, вечера в парке, в основном в пределах курорта. Лишь один раз проехали на “кукушке” до Бакуриани и обратно. В эти дни в Москве с несказанной роскошью проходил грандиозный фестиваль (весьма шумевший) демократической молодежи, за которым мы вниательно следили по газетам. Пробыли в Боржоми примерно 20 дней и выехали уже электричкой, в Тбилиси, а через пару дней - в Ереван.

ОТКУДА НИ ВОЗЬМИСЬ – НИГМИ

Осенью, а точнее в сентябре 1957 года, после шумной размолки с Мелконяном, я и принял институт, который сам же окрестил – НИГМИ (название сразу же привилось). Впрочем, “принял” – сказано слишком громко, никакого института не было и в помине, лишь две бумажки: в одной – создать институт (и больше ничего, просто – с добавлением “при Совнархозе”), в другой – назначить директором такого-то (т.е. меня). Вот с этими бумажками в руках я и вышел на ереванские улицы, не представляя себе – куда же направиться. Всё надо было начинать с кругленького нуля.

Первым пристанищем стал полуподвал (по глубине, скорее, даже подвал) в здании, само по себе старом и ветхом, где в те времена размещался Институт геологии, на углу улиц Абовяна и Гнуни. В этом подвале Институт геологии в своё время организовал нечто вроде лаборатории обогащения, весьма тесной и совершенно примитивно оборудованной, от которой институт не чаял, как отделаться. Рядом с лабораторией находилось небольшое служебное помещение, в крохотном разрезе на самом верхнем краю окон которого была видна лишь обувь проходящих мимо по тротуару. Вот эта, так называемая, лаборатория, с восторгом переданная Институтом геологии НИГМИ, и стала основой последнего. Работала при ней небольшая группа специалистов, также перешедшая в НИГМИ. В сущности, специалистом там был лишь один – Владимир Луценко, обогатитель, кандидат технических наук, которого я тут же назначил заведующим сектором обогащения. Был ещё один кандидат технических наук по горному делу – Рузанна Сусоева, несмотря на неведомо, как полученную степень, мало что смыслившая в горном деле, возившаяся в это время с идеей автоматизированного обеспыливания дробильных отделений обогатительных фабрик. Скрепя сердце, учитывая наличие учёной степени, пришлось назначить её заведующей сектором горного дела. При ней были горные инженеры –

Симонян, Жамкочян и Раганян, а при Луценко – инженер Акмаева. Вот и всё, что мне подвалило.

Фактически надо было: создать структуру и штаты института, получить его категорию, организовать хоть какую-то, на первых порах, материальную базу, и главное – укомплектоваться. Неогложными кадрами, совершенно необходимыми для начала организационных работ, являлись – заместитель директора по хозяйственной части, учёный секретарь и, конечно, перво-наперво, бухгалтер, без которого просто немыслимо существование любого, даже самого малого, организма.

К большой моей радости удалось уговорить занять должность учёного секретаря одного из моих самых закадычных (ещё о первых классах средней школы) друзей – Оника Артемьевича Мартиросяна, человека высокообразованного, столь же высококультурного и необычайно, до высшей степени организованного, аккуратиста во всём. Он и создал научную структуру и первичную программу работ института. Заместителем по хозяйственной части я взял некоего Гедеона Микаеляна, достоинства которого ограничивались лишь тем, что был он Героем Советского Союза. Вот это-то и соблазнило меня, так как в период становления института, когда было необходимо добывать и доставлять всевозможное оборудование, да и вообще выполнять немало хозяйственных дел, золотая звёздочка, по моим расчётам, должна была выполнить определённую позитивную роль. В общем же это была малоинтеллектуальная личность, и, к сожалению, формальное название его должности (заместитель!) вскружила ему голову, и стал он в моё отсутствие командовать институтом, не имея никакого представления о профессиональных делах, которыми последний пытался заниматься. Бухгалтер – Гарегин Керопян, неплохо владел своим искусством и оказался человеком достаточно покладистым (покладистый бухгалтер? Не то феномен, не то парадокс), но, к сожалению, не был в состоянии произнести хоть одну

фразу на русском языке и, тем более, написать, поэтому я состоял притом переводчиком с русского на армянский и обратно. Наконец, пригласил я, на условиях совместительства, на должность заведующего сектором металлургии (для занятий гидрометаллургией) профессора Университета, доктора химических наук Мамикона Вартановича Дарбиняна. Итак, в штате оказались – один доктор и три кандидата наук, а по численности персонала дали мне лишь пятьдесят единиц, что было ничтожно мало для получения высокой категории, тогда как именно от категории зависели размеры зарплаты.

Пока же, при помощи председателя Совнархоза Мовсесяна приобрёл я дополнительное помещение в несколько комнат, на нормальном первом этаже, т.е. вполне светлых, в здании на углу улиц Шаумяна и Красноармейской, прямо напротив Ергорсовета. Здесь я занял под кабинет самую светлую, даже солнечную, угловую комнату, где и разместились мы с Оником. Но всё это было паллиативом, поэтому я продолжал поиски нормального помещения, где можно было бы разместить лаборатории и прочие производственные помещения.

Забегая вперёд скажу, что совершил я коварную акцию против горного техникума, убедив республиканские власти перевести его в Кафан, после чего НИГМИ разместился во вполне приличном здании на повороте с улицы Кирова к проспекту Ленина. Однако, это здание в сущности досталось моему восприемнику Бабкену Вардапетяну.

Пока же моим следующим шагом явилось получение категории, для чего я выехал в Москву. Перед выездом Председатель Совмина Кочинян навязал мне хлопоты по получению категории также для Института неорганической химии, так что забот мне прибавилось. Приехав в Москву, я перво-наперво направился в ЦК КПСС, где старый мой коллега по отделу науки Лукьян Илларионович Мазур,

всё ещё работавший там, как раз и занимался научно-исследовательскими учреждениями. Для получения категории необходимы были визы – Комитета по труду, Госплана и Академии наук. Самым трудным было пробить первое из этих учреждений. Мазур именно это и сделал, поэтому в Комитете я очень быстро получил визу заместителя председателя, к немалому удивлению работников аппарата (говоривших мне – “и не надейтесь, несравненно большие по сравнению с вашим институты не получают вторую категорию”), не понимающих – как я получил её для своего карликового института, фактически не имеющего научных кадров, всего - то три кандидата наук, да один доктор на полуставки. Визы Госплана и Академии наук уже большой трудности не представили, и возвратился я в Ереван со второй общесоюзной категорией, за одно привезя то же самое для института неорганики.

С оборудованием тоже стали понемногу обрастать, приобрели даже кое-какие бытовые и украшательские предметы, например, – великолепные напольные часы для кабинета и редкий в те времена холодильник.

Теперь нужно было всерьёз заняться комплектованием кадров. Попытки завербовать кого-нибудь в Москве и Тбилиси не увенчались успехом, хотя и было гарантировано получение квартир в Ереване. Удалось привлечь лишь опытного специалиста-обогапителя из Свердловска Азу Саградян, которая и была назначена заместителем директора по научной работе. Немного разобравшись с делами я выехал с группой работников в Кафан и Каджаран. Поскольку ещё в составе Института геологии лаборатория была объявлена хозрасчётной, то с Каджаранским комбинатом и Кафанским рудоуправлением в своё время были заключены договора о некоторых работах. Они перешли мне по наследству и нужно было на месте разобраться, что - к чему. Исполнителями договорных работ были: – Сысоева - по Каджарану и Симонян - по Кафану.

Приехали в Кафан поездом и решив начать с дальнего конца, выехали сразу же в Каджаран, на грузовой машине, используя метод “голосования”, так как НИГМИ ещё никого не интересовал и на любезности рассчитывать не приходилось. К моему огорчению в обоих пунктах наткнулся я на крайне враждебное отношение к нам (тоже по наследству), из-за того, что ещё до создания НИГМИ деньги по договорам заказчики выплатили, к результатов пока никаких видно не было. Главный инженер Каджаранского комбината Барлаухов устроил великий скандал Сысоевой, а главный инженер Кафанского рудоуправления Оганесян такой же – Симоняну. Пришлось путём увещевания и обещаний смирить их гнев, после чего мы уехали, договорившись, разработать программу работ НИГМИ по этим предприятиям и прислать её для согласования.

Состоялась ещё одна поездка. Вместе с председателем ГКНТ республики академиком Мартыном Вагановичем Касьяном (впоследствии мы очень подружились семьями) и с нашим профессором Дарбиняном, мы выехали в Алаверды, чтобы посмотреть возможности организации там небольшого филиала НИГМИ (по гидрометаллургическим проблемам). Эта затея не удалась.

Между тем, институт постепенно развивался, правда, пока, в основном, в организационном плане. Создали небольшую химико-аналитическую лабораторию во главе с опытной Никитиной, подобрали ещё группу работников, разработали более или менее чёткую программу на ближайшие годы, словом, появился думающий, и что было особенно приятно, очень дружный коллектив. Отношение работников ко мне было необычайно уважительное и даже любовное, надеюсь искренне. Все праздники мы неизменно проводили сообща всем коллективом. Новый 1958 год также встречали все вместе. Запомнилось, что у меня, неведомо откуда, появилась поэтическая жилка, и ко всем тостам я экспромтом придумывал рифмованное четверостишие, причём, один раз даже на армянском языке. Это по

поводу тоста, касающегося нашего бухгалтера Гарегина Керопяна, который, ежели по-русски, то ничего не понял бы. И вот я мгновенно придумал: “Мер сирели Гарегин” (наш любимый Гарегин), “Дутхамард ес, воч те кин” (ты мужчина, а не баба) “Ерб вор шат ес барканум” (когда очень сердисься), “Кич талис ес, шат пахум” (вздаёшь мало, удерживаешь много). Размер строки и рифма были выдержаны точно – “Гарегин” – “воч те кин” “барканум”– шат пахум”. Экспромт (на армянском языке!) получился и вызвал веселье, очевидно, больше своей актуальностью.

ПОЕЗДКА ВО ФРАНЦИЮ

Так шли месяц за месяцем моего пребывания в НИГМИ. В мае-июне 1958 года взял я очередной отпуск и к моей невыразимой радости был включен в группу туристов, выезжающих во Францию. Итак, в последних числах мая 1958 года состоялся выезд в эту страну. Из Москвы, на появившемся недавно первом турбореактивном лайнере ТУ-104 вылетели в Прагу, так как прямых рейсов во Францию пока не существовало. В Праге советский и французский ("Эр Франс") самолеты становились по расписанию бок о бок и обменивались пассажирами, так что, из Праги в Париж мы летели уже французским самолетом. Было еще светло, когда мы приземлились в парижском аэропорту Орли. Прошли необычайно простые погранично-таможенные процедуры, и вот мы едем в автобусе по парижским улицам. Приехали к стыку бульваров Османн и Фридланд, где друг против друга, разделенные улицей Фобур Сент-Оноре, расположились два отеля под названием своих бульваров. Группу разделили по обоим отелям, я оказался во "Фридланде", в одном номере с Хореном Ходжагоряном, инженером одного из ереванских заводов, с виду не слишком отесанным, но весьма добропорядочным по уществу человеком, старавшимся все время держаться возле меня.

24 мая уже в 6 часов утра я вскакиваю и как можно скорее выхожу на улицу. Вообще, за всё время пребывания во Франции каждый день я выходил из гостиницы часов в 6 утра и возвращался в нее к двум часам ночи, не позволяя себе никаких дневных отдыхов. Это дало мне возможность каждый день превратить в два.

После завтрака выезжаем в первую экскурсию по Парижу. Приехавший к нам представитель туристской фирмы мсье Бру сообщает, что нас пригласили посетить муниципалитет ("Отель де Вилль"). Едем по бульвару Османн, проезжаем мимо старинной

церкви Сент-Огюстен, вокзала Сен-Лазар, и вскоре подъезжаем к Гранд-Опера, пока еще бегло осмотрев его архитектуру. Конечно, мы знаем, что это один из аиых прославленных театров мира. Построен арх.Гарнье. Строился довольно долго с 1860 по 1875 год

По рю де ля Пэ (улица Мира) въезжаем на Вандомскую площадь. Построена она в 1685-1701 годах. В одном из окружающих домов помещается всемирно известная парфюмерная фирма “Коти”. Посередине площади возвышается Аустерлицкая (иногда называют “Вандомская”) колонна (архитекторы Лепер и Гондуэн). Воздвигнутая в 1806-1810 годах, в память о победах Наполеона. Колонна высотой в 43,5 м отлита из бронзы трофейных пушек и увенчана стилизованной статуей Наполеона. Во время восстания 1871 года колонна была низвергнута, но в 1875 году восстановлена.

Дальше едем безостановочно – мимо парка Тюильри (дворец разрушен и скрыт в 1871 году), Лувра, по набережным Сены, проезжаем церковь Сен-Жермен л’Оксерруа, знаменитую тем, что с ее колокольни прозвучал набат возвестивший начало резни в Варфоломеевскую ночь, дальше огромный универмаг Самаритен, примечательная одинокая башня Сен-Жак и вот, наконец, Отель де вилль – парижская ратуша.

Только здесь, по усиленным нарядам полиции, осознаем, что во Франции объявлено чрезвычайное положение. Время здесь тревожное – в парламенте и партийных кругах идут чуть ли не круглосуточные напряженные бои. Однако, в общем, французы, как кажется, ведут обычную, размеренную жизнь. В Отель де Вилль нас приглашают в парадный зал, где представитель парижского муниципалитета произносит приветственную речь и наделяет нас сувенирами. Мне досталось красочное издание – “Парижская весна”. Затем осматриваем дворец, попутно выслушивая некоторые исторические сведения о Париже. По непонятым мною причинам границы города, установленные еще в 1859 году по внешним бульварам, за целое

столетия не претерпели изменений, если не считать включение в черту города в 30-х годах Булонского и Венсенского лесов. Фактически же Париж давно уже значительно расширил свои границы, и многие неразрывно окружающие его кварталы лишь формально именуется самостоятельными городами со своими собственными муниципалитетами (Нейи, Сен-Дени, Сент-Уэн и т.д.).

В Отель де Вилль нам показали парадную лестницу и залы, где принимаются главы государств – короли и президенты. Стены расписаны огромными картинами-фресками, преимущественно, на исторические темы. В стеклянных витринах разложены преподнесенные Парижу высоко поставленными гостями дары и торжественные адреса. После окончания визита в ратушу направляемся к находящемуся совсем рядом острову Ситэ. Это колыбель Парижа. Еще в I веке до н.э. на острове был основан город галльским племенем паризиев, названный Лютеция, но спустя несколько веков переименованный в Паризию. С 508 года остров стал резиденцией франкского короля Хлодвига и с тех пор Париж почти постоянно являлся столицей государства.

Самой великой достопримечательностью Парижа и Франции является расположенный на острове Ситэ Собор Парижской Богоматери – Нотр - Дам де Пари. Собор начал строиться в 1163 году и, в основном, был закончен в 1257 году. Архитектор не установлен. Относится к эпохе перехода от романского к готическому стилю. Интерьеры собора вмещают до 12 тысяч человек. Весьма художественны и ценны витражи, в основном, изготовленные в XIII веке. Собор обладает одним из крупнейших органов в мире – на 2500 труб. На том же острове расположен “Пале- Де – Юстис” (Дворец правосудия). В северный фасад дворца включены сохранившиеся башни печально знаменитой тюрьмы Консьержери, в которую, в частности, были заключены Мария-Антуанетта и Дантон.

С острова Ситэ переезжаем на левый берег Сены и едем по набережным до Бурбонского дворца, где ныне помещается французский парламент. Дворец построен Людовиком XIV для одной из своих дочерей. Главный фасад дворца выходит прямо на мост Конкорд (Согласия), переехав через который попадаем на одноименную с мостом площадь. Принято считать, что это самая большая и самая красивая площадь в мире. В общем-то она и в самом деле кажется такой. Восточная и западная стороны площади окаймлены парками – Тюильри и Елисейским, в центре, двумя въездными декоративными колоннами начинается авеню Елисейских полей. С юга парапет набережной и в перспективе, за мостом, фронтон и колоннада Бурбонского дворца. Прямо напротив дворца, по другую сторону площади, ряд великолепных зданий – в них: Морское министерство, посольство США и отель Крийон (в последнем в период оккупации был штаб рейхсвера). В центре площади воздвигнут вывезенный Наполеоном из Египта обелиск Луксорского храма, которому более 3000 лет. По обеим сторонам обелиска сооружены пышные фонтаны. Наконец, вокруг площади воздвигнуты крупные символические скульптуры, изображающие женщин в римских тогах. Олицетворяют они крупнейшие города Франции – Лион, Марсель, Бордо и т.д. Строилась площадь по проекту арх. Габриэля.

Всю вторую половину дня посвящаем Лувру. Построенный в основном в XVI веке под королевский дворец, Лувр впоследствии неоднократно достраивался и перестраивался. Строили его много архитекторов, главные среди них – Лемерсье, Лево, и завершил Перро. В конце XVII века Лувр был передан Академии художеств, а в 1793 году декретом Конвента превращен в Национальный музей. Конечно, Лувр можно осматривать сколько угодно, хоть бесконечно, но даже за несколько часов мы увидели хотя бы самые знаменитые шедевры – особенно такие, как “Джоконда”, Венера Милосская, Ника Самофракийская, да в общем, и немало других.

Выехав из Лувра, мы делаем большой крюк по левобережью Сены – Прежде всего, Латинский квартал, где находится Сорбонна, основанная еще в 1215 году, затем – Высшая политехническая школа, Эколь нормаль (Пединститут) и другие вузы. Едем по улице Сент-Пэр (Святых отцов), по бульварам Сен-Жермен (на нем церковь Сен-Жермен де Пре) и Сен-Мишель, въезжаем на площадь св. Женевиевы, где расположен Национальный Пантеон Франции. Но он уже закрыт, и мы откладываем знакомство с ним, ограничившись лицезрением старинной церкви Сент-Этьен и находящихся рядом уцелевших остатков древней парижской крепостной стены.

Дальше на нашем пути – Люксембургский дворец, тоже построенный как королевский в 1615-1621 годах (арх. Деброс). Здесь же начинается авеню Обсерватуар с живописными, фигурно стриженными, высокорослыми каштанами. По зеленой полосе, пролегающей вдоль авеню, установлен ряд мраморных столбов – это линия Парижского меридиана.

Выезжаем на бульвары Монпарнас и лез “Инвали (Инвалидов), затем через пляс (площадь) Вобан, бульвар Ла Тур-Мобур, по набережным Сены и по авеню Марсо едем к Этуали (площадь Звезды). По пути заворачиваем в маленькую улочку Жав Гужон, где находится армянская церковь “Ованес Мкртич”. Входим в небольшую, очень опрятную и уютную церковь. Только что закончилось богослужение, и пока довольно много прихожан. Они восторженно встречают нас, обнимают, потом, не таясь, обливаются слезами. Затем провожают нас в обширную комнату в пристроенной к церкви доме, куда тут же приходит епископ Серовбе Манукян – глава армянской церкви во Франции. Стоя он произносит теплые приветственные слова, а мы в ответ лишь киваем и что-то непонятное мычим. Не привыкли по-человечески говорить с духовными лицами.

Сверхнасыщенный день 24 мая на этом не закончился. После ужина в ресторане “Альфieri” на бульваре Османн вновь едем по

Парижу. Направляемся напрямиком на Монмартр. На вершину холма ведет серпантин. На самой высокой точке Парижа сооружена церковь Сакр-ЭКёр (святое сердце). Высота над уровнем моря здесь 129 метров Монмартр был включен в черту города в 1859 году и всегда был местом традиционного поселения деклассированной богемы. С вершины холма открывается привлекательная панорама почти всего Парижа. Съехав вниз, едем поочередно на две знаменитые парижские площади – Бастилии и Республики, на последней берут свое начало самые популярные и оживленные магистрали Парижа – знаменитые Большие бульвары. Они растянулись на несколько километров, втекая на площадь Мадлен. Сегодня мы только проезжаем через эти бульвары, видим огромные, ярко освещенные и украшенные витрины магазинов, толпы людей на тротуарах, переполненные кафе, огни кинотеатров и мюзик-холлов, все затопляющие реки автомобилей. Весь ослепительный антураж парижских Больших бульваров укрепил у меня ранее принятое решение пройти их пешком от начала до конца. Заполночь возвращаемся в гостиницу, но уже в 6 часов утра я вновь на ногах, на улице.

25 - мая воскресный день и мы с утра предоставлены самим себе. Планирую начать день с Булонского леса. Со мной еще несколько человек. На авеню Фридланд знакомимся с памятником Бвльзаку. Затем пересекаем Этуаль и выходим на авеню Фош. Несомненно это самая респектабельная улица Парижа – улица миллионеров. Никаких доходных домов и магазинов, только особняки, большие и богатые, выстроенные на почтительном расстоянии от улицы, отгороженные от нее полосами цветущих садов и клумб. Очень тихо, чисто, элегантно. Разыскиваем расположенный где-то здесь Армянский музей (“Музе армениен”). Он разместился в богатом особняке, но увы, сегодня воскресенье, и музей закрыт. Двигаемся дальше и доходим до площади Дофин, за которым и начинается Булонский лес. В сущности это огромный парк площадью около 850

га. По аллеям проезжают на выхоленных лошадях всадники. Довольно долго прогуливаемся по лесу (парку) и к 12 часам направляемся в Нотр-Дам, где в связи с праздником Троицы назначено богослужение, конечно, под органную музыку. На площади Дофин садимся в метро и едем до Отель де Вилль, сделав пересадку на Этуаль. Группа потихонечку размылась, и со мной осталось лишь несколько подобных мне энтузиастов подобных зрелищ.

Вступаем в Нотр-Дам в разгар богослужения. Идет “тихая обедня”. Священник, повернувшийся спиной к молящимся, молча священнодействует, обратившись лицом к алтарю. В огромном соборе несколько тысяч человек, но царит абсолютная тишина, лишь под величественными сводами растекается негромкая музыка. Одна за другой звучат мелодии Баха, Гайдна, Моцарта, еще более облагороженные резонансом собора. Служба длится очень долго, и кажется, из всей группы только я и остался. В гостиницу еду в метро от станции Отель Де Вилль до станции короля Георга V, это уже у Елисейских полей. По рю Вашингон выхожу на свое авеню Фридланд.

Во второй половине дня экскурсия. Со своим постоянным гидом Пирангом, в прошлом рижским евреем поэтому отлично говорящим по - русски, отправляемся в Пантеон. На этот раз он открыт. Пантеон строился в 1764-1790 годах (арх. Суфло), на месте церкви св. Женемьевы (прилегающая площадь названа ее именем). В 1791 году, по решению Учредительного собрания, Пантеон был объявлен усыпальницей великих деятелей Франции. Одним из первых здесь упокоился Марат, но в период контрреволюции его прах удалили отсюда. Позднее сюда перенесли тела Жан-Жака Руссо, Вольтера, Виктора Гюго, Эмиля Золя, маршала Ланна, первого гренадера республики Тур д’Оверня (сердце его в Доме инвалидов), Жореса, Лазаря и Сади Карно, Пенлеве, даже коммуниста, профессора Поля Ланжевена, ну и еще кое-кого. Весь интерьер весьма величествен.

Из Пантеона, мимо Люксембургского дворца и парка, Обсерватории, по бульварам Брюнн и Лефевра, авеню генерала Леклерка и Шатийон, едем на Международную весеннюю (1958 года) Парижскую ярмарку. Долго бродим по богатейшим павильонам, рассматривая, порою, умопомрачительные экспонаты. Обращают на себя внимание такие удобства, как снующие во всех направлениях электрокары и др. Однако, ярмарка оформлена весьма рационально, без излишних украшательств и поэтому кажется очень деловой и привлекательной.

Возвращаемся по бульвару Виктор, через двухэтажный мост Отейль, по авеню Эксельман, протянувшимся вдоль Булонского леса бульварам Сюше и Ланн, авеню Фош и, наконец, Этуаль. Вечером этого дня я и еще несколько человек были приглашены в семью певцов Азнаврянов. Главной фигурой в этой семье, безусловно, является необычайно популярный эстрадный певец Шарль Азнаур. У его сестры – Аиды, тоже певицы, в основном, армянский репертуар. Их отец тоже певец, конечно, послабее детей, но всё-же обладатель нескольких записей за дисках. Квартира у них оказалась довольно скромной, но как и положено жрецам искусства была на Монмартре, на рю Наварэн, чуть выше церкви Нотр – Дам - де – Лорет. В этот вечер Шарль не появился у родителей, был где-то на Луаре, но, очевидно для реабилитации, прислал нам небольшие сувениры, мне достался диск с записями его песен и фотопортрет с автографом.

26 мая продолжаютя экскурсии по Парижу. Сперва церковь св. Магдалины (Мадлен). Построена она при Наполеоне, приказавшего ради соблюдения симметрии воспроизвести ее фасад точно такой же, как расположенного в перспективе прямо напротив Булонского дворца. Так Мадлен стала мало походить на церковь, о чем свидетельствует лишь крест на вершине треугольного классического фронтона.

Отсюда едем к Дому инвалидов ("лез Инвали"), построенному в 70-х годах XVII века (арх. Брюан), впоследствии ставшему храмом славы Франции, превратившись в усыпальницу Наполеона. Тело последнего было привезено с острова св. Елены в 1840 г., но гробница сооружена уже при Наполеоне III, в 1861 году. Весь ансамбль (арх. Висконти) строг и изящен одновременно. Сама гробница из темно-красного порфирита расположена несколько ниже уровня зала, в широком неглубоком колодце, вокруг которого расставлены символические скульптуры. Здесь же покоятся – военный инженер Наполеона – Вобан, его именем названа площадь – где стоит Дом инвалидов, затем маршалы Фош и Тюренн, здесь сердце первого гренадера Тур д'Оверня. В одном из углов находится гробница младшего брата Наполеона – Жерома и сына Наполеона, так и не царствовавшего Наполеона II, тело которого поперевезено из Австрии во время оккупации по приказу Гитлера. Позади Дома инвалидов – помещения Военного музея Франции, где расставлены трофейные пушки, знамена и прочее военное имущество.

Направляемся к расположенному неподалеку зданию Военной Академии ("Эколь-Милитер"), фасад которой обращен прямо на лежащее перед ней Марсово поле. На противоположной стороне поля возвышается Эйфелева башня. Само Марсово поле претерпело несколько метаморфоз – со второй половины XVIII века было местом военных учений, а с 1889 года стало территорией для выставок. Теперь это просто место для гуляний.

Через Трокадеро и авеню Клебер выезжаем на Этуаль, которую тщательно осматриваем. Оформлялась она по проекту арх. Шальгрена с 1806 по 1837 год, по форме совершенно круглая, от нее симметрично лучами расходятся 12 проспектов – Елисейские поля, авеню – Ош, Фридланд, Ваграм, Мак-Магон, Карно, Гранд Арме, Фош, Виктор Гюго, Клебер, Иена и Марсо. В центре площади сооружена большая Триумфальная арка, проезд под которой рас-

положен по оси Елисейских полей и авеню Гранд Арме. В 1833-1836 годах на правой стороне фасада изваян рельеф “Марсельеза” по проекту Рюда. После Первой мировой войны под аркой была устроена могила Неизвестного солдата с вечным огнем (именно отсюда и пошла по миру эта традиция).

В этот же день поехали по кладбище Пер-Лашез (по имени духовника Людовика XIV “отца” Лашеза, которому принадлежала эта территория). Сперва к стене, где пали последние коммунары (“Стена коммунаров”), возле нее ряд могил, где погребены выдающиеся коммунисты – Анри Барбюс, Поль Вайян-Кутюрье, Марсель Кашен и др. Обнаруживаю, что буквально по соседству с ними могила Андраника – памятник представляет всадника в кавказской одежде, к сожалению, сделан без должного вкуса, по-видимому не очень одаренным автором. Выводим с кладбища через его парадный вход со стороны Менильмонтана (вошли мы с тыла со стороны авеню и площади Гамбетта). Вход же оформлен идущей вверх от главных ворот широкой дорожкой, заканчивающейся крупной архитектурно-скульптурной композицией, символически изображающей “Смерть” (вереница фигур, обреченных, скорбных, постепенно сходящих в небытие). Рядом – могила автора композиции. С другой ее стороны могила весьма популярного в свое время префекга Парижа Османна, при котором в 50-60-х годах XIX века была произведена грандиозная реконструкция Парижа. Прокладывая широкие в прямые магистрали Османн приговаривал: “Чтобы не были удобны для народных восстаний”. Однако, это было до 1871 года.

От Менильмонтана, через авеню Республики и Мажента едем к Монмартру, взбираемся на самую его вершину и начинаем осмотр церкви Сакр-Кёр. Она эффектна, но эклектична, так и кажется, что рассматриваешь отлично выполненный макет. Главное ее достоинство, что она видна со всех уголков Парижа.

В этот вечер нам предстояло поужинать не в “Альфиери”, ставшем привычным, а на плавучем ресторане, курсирующем по Сене. Примерно в 8 часов вечера приезжаю на пристань “Бато-Муш”(так называю речные тромвайчики) у моста Альма и всходим на речной пороход-ресторан. Справа едем вниз до Булони (сюр Сен) и Байанкура (где “Ситройен), затем разворачиваемся и плывем вверх, через весь Париж, до Иври и Шарантона, отсюда опять вниз до Бато-Муш (где и садились), по пути объехав со всех сторон острова Ситэ и Сен-Луи (святого Людовика).

Выходим на берег часов в 11 вечера, все направляются в гостиницу, а я в одиночестве иду бродить по ночным улицам Парижа.

От площади Альма иду по авеню Монтень, выхожу на Елисейские поля до поздней ночи прогуливаюсь по этой нарядной магистрали – яркие рекламные огни, роскошные витрины, художественные салоны, открытые допоздна, многолюдные кафе и рестораны, многие со столиками прямо на тротуаре.

27 мая по программе предстояла поездка за город на заводы Рено. Я прикидываю, что на целый день выпадет Париж и решаю не ехать, завод - это завод, где бы он ни был, немного лучше, немного - хуже, а Париж один-единственный, где еще много надо повидать. Итак после отъезда группы мы с представителем “Интуриста” во Франции Дудиным по бульварам Османн и Мальзерб отправились в район Мадлен, затем по улице Сент-Оноре, мимо Пале-Рояль, направились в огромный многоэтажный универмаг “Лувр” (названный на правах соседства музеем), где я и сделал кое-какие покупки для домочадцев. Теперь направляемся к Сите и прилегающим к нему набережным, где бродим возле парижских букинистов, устроившихся прямо на парапетах набережных. Почувствовав голод, идем в одно из кафе на рю Риволи, и отсюда наблюдаем, как начинается забастовка транспортников Парижа, о чём было сообщено еще в утренних газетах. Вскоре, расстаюсь с Дудиным, и весь этот день

брожу по Парижу полностью по своим расчетам, что тоже интересно.

Прежде всего, через Пон-Нёф и по набережной Огюстен иду в центр Латинского квартала – площадь Сен-Мишель. Мимо Пале Де Жюстис и через мост Ошанг выхожу на площадь Шатле к одинокой башне Сен-Жак и театру Сарры Бернар. Отсюда недалеко до Центрального рынка – “Чрево Парижа”, куда и направляюсь, вспоминая Золя. Здесь всё так, как он описывал, не рынок, а живописнейшее изобилие с экзотикой. Рядом с рынком церковь св. Евстафия. Затем по рю Тюрбиго и Севастопольскому бульвару выхожу на Большие бульвары. Не торопясь, иду по бульварам – Сен-Дени, Бонн-Нуviel, Пуассонье, Монмартр, Итальян, Капусин (Капуцинов), Мадлен, и выхожу на одноименную площадь. От нее на рю Фобур Сент-Оноре и прохожу по этой длинной улице, мимо Елисейского (президентского) дворца, и дальше по ней до ее пересечения с авеню Фридланд, где наша гостиница. Конечно, устал!

После ужина в “Альфieri” идем в парижскую Синераму, на авеню Ваграм, между Этуалью и Пляс де Терн, где раньше был театр “Ампир”. Идет американский кинофильм “Семь чудес мира”, совершенно очаровательный, представляющий путешествие вокруг света. Но как снят! Фильм длится три часа, вернее сеанс, так как иногда прерывается рекламой и анонсами.

28 мая рано утром выезжаем из Парижа в направлении Луары. Едем по улицам Латинского квартала – рю Гэ-Люссак, Клод Бернар, по авеню Гобелен, мимо здания знаменитой гобеленовой мануфактуры, далее по авеню Шуази и, наконец, Иври. Вскоре въезжаем в Вильнев-Сент-Жорж (Пиранг мрачно цедит в микрофон – “это гнездо коммунистов”). За Вильнёвом сворачиваем с большой магистрали, чтоб проехать через Корбей – живописный городок, расположенный на Сене. Затем едем вверх по течению Сены и проезжаем через расположенный на ней же более значительный город –

Мелён. Отсюда переезжаем по мосту через Сену и вскоре приезжаем в Барбизон, деревню давшую свое название знаменитой барбизонской школе живописи. Здесь жили и творили в 30-60-х годах прошлого века – Теодор Руссо, Дюпре, Добиньи, Диас де ля Пенья, отчасти примыкавшие к ним Коро, Милле и др. На ходу рассматриваем их домики.

За Барбизоном въезжаем в большой лес, являвшийся излюбленным местом охоты французских королей и вельмож. Посредине этого леса расположен город Фонтенбло, где мы задерживаемся надолго. Город входит в департамент Сена и Марна и невелик по населению, однако очень известен. Славу ему принесли великолепные охотничьи угодия удобные по близости к столице, и роскошный дворец. Еще в 1169 году здесь был построен охотничий замок, который в XVI веке, при Фрациске I был перестроен в большой дворец (арх. Лебретон и Шамбиз). Позднее, при Генрихе II, Генрихе IV, а затем и другими королями, вплоть до Наполеона, дворец и примыкающий к нему большой парк, неоднократно украшались. Исторически дворец в Фонтенбло известен тем, что здесь в 1814 году Наполеон подписал отречение от престола (т.е. еще до 100 дней).

Из Фонтенбло едем дальше на юг, через города и городки, среди них такие, как Немур и Монтаржи, и вот перед нами Луара. Проезжаем через цепной мост на южный берег реки к старинному замку, принадлежавшему ближайшему соратнику Генриха IV – герцогу Сюлли, поэтому замок называется Сюлли сюр Луар. Это типичный средневековый замок построенный в романском стиле. Теперь возвращаемся на северный берег и приезжаем в приречную деревню Сен-Бенуа сюр Луар, где нас ждет обед. В деревенском ресторане, который называется просто – “Постоялый двор”, обед не хуже среднего городского ресторана.

Проехав от Бенуа вниз по Луаре въезжаем в Орлеан, центр департамента Луаре. В городе немногим более 70 тысяч жителей, но по всем городским аксесуарам он производит впечатление достаточно значительного. Орлеан существовал еще до нашей эры, был разрушен Юлием Цезарем до основания и восстановлен лишь в III веке римским императором Аврелианом, по имени которого и получил свое название. С VI века Орлеан стал столицей Орлеанского королевства, позднее переименованного в Бургундское. Во время 100-летней войны, в 1429 году, Орлеан был освобожден от продолжительной английской осады отрядом возглавляемым Жанной д'Арк. В честь Орлеанской девы на центральной площади города воздвигнут внушительный памятник, изображающий ее в военных доспехах, восседающую на боевом коне. Другой достопримечательностью города является очень старинный и живописный собор в готическом стиле.

Вновь пересехав в Орлеане на южный берег Луары и немного проехав, прибываем к замку (шато) Шамбор. Подобных шато в долине Луары множество. Чуть ли не каждый король и знатный вельможа строил их в долине Луары, привлекаемый наиболее умеренным и мягким климатом, в сочетании с живописной местностью. Замок Шамбор принадлежал различным представителям Бурбонов и сейчас еще принадлежит графу Шамбор, внуку Карла X, последнему, совсем уже престарелому претенденту на французский престол по линии Бурбонской династии.

Когда день близится к концу, приезжаем в город Блуа, где нам предстоит переночевать. Город расположен в департаменте Луар и Шер и не очень велик по населению. Главная часть города раскинулась амфитеатром на высоком правом берегу Луары. Особенно живописны старинные сооружения – королевский замок, подвергавшийся неоднократным доделкам в XII – XVII веках, а также не-

сколько старинных соборов и церквей. Сравнительно новая левобережная (низменная) часть города соединена с центром сводчатым мостом, увенчанным декоративными обелисками. Вечером захожу в один из соборов, где идет богослужение.

29 мая чуть ли не на рассвете выхожу на пока еще пустынные удицы Блуа. Брожу по старинным тенистым улицам, расположившимся под огромным замком. Узенькие улочки то круто взбираются в гору, то сбегают к Луаре. В таком небольшом городе построена прямо-таки элегантная набережная, по которой долго прогуливаюсь. Программный осмотр Блуа начинается с его исторического замка. Именно здесь происходили описанные Дюма (“Виконт де Бражелон”) драмы между виконтом, мадмуазель Лавальер, Людовиком XIV и, конечно, вездесущим д’Артаньяном. А вот и окно в мансарде, откуда высовывался любопытствующий носик м-ль Лавальер. В этом же замке Генрихом II был убит коварно заманенный сюда Генрих Гиз.

Прощаемся с Блуа и направляемся в его живописные окрестности знакомиться с другими шато. Первый на нашем пути – замок Шеверни, после знакомства с которым едем в городок Амбуаз. Здесь задерживаемся надолго. В парке возвышающегося высоко над городом замка герцогов Орлеанских сооружена небольшая часовня, в которой погребен Леонардо да Винчи. Амбуаз оказался последним и, наконец, надежным его убежищем. В центральной башне замка, от подножья до самой верхней площадки устроен спиральный пандус, по которому поднимались средневековые рыцари, не слезая с боевых, закованных в латы, коней. В этот день нам предстояло побывать в еще одном шато, отличающемся необычайно оригинальной конструкцией. Это замок Шенонсо, построенный Франциском I для своей фаворитки Потье. Замок стоит прямо на реке Шер. Через довольно широкую и полноводную реку (левый приток Луары) пе-

рекинут массивный сводчатый мост, на котором и сооружены основные помещения замка-дворца. Таким образом, река протекает по всей своей ширине под замком.

Из Шенонсо едем прямо в Тур, расположенный сразу на двух реках – на Луаре и Шер. Тур - центр департамента Эндр и Луара, с населением в 85 тысяч жителей. В нем много великолепных зданий (особенно величественна Ратуша – “Отель де Виль”), нарядных улиц, площадей и бульваров с фонтанами тенистыми аллеями. После размещения в “Гранд-Отеле” долго брожу по городу. 30 мая ранним утром вновь выхожу на живописные улицы Тура. Недаром Балзак так его любил – свой родной город.

После завтрака выезжаем к очередному шато на Луаре. Это Азей ле Ридо, расположенный километрах в 30 юго-западнее Тура. Именно оно явилось для нас самым крайним удалением от Парижа и, выехав оттуда, теперь с каждым километром стали приближаться к Парижу. Переехав на северный берег Луары у Ланжа (и здесь возвышается огромный средневековый замок, но теперь мы безостановочно проезжаем мимо) едем до деревни Рошкорбон, где обедаем в весьма оригинальном ресторане, выдолбленном прямо в возвышающемся над Луарой утесе. Из Рошкорбона едем в расположенный неподалеку Вуврей, где производится одно из популярных во Франции вин. Как и в Рошкорбоне, прямо в утесе, выдолблены галереи, приводящие в подземный дегустационный зал. Здесь нас угощают различными винами этой фирмы. Весь зал окружен неглубокими нишами, в которых на игрушечных виселицах качаются какие-то бутылки с приделанными к ним человеческими головами. При ближайшем рассмотрении этой мрачной шутки оказалось, что бутылки “представляют” различные фирмы – изготовители минеральных вод, а вся эта не весьма “серьезная” затея придумана владельцами винодельческого предприятия под лозунгом “смерть минеральным водам”. Вкус, отнюдь, не французский!

Отсюда направляемся прямо на север и вскоре выезжаем на одну из крупнейших автомагистралей Европы – Борцо-Тур-Париж. Теперь на большой скорости - вперед. Наш постоянный водитель Ролан изо всех сил жмет на акселератор. Не останавливаемся даже в интересном Шаторено. Но против такого же “проскакивания” Вандома протестуем. Это один из известных в истории Франции городов. Прогуливаемся по средневековым улицам и мостикам, внимательно осматриваем старинный Вандомский собор, затем идем на ярмарочную площадь, где неожиданно встречаем конфекционеров-армян. Услышав из наших уст армянскую речь, они ошалело смотрят на нас, словно, мы свалились с неба. Как оказалось, в целом, Вандоме живет всего-навсего одна, хотя и разросшаяся, армянская семья.

Далее проезжаем Шатоден (и здесь старинный замок, но мы гоним – мимо, мимо) и вот, наконец, долгожданный, взлелеянный в воображении и ожидаемый с нетерпением город Шартр. Еще издалека мы видим шпили его собора. Въезжаем в город и по лабиринту старинных улиц пробираемся к вожделенному собору. И вот он перед нами – грандиозный, колоссальный собор Нотр-Дам, как говорят, самый большой собор в мире. Гордость Шартра и всей Франции!

Архитектура собора весьма необычна, что явилось следствием чистейшей случайности. Один из боковых фасадов в безусловно романском стиле, тогда, как остальные столь же безусловно готические. Дело в том, что собор был построен в XI веке, в целом, в романском стиле. Однако, в начале XIII века собор сгорел и был восстановлен в 1260 году, когда уже господствовала готика. Поскольку же при пожаре один из боковых фасадов уцелел, то он, очевидно, во избежание излишних расходов, не перестраивался и был сохранен в романском стиле. Так и видятся удивленным зри-

телям две основные башни собора, одна - романская, другая - готическая. Добавлю, что весьма ценно скульптурное убранство собора.

После осмотра собора долго бродим по уютным старинным улицам Шартра, входящего в департамент Эр и Луар. В этот день в городе отмечался какой-то детский праздник, поэтому площади и бульвары буквально наводнены детьми. Особенно, велико их скопление возле многочисленных, порою фантастических, аттракционов.

Наш путь от Шартра к Парижу продолжается по той же идеальной автостраде. В столицу въезжаем с юго-запада через длинный туннель, проезжаем мимо Булонского леса, затем через Этуаль, и вот мы у своего отеля. И всё же, уже в 9 часов вечера я и несколько человек, решаем еще раз взглянуть на вечерние Елисейские поля и пляс де ла Конкорд. Идем по узкой рю Вашингтон, и вдруг, у выхода на Елисейские поля, нас оглушают неистовые шум и рёв. Осмотревшись устанавливаем, что идет бурная демонстрация. Как выяснилось, застрельщиками оказались деголлевцы, стаи автомашин непрерывно и оглушительно сигналият деголлевские позывные, в толпе кричат “к власти де Голяя”, демонстранты, согласно деголлевскому ритуалу, поднимают два пальца (“виктория”) и размахивают флагами с лотарингским крестом, тут и там образуются стихийные митинги. Авеню заполнено несметным числом полицейских и отрядами национальной гвардии. Что же они предпринимают? Вокруг митингующих устанавливают, взявшись за руки, цепочку, и больше ничего. Но ежели вспыхивают рукопашные схватки, в их руках появляются длинные палки, которые, при необходимости, пускаются в ход.

Между тем, невзирая на человеческий водоворот, парижская публика преспокойно прогуливается или посиживает в открытых “тротуарных” кафе. Наблюдая столь непривычную для нас картину, мы потихонечку двигаемся в сторону Конкорда, но внезапно оказываемся в самой гуще ожесточенной драки, и тут появляются поли-

цейские, пешие и на машинах, они хватают дерущихся и, подгоняя их ударами палки по ногам, вталкивают в машины. Мы устремляемся в открывшееся слева по ходу авеню Матиньон и поспешно удаляемся подальше от греха. А утром газеты извещают, что этой ночью де Голль избран, после ожесточенных и многодневных парламентских сражений, президентом Франции.

31 мая, после очередной утренней прогулки в районе парка Монсо и бульвара Курсель, возвращаюсь в гостиницу для участия в организованной экскурсии. Теперь у нас новый гид мадмуазель Лапьер, симпатичная француженка совершенно неопределенного возраста. В отличие от Пиранга, для Лапьер русский язык абсолютно чужд, поэтому ей придан переводчик – некий Пеотржецкий, из бывших российских граждан (первого поколения эмигрантов). По авеню Клебер выезжаем на Трокадеро, где осматриваем памятник маршалу Фошу. Сюда задним фасадом выходит Пале-Шайо, построенное специально для различных международных ассамблей. Дворец стоит на возвышении и с ее обзорной площадки открывается широкая панорама противоположного берега Сены, в частности, Марсова поля и Эйфелевой башни. Наконец-то, настал черед последней. Съезжаем вниз от Пале-Шайо, переезжаем через мост Иена и вот мы уже у подножья башни.

Построена она в 1889 году специально для Всемирной промышленной выставки и, по ее завершении, должна была быть снесена. Но инженер Эйфель создал такое чудо, что стоит она поныне, органически слившись с панорамой и даже став эмблемой этого великого города. Основание башни составляет квадрат со сторонами в 123,4 метра, высота же ее достигает 305 метров.

Теперь предстоит подняться на башню. На три площадки башни поочередно ведут три лифта. Достигнув второй площадки и заглянув вниз, я чувствую что этого мне более чем достаточно, отсюда уже

открывается великолепная панорама Парижа, а снующие внизу автомашины и люди, кажутся размером с муравьев, и того меньше.

Теперь мы по установленному в те времена порядку, должны ехать в консульство СССР на площади Мальзерб, чтоб зарегистрировать выезд из Франции, иначе там, не дай Боже, потеряют наши следы. После завершения формальностей в консульстве водворяемся в свой автобус, и представитель фирмы сообщает, что теперь мы приглашаемся в один из лучших ресторанов Парижа, с целью расширения наших познаний о французской кухне, а попутно и бургундских вин. Ресторан находится рядом с церковью Мадлен и называется “Рен-Педок”, относясь к бургундским.

Рассаживаемся за великолепно сервированные столы, и начинается подача вереницы сложнейших блюд (иной раз и не поймешь, из чего оно сделано, но неизменно вкусно), окропляемое разнообразными, но только бургундскими, винами, других в “Рен-Педок” не подают.

Вечером отправляемся в знаменитый на весь мир театр-варьете “Фоли-Бержер” (“Безумная пастушка”). До театра от нас не очень далеко, и мы отправляемся пешком, мимо вокзала Сен-Лазар, через пляс Трините (“Троицы”), рю Шатоде и Фобур-Монмартр, на рю Ришер, где на углу рю Тревиз расположен театр. Взяли нам места в бельэтаже, у самой сцены. Театр как театр, ничего похожего на варьете и, тем более, на кабаре. Просто это - лучший мюзик-холл в мире. Начинается яркий феерический спектакль, один номер органически переходит в другой, всё заполнено музыкой, красками, движением. Содержание искать бесполезно, главное в спектакле – пластика и веселый смех. Исполнители выступают в костюмах всех времен и народов. Костюмы разнообразны до беспредельности – от самых пышных кринолинов и париков, до полного их отсутствия. После окончания спектакля, не спеша, опять пешочком, возвращаемся “домой”.

1 июня был последним днем нашего пребывания во Франции. Завтра - отъезд на родину. С утра выезжаем в окрестности Парижа. Через авеню Гранд Арме, Нейи, Курбеуа и Нантер приезжаем в исторический Мальмезон. Это один из излюбленных дворцов Наполеона, его “деловая” резиденция. Но всё в Мальмезоне носит отпечаток длительного пребывания здесь Жозефины Богарне. После развода с ней Наполеон подарил ей Мальмезон и она жила в нем почти безвыездно, храня многие реликвии Наполеона, даже его знаменитую треуголку, которую обязательно, с благоговением, показывают туристам.

Из Мальмезона едем через Буживаль, где видим старинную насосную станцию, подающую воду из Сены в Версаль, особенно, для его знаменитых фонтанов. Вот проехали Рокенкур и въезжаем в Версаль. Но, прежде, чем идти во дворец, знакомимся с городом, оказавшимся довольно значительным (около 70 тысяч жителей). Территория, ныне занятая дворцом и парком была приобретена еще Людовиком III для королевских охот. Строительство большого дворца предпринял Людовик XIV, по проекту архитекторов Лево и Мансара. Строительство велось с 1661 по 1708 год. За высокой чугунной оградой расположен обширный передний двор, вымощенный крупными каменными плитами, в середине которого воздвигнут памятник Людовику XIV.

За двором раскинулся огромный дворец в стиле французского классицизма. Как на фасаде, так и во внутренних помещениях много подчеркнутой роскоши. Самым знаменитым залом является “Зеркальный”, где был подписан Версальский мирный договор. Все атрибуты связанные с этим актом, и поныне хранятся тут же.

Версальский парк, без преувеличения, неподражаем. Строился он вместе с дворцом садоводом Ленотром. Главным украшением парка безусловно являются его многочисленные фонтаны, сооруженные по проектам Жиардона и Кузевокса. Нам повезло, именно

на сегодня – на воскресенье, 1 июня – было назначено открытие фонтанов. Ровно в 5 часов дня все фонтаны одновременно забили, и парк стал еще краше. Особенно великолепен центральный фонтан, изображающий Нептуна на колеснице.

Вдоволь насладившись прелестями Версаля, уезжаем в Париж. Через ворота (“Пор”) Сен-Клу въезжаем в столицу. Наскоро приведя себя в порядок, едем на бульвар Монмартр, где в довольно шикарном ресторане “Гран-Брасери (хотя и “Брасери” означает всего-навсего пивная, но это просто традиционное сохранение старинных названий) туристская компания дает нам прощальный ужин. К нам присоединился ряд парижских армян, с которыми мы успели познакомиться. Сегодня воскресный вечер, и ресторан заполнен до отказа. На эстрадке выступают различные лицедеи, как правило, с номерами вызывающими общий смех.

После коротких спичей (от компании прощальную речь произнес постоянно опекавший нас мсы Бру) уезжаем в гостиницу готовиться к ночному отъезду. Некоторые заваливаются, хоть немного поспать, но я, конечно, о моим неизменным спутником Хореном Ходжагоряном, еще и еще раз выходим на ночные улицы Парижа, на недалекие от нашего отеля Елисейские поля. В 2 часа ночи возвращаемся в гостиницу и выезжаем в аэропорт Бурже. Здесь тепло прощаемся с французским персоналом компании, и в 4 часа утра самолет скандинавской компании “САС” берет курс на Копенгаген, куда прибываем спустя три часа. Здесь нам предстоит пробыть 4 часа. В 11 часов опять самолетом фирмы “САС” вылетаем в Москву, путь до которого занимает 4 часа, в основном, над Балтикой. А вот и Москва, мы - дома.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ, ХРУЩЕВ РАЗБУШЕВАЛСЯ

По возвращении в Ереван я продолжил работу в НИГМИ, а Симу с Ирочкой пристроил на даче в Джермуке, куда дважды съездил, когда отвез и когда поехал за ними. О красоте Джермука и всего Даралагяза говорить не приходится.

Моя “личная и трудовая” жизнь так и шла еще некоторое время, пока в августе 1958 года в моей судьбе не произошли неожиданные изменения. А в целом, в стране складывалась обстановка бесперывных и неожиданных подчас “перестроек”. Ложась спать никто не знал, кем он будет завтра и где будет работать.

Вот, к примеру, главные перемены, продиктованные непредсказуемыми экивоками нашего нового лидера. Все отраслевые министерства были ликвидированы, а вместо них созданы какие-то производственные комитеты, лишённые права руководить отраслью, и с неясными, не то консультативными, не то аналитическими функциями, которых сами же их работники никак не могли уразуметь. При этом были потеряны многие опытные кадры. Руководство промышленностью было возложено на Совнархозы (по территориальному, а не отраслевому принципу). Диапазон отраслей в Совнархозе был совершенно безграничен – от авиа, авто - и - судостроительной промышленности, металлургии и химии до пива, лимонада и мороженого, пуговиц и перчаток. Добро бы, как в малых республиках, было по одному Совнархозу, в больших же республиках совнархозы объединяли по несколько областей, поэтому партийные и советские органы просто растерялись, не зная, как влиять на свои промышленные предприятия – по несколько обкомов и облисполкомов на каждый Совнархоз.

Да к тому же Хрущёв придумал ещё один феномен, окончательно всё запутавший. В каждой области появились по два обкома и облисполкома – промышленные и сельские, соответственно, были раз-

делены и все другие учреждения. Что тут было! Спорили даже о том, кому принадлежит такая-то улица в областном центре. Далее, в обязанность Совнархозов были вменены прямые контакты между собой по обмену и поставкам продукции, сырья. и всего другого. Всякое плановое начало в распределении материальных ресурсов по стране было разрушено, и Госплану оставалось лишь разводиться руками, не имея никакого представления, что совершается повсюду. Интересно, что впоследствии, снимая своего же ставленника – председателя Госплана Кузьмина, Хрущёв вдруг заявил, – “Кто придумал такую чепуху?” А эта, действительно, чепуха, была разослана за подписью самого же Хрущёва среди бесчисленных красных книжек-директив (“красными” их называли по традиционному цвету обложки). Однако, и по другим вопросам забывал он об этом.

В сельском хозяйстве. По поводу отраслевого министерства Хрущёв заявил: “Что это за Министерство сельского хозяйства, расположившееся на асфальте?” И изгнал его из Москвы ... в Немчиновку, т.е. за 20-25 километров от Москвы! И стали каждое утро туда и каждый вечер обратно в Москву, возить в автобусах тысячи сотрудников министерства. Где же было поселить столько семей в маленькой Немчиновке? Да и к чему?

Очень скоро началась эпопея освоения целинных земель и справедливости ради, надо сказать, что “целина” от начала до конца, являлась творением и любимым детищем Хрущёва и неисторично, как это в известный период делалось, приписывать её ещё кому-либо. История же показала, что в этом деле были и плюсы, и минусы, при этом, и те и другие – довольно крупные и существенные. Плюсы: освоение и заселение огромных, ранее почти безлюдных пространств, где ныне появилось много новых городов, городков, посёлков с огромным населением, необычайно разрослись и стали играть немалую экономическую и культурную роль существовавшие ранее захолустные городки, дикие и безлюдные степи покрылись

густой сетью железных и шоссейных дорог: целина внесла довольно чувствительную лепту в зерновой баланс страны. Всё это неоспоримо. Но есть и минусы: приращение зернового баланса произошло экстенсивным способом, за счёт увеличения посевных площадей а не повышения урожайности. Даже сейчас урожайность зерновых на целине составляет 10-12 центнеров с гектара, тогда, как на освоенных издавна территориях речь идёт уже о 40 и более центнеров на круг. Целина потребовала многомиллиардных вложений, оттянула со всей страны львиную долю машин, механизмов, удобрений, других ресурсов, на много лет посадив другие районы на голодный паёк. По этим и другим причинам себестоимость целинного зерна доселе необычайно высока и балансируется за счёт среднего знаменателя, возможного лишь при социалистической системе экономки. Огромные потери – особенно, в первые годы, когда стали сеять, не имея на огромных пространствах ни элеваторов, ни других зернохранилищ, при почти полном отсутствии дорог. На миллионах гектаров тонкий слой травяного дёрна после вспашки остался внизу, покрывшись поднятыми вверх песками, вместе с тем, вспаханная земля стала подвергаться эрозии, особенно от “чёрных” (пылевых) бурь. В результате произошло огромное выпадение полезных земель. Кстати, об этом в своё время предупреждал Докучаев и его предостережение полностью подтвердилось. Наконец, с ростом зернового баланса резко сократился мясо-молочно-шерстный баланс. Огромные стада, особенно, миллионы овец, остались без пастбищ, для их спасения стали отгонять стада к отрогам гор, но большая их часть, всё же, погибла. Более не распространяясь на эту тему, ограничусь изложением упомянутых обстоятельств в деле освоения целины.

Хрущёв допустил роковую ошибку, поддавшись на невежественные советы лжеучёных типа пресловутого “профессора” Шевченко, главного его консультанта в области сельского хозяйства,

осуществляя коренные изменения в сельскохозяйственной теории и практике, отвергнув в категорической форме систему травопольных севооборотов, главного же создателя этой системы, академика Вильямса, а, заодно, и Докучаева объявив шарлатанами, ни больше, ни меньше! Подъём паров и посев кормовых трав были признаны недопустимым транжирением земли и изгнаны из практики под угрозой наказания. В результате поля засорились и стали истощаться, кормовой баланс резко сократился, а за ним - и поголовье скота. Звание королевы полей было отобрано у пшеницы и торжественно преподнесено кукурузе. Последнюю стали сеять от Кольского полуострова до Каракумов. Глупость и невежество достигли невероятного размаха и стали совершенно очевидны, но повсюду пропагандировались (впрочем, как и все другие “нововведения” Хрущёва) как необычайно мудрые, чуть ли не одни из величайших открытий в истории человечества. Между тем, вся страна, кроме Москвы и Ленинграда, а немного позднее и Киева, была посажена на чёрный хлеб (с примесью гороха на севере и ячменя - на юге).

Были созданы межрайонные сельскохозяйственные объединения, то бы ещё ничего, но при них образован аппарат парткомов, тоже межрайонных, во главе с назначаемым парторгом, которому были подчинены несколько избранных в уставном порядке райкомов партии. Но какое было дело Хрущёву до Устава партии?! Сам он единолично стал и Уставом, и Программой партии (этот “марксист и верный продолжатель дела Ленинаа” говорил: какая там классовая борьба, всё это выдумки Сталина). Об Уставе он просто забыл – то одного, то другого, в пылу эмоций, Хрущёв распорядился принимать в члены партии без прохождения кандидатского стажа, даже конькобежку Скобликову. Будучи в ГДР, заявил на митинге: “Кто-то недоволен марксизмом, а мы при чём, вот вы, немцы, породили Маркса и Энгельса, вы и расхлёбывайте”. А в Великобритании, посетив Правление лейбористской партии незадолго перед выбо-

рами, заявил публично: “Вы хуже консерваторов”. Последние не замедлили воспользоваться этим, и выиграли. Конечно, не в одном Хрущёве было тут дело, но козырь он им, всё – таки, подкинул, да и, вообще, это была вопиющая бестактность.

Стремясь выколотить как можно больше средств, для покрытия вызванных его мероприятиями непомерных расходов, он внезапно, прямо на митинге в Сормово, объявил о ликвидации тиражей по займам – дескать, сейчас не время, вернёмся к ним этак леу через двадцать. С той же целью ввёл налог на “малосемейность” - даже на семьи с двумя детьми. В то же время, своей нелепой денежной реформой катастрофически обесценил рубль, нанеся сильнейший удар по семейным бюджетам.

В международных делах Хрущёв также вызвал множество конфузов, порою, крайне дискриминирующих советскую внешнюю политику, да и элементарные дипломатические нормы. Самые нашумевшие: снятие ботинка и постукивание им по попитру прямо на заседании Генеральной Ассамблеи ООН; устроенный им скандал на организованной при посредничестве де Голля встрече в Париже между президентом Эйзенхауэром и Хрущёвым; публичная похабная брань (бумага не выдержит, если повторить) в адрес Мао Цзедуна и сближение, в пику Китаю а, с Югославией, закончившееся через пару лет тем, что Югославия стала ближе к Китаю, нежели к нам.

Именно Хрущёв довёл до раскола международное коммунистическое движение. Кульминация его демагогических действий в этой области (и здесь лавры Сталина не давали ему покоя, возмечтал он тоже стать международным лидером коммунизма) произошла на втором совещании коммунистических и рабочих партий в Москве в 1960 году. Обструкции Хрущёва окончательно выбили из общего лагеря единомышленников Китайскую и албанскую компартии, выз-

вали раскол во многих партиях – Индии, ряда латиноамериканских стран и в других.

Кадровой политике партии были нанесены неистовые удары, в результате чего произошла массовая потеря опытных функционеров, и на гребне волны оказались случайные временщики типа Мжаванадзе, Кириченко и немало иных, чьи “достоинства” заключались лишь в личной симпатии к ним Хрущёва.

Художества Хрущёва настолько явно носили характер случайных выдумок, что в некоторых красных (получавших беспрекословное одобрение с присоединением эпитета “мудрые”) письмах: появились примечания: одно завершалось словами – “продиктовано в Беловежской пуше” т.е. что-то весьма радикальное пришло ему в голову, когда после стрельбы по привязанным к деревьям зубрам, происходили обильные возлияния в специально сооружённых “охотничьих домиках”; другое начиналось словами – “будучи в Узбекистане, мне пришла в голову мысль”, и опять что-то весьма громоздкое по реорганизационному пылу.

Хорошо обустроенные машинно-тракторные станции одним росчерком пера были ликвидированы, а машины за сотни миллиардов рублей проданы совершенно не подготовленным к их приёму и обслуживанию колхозам. Через несколько месяцев всё превратилось в лом, а колхозы разорились, выплатив огромные средства. Только бы в пику Сталину дело доходило до “мелочей” – перенос из центра Москвы памятника Юрию Долгорукому, следом затея по ликвидации Тимирязевской академии и превращение её в Курский (в дар своей родине) сельскохозяйственный институт; в конце концов замахнулся он и на Академию наук, дескать, раз теперь есть ГКНТ, то она уже не нужна. Запротестовавшего было против этого президента Несмеянова снял с должности (“Отстали вы от жизни” и т.п.). А перед этим была подготовлена ликвидация средних школ и превращение их в восьмилетние, дескать, после восьмого класса пусть идут

на производство, а кто захочет получить среднее образование, пусть учится в вечерних школах без отрыва от производства. Тут внезапно восстал против этого министр здравоохранения Курашёв, убедительно доказавший, что работа на производстве с 14 лет, да ещё некоторым - и одновременная учёба, может привести к роковым результатам в здоровье подростков. Пока на этом вопрос (все остальные заявили, что это “мудрое решение”) застопорился, а тут очень кстати настиг Хрущёва октябрьский (1964 года) пленум ЦК КПСС. Под занавес Хрущёв успел разослать письмо с предложением отобрать у парторганов право руководства хозяйством и ограничить круг их деятельности лишь культурно-просветительскими функциями. В сущности, это было равносильно фактической полуликвидации партии, она стала бы чисто формальной и обыкновенной, просветительской, общественной организацией.

Невозможно перечислить все опасные чудачества Хрущёва, слишком много их было, одно скоропалительнее и нелогичнее другого, пока не положен был им конец благодатным пленумом ЦК КПСС, состоявшимся в октябре 1964 года.

А пока вернусь в 1958 год. Этот год принёс несчастье нашему семейству. От тяжёлой болезни в июле 1958 года скончался мой зять Гегам Кантарджян и сестра моя овдовела, перенеся все свои заботы всю неистребимую материнскую любовь на своего единственного сына и моего единственного племянника, которому в ту пору не исполнилось ещё и 13 лет.

А в августе 1958 года произошли изменения в моих служебных делах, о чём я выше вскользь уже упомянул.

Дело было в следующем. Где-то в начале 1958 года вышло решение о проведении в январе 1959 года очередной Всесоюзной переписи населения. Не знаю, как кого, но каждая перепись вызывает у

меня огромный интерес, чуть ли не волнение, а нетерпение уж наверняка. Вспоминается, что ещё в раннем детстве, а читать я научился и пристрастился к чтению необычайно рано, очень увлекался я географией (кстати, именно это и явилось причиной того, что с этого же времени появилось и одно из моих “хобби”, не оставившее меня и доселе – филателия). Географическую карту мог я часами разглядывать, мечтать над ней, почти в натуре представляя что на ней изображено, но особенно привлекали меня города и дороги. Повзрослев я, понял, что география - географией, но более всего меня ещё тогда интересовала демография, просто я тогда и слова такого не знал, а в составе этой увлекательнейшей науки – урбанистика, почему я в разных вариантах и составлял списки городов, целые таблицы, выстраивая города всего мира в зависимости от численности их населения и в других порядках. Разумеется, это увлечение с возрастом принимало всё более зрелые формы, и демография, особенно, в её статистическом аспекте, стала для меня любимым “внеслужбным” занятием.

Вот и теперь я задумался, поскольку в принятом решении предусматривалось прекращение всяких административно-территориальных преобразований не позднее, чем за шесть месяцев до переписи. Между тем, я хорошо знал, что Ереван в административном плане крайне неупорядочен. Вызвано было это стремительным ростом города. Появились огромные жилые и производственные массивы, город со всех сторон обыграл и поглотил ряд когда-то пригородных посёлков и сёл.

Остававались же они в подчинении сельских органов, вторгающихся, таким образом, в истинные пределы города, что, кроме всего прочего, крайне мешало проведению правильной градостроительной политики. Словом, требовалась скорейшая реорганизация инфраструктуры (как сейчас модно выражаться) города, пока не наступил срок запрета.

Ничтоже сумняшеся, будучи директором института и не имея ни какого отношения к переписи населения, засел я за проект городской “реформы”, накатал затем подробную докладную записку с конкретными предложениями и направил её в ЦК КПА. Оказалось не зря, предложения неожиданно заинтересовали Товмасына и он даже распорядился создать авторитетную комиссию по их рассмотрению. Комиссия по всем пунктам согласилась со мной (Товмасын при рассмотрении на бюро заметил: Пока вы ворон считаете, Мартиросян за вас думает”), а в числе оппонентов оказался лишь секретарь пригородного Шаумянского райкома партии Дарчо Оганесян, которому не хотелось уступать городу “ни одной пяди” своих владений, притом лучшей их части. Так или иначе, было принято решение об административной реформе города Еревана, полностью в соответствии с моими предложениями, и до истечения установленного срока – осуществлено.

НЕОЖИДАННЫЙ ПРЫЖОК В СТАТИСТИКУ

Но не зря говорят, что инициатива наказуема! Не чаял я, что такая может вызвать серьёзные изменения в дальнейшей моей служебной карьере. Случилось так (опять стечение обстоятельств, которое всю жизнь меня преследует), что за несколько месяцев до переписи скончался чуть ли не бессменный начальник Центрального статистического управления (ЦСУ) республики Минасян, коему надлежало организовать подготовку и проведение переписи, и, по этой причине, Москва стала требовать скорейшего представления новой кандидатуры на этот пост. Вспомнив о проявлении мною интереса к этому делу, Товмасян пригласил меня в ЦК и, сославшись на мою записку, предложил перейти в ЦСУ на должность его начальника. После недолгих колебаний я дал согласие. Причин для этого было две: во-первых, интерес к этому делу, во-вторых, - то обстоятельство, что через пару лет могло произойти значительное снижение моего служебного оклада в НИГМИ. Суть в том, что, по действующему положению, размер зарплаты руководителя научно-исследовательского учреждения, не имеющего учёной степени, на три года определяется как лицу, имеющему степень кандидата, с тем, чтобы за этот срок он имел возможность “защититься” и получить степень. В противном случае, по истечении трёхлетнего срока, устанавливался заметно пониженный оклад. Мне оставалось всего два года, и по ходу дела я чувствовал, что едва ли успею, или даже сумею подготовить диссертацию (ежели бы по гуманитарному профилю, а то по техническому, что далеко не одно и то же). Подобная перспектива также способствовала принятию мною решения о переходе в ЦСУ. Сдал я дела в НИГМИ Бабкену Вардапетяну (профессору, доктору и пр. и пр.) и в августе 1958 года приступил к работе в ЦСУ Армянской ССР в качестве его начальника, предварительно съездив в Москву на утверждение.

Естественно, что главной заботой, кроме обычных рутинных, но всегда обязательных, дел, в этот период стала огромная и весьма кропотливая работа по подготовке переписи населения. В январе 1959 года она состоялась, и, по её результатам, произошли правительственные награждения. Именно в связи с этим я был награждён орденом Трудового Красного Знамени, первым моим орденом (до этого у меня были лишь три медали).

Из крупных работ, проведенных в период моей работы в системе государственной статистики, упомяну очень интересную и весьма нелегкую работу – перепись основных фондов страны. Однако, и до и после ЦСУ, нигде не чувствовал я себя так, мягко говоря, неудобно, как здесь. Мой предшественник, по-видимому, не обладал достаточно твёрдым характером, чем, полагаю, воспользовалась его первый заместитель Арус Петровна Манвелян, оставшаяся в той же должности и при мне. А была она человеком склочным, любила сталкивать лбами подчинённых, аппарат был раздёрган на противостоящие группы и группки, буквально, шла война всех против всех. Как я ни старался, не сумел привести всю команду в нормальное состояние, Манвелян и ещё несколько человек продолжали склочничать. Заведующие основными отделами – Егиш Терлемезян, Цатик Гаспарян, Гоар Агамирян, Дезик Восканян и ещё несколько человек, очень скоро примкнули ко мне, стараясь помочь кто как мог. На них, очень хороших людей, и столь же хороших работников, я и опирался. Но не приняли меня в свою “касту” директор машинно-счётной станции (МСС) Тамазян, начальник Ергорстатуправления Магдесян, заведующий одним из отделов Тарджиманян, которые исподтишка действовали против моих попыток и, вообще, с самого же начала, почему-то, невзлюбили меня, по моему, я в чём то помешал своим появлением каким то их карьеристским расчётам. Честно говоря, я их тоже не жаловал. отчего и возник порочный круг в моих отношениях с ними.

Словом, работал я напряжённо, и не могу сказать, что работа в системе ЦСУ не интересна, но общая атмосфера меня угнетала, поэтому я возмечтал о том, чтобы при первой же возможности “сбежать” оттуда. В разговоре с Товмасыном я как предчувствовал это и сказал ему, что не хотел бы вечно оставаться в ЦСУ, на что он мне ответил – как закончится перепись, переведем оттуда. Но награждение орденом сковало меня, и я всё не мог решиться напомнить Товмасыну об этом разговоре. Как раз в этот период участились мои контакты с ним, и когда однажды он попросил подготовить материалы к представлению республики на первое награждение орденом Ленина, я подготовил аргументы по очень простой “методе” – расписал всё что было хорошо, обойдя то, что было хуже. Республика была впервые награждена орденом Ленина, и здесь, прямо скажем, есть и моя лепта.

Несмотря ни на что, жизнь шла по своим законам, и в середине лета 1959 года я вновь использовал отпуск для туристского путешествия. На сей раз были избраны Румыния и Болгария. Вот и еще одна поездка за границу, в составе группы из 34 человек, и на этот раз со мной Сима.

Весь путь до “исходного” пункта – станции Унгены, что на пограничной реке Прут, проделали поездом кружным путем, через Москву. Еще в Москве “Интурист” прикрепил к нашей группе в качестве сопровождающего студента Академии внешней торговли, Ваню Мурадяна. Итак, 28 июля, в 7 часов утра, прибыли на границу, прошли все установленные для пересечения последней процедуры и советские вагоны, переобутые на европейскую колею, прицепляются к румынскому поезду Яссы-Унгены. В 9 часов утра трогаемся в направлении границы. После ее пересечения едем по правобережью реки Прут, которое в отличие от холмистой советской стороны представляет собой низкие заливные луга. Спустя примерно 30-35 минут прибываем в Яссы, столицу исторической провинции Мол-

довы, ныне по величине шестой город Румынии (113 тысяч жителей).

В Яссах довольно длительная остановка. Вначале нас не выпускают из вагона, появляются румынские пограничники и таможенники. Начинаются обычные процедуры, но в Румынии они почемуто проводятся строже, чем в других виденных мною странах. Из Ясс поезд идет на подъем между довольно высокими лесистыми холмами, затем проскакивает через пару небольших туннелей, после которых начинается спуск и поезд стремительно несется вниз. Долго едем по широкой пологой равнине. В середине дня проезжаем Бырлад, один из областных центров Румынии, затем Текуч, за которым переезжаем через самую большую реку Молдовы – Серет, дальше идут Фокшаны, Рымникул-Серет, Бузеу и, наконец, в обеденный час, подъезжаем к одному из наиболее значительных центров страны – городу Плоешти. Это конечная цель нашего сегодняшнего путешествия. По выходе на перрон нас встречает молодая женщина. Это наш гид – Виктория Прапа, которая начиная с этой минуты и в течение целой недели больше не покидала нас почти ни на одну минуту.

На вокзальной площади нас ждет новенький 40-местный “Шоссон”. Размещаемся в машине и Виктория обращается к нам с поздравлением по поводу прибытия в Румынию и с приветствием от Румынского национального бюро туризма “Карпаць”. Затем она представляет нам шофера Иона Сырбу, юношу – помощника шофера Георгице. За время пребывания в Румынии все трое постоянно были с нами и мы очень подружились с ними.

Наконец автобус трогается от Плоештского вокзала. Проезжаем мимо воздвигнутой на привокзальной площади символической скульптуры – на высоком постаменте орел с широко раскинутыми крыльями, держащий в клюве почти уже упавшее, но всё же удержанное национальное знамя. Плоешти крупный центр нефтяной

промышленности и является пятым по величине городом страны и областным центром. Немного поездив по центру выезжаем из Плоешти и едем по отличной, хотя и узковой, автостраде. Это международная автомагистраль Бухарест-Париж, переваливающая через Карпаты и пересекающая всю Трансильванию, Венгрию и далее. Километров 25 дорога идет прямой стрелой, по постепенно повышающейся равнине. По обе стороны множество автоматически работающих нефтяных вышек окруженных густой зеленью, не то что на нашем апшероне. Возле города Кымпина, о котором речь пойдет ниже, достигаем предгорий. Далее въезжаем в ущелье реки Праховы, текущей с Карпатских высот и рассекающей весьма живописные горы Бучеджь. Вообще долина Праховы и горы Бучеджь по живописности истинные жемчужины природы. Автодорога, проложенная по долине Праховы, бежит вдоль проложенной тут же железной дороги. От села Комарник начинаются уже довольно высокие горы. В этом районе находятся высочайшие вершины Южных Карпат, или как их еще называют – Трансильванских Альп: Омуть – 2511 м, Бабеле, Караиман – 2314 м и другие. По пути вереница курортных городков и местечек – Синая, Пояна Цапулуй (“Долина коз”), Буштени, Азуга, после которой переезжаем водораздел, где проходит граница между историческими провинциями Мунтения и Трансильвания.

К 7 часам вечера въезжаем в курортный город Предьял, расположенный чуть-чуть севернее водораздела, на высоте 1060 – 1100 метров над уровнем моря. Размещаемся в гостинице, которая так и называется – “Предьял”. Всё в ней подчинено окружающему пейзажу. Несмотря на свои 5 этажей (пятый – мансарда) гостиница построена в стиле горной хижины в характерном румынском стиле (“Бренковяну”). Убранство и мебель в номерах сделаны в деревенском стиле.

29 июля посвящается знакомству с районом Предъял-Синая. Предъял, вместе с выдающейся живописностью и целительным горным климатом, отличается и весьма своеобразным географическим и даже историческим расположением. В течение веков между Предъялом и расположенной совсем рядом Азугой проходила граница между Австро Венгрией и Румынией. Предъял расположен на самом юговосточном кончике трансильванского клина и до 1918 года вместе с Трансильванией входил в состав Австро-Венгрии, граница которой проходила буквально по южной окраине Предъяла. В 1940 году Трансильвания вместе с Предъялом Гитлером была отдана Венгрии и, наконец, в 1945 году возвращена Румынии.

Поднявшись в этот день пораньше выходим на главную улицу городка, рассматриваем дома, отели, пансионаты, санатории, курортные магазины, затем отправляемся в первую экскурсию в горы, сперва в расположенное еще выше Предъяла, пожалуй самое респектабельное, курортное местечко – Чоплю. Именно здесь расположено немало весьма нарядных и богатых вилл, ранее принадлежавших высоким персонам, как и бомонду Румынии. Одна из весьма привлекательных вилл, куда мы получаем доступ, принадлежала диктатору Румынии Иону Антонеску. Сейчас здесь Дом отдыха деятелей искусств, однако по инерции продолжает именоваться “Вилла Антонеску”. Поднимаемся на самую высшую точку Чопли, к расположенному здесь просторному деревянному дому, где помещается нечто вроде пивного бара. Над высокой кручей устроенная обширная веранда, с которой открывается поистине восхитительная панорама гор и долины. В центре ландшафта живописнейшая вершина Пятра-Маре.

Спускаемся с гор уже не через Чоплю, а прямо по лесу. Разговаривая, мы часто перекидываемся армянскими словами, и вдруг, в самой глубине леса, услышав звуки армянской речи, к нам бросаются встретившиеся женщина с девочкой. Где же не встретишь

армян! Даже в глубине леса в далеких горах Бучеджь. Это были дачники из Бухареста. Благодаря этой встрече к нам в гостиницу в Предьяле началось целое паломничество предавших на дачу армян.

После обеда едем в ближайший к Предьялу городок Азуга, в котором сочетаются курорт с промышленностью. Самым известным предприятием Азуги является пивоваренный завод, выпускающий немного, но самое “элитное” пиво в стране. Виктория с подкупающей непосредственностью объясняет, что она намеренно не звонила на завод с просьбой разрешить приезд советских туристов, так как, дескать, они могут под каким-нибудь предлогом отговориться. Вот она и избрала тактику – поставить их перед фактом, не повернут же советских туристов от ворот. Так и делаем. Сразу же, предупрежденный о нашем приезде, появляется главный инженер, приглашает в кабинет директора и предлагает свою продукцию на дегустацию. И в самом деле пиво оказались далеко не из плохих. Чтобы не нарушить разработанную нашими хозяевами программу, отсюда направляемся еще и на Суконную фабрику.

Прошаемся с Азугой и едем дальше на юг. Остановка в очередном курортном городке Буштени. Отсюда открывается самый впечатляющий вид на Караиман. На самой вершине горы сооружен гигантский крест (высотой 40 метров). Он настолько велик, что виден с большого расстояния. Воздвигнут в память о павших в долине Праховы румынских воинов в первую мировую войну.

После Буштени проезжаем через живописное местечко Пояна Цапулуй и въезжаем в прославленную и известную за пределами Румынии Синаю. Это несомненно самый благоустроенный среди горноклиматических курортов не только Румынии, но и Восточной Европы, и по праву носит название “Жемчужина Карпат”. Расположена Синая на высоте 850 м над уровнем моря, в 120 км от Бухареста. Самой большой ее достопримечательностью является расположенный в окрестности курорта летний королевский дворец “Пе-

леш”. Центром же курорта является парк с отлично ухоженными аллеями. Прямо к парку примыкает лучший отель Синаи “Пост-эварул”, а в самом парке расположено великолепное здание Дома культуры профсоюзов, которое конечно же имело раньше другое назначение. Здесь было весьма популярное далеко за пределами Румынии Казино, куда из ближайших стран толпами стекались любители азартных игр.

Синая основана в 1668 году Михаем Кантакузино, построивший здесь монастырь и церковь под этим библейским названием, во исполнение данного им обета. Дан же был обет на случай спасения от своего злейшего врага Григория Гика. Кантакузино спасся, а страна получила прекрасное сооружение, выдержанное в стиле французского классицизма. Но особенное очарование придает Синае окружающий ее прекрасный карпатский ландшафт, горы весьма своеобразных очертаний, покрытых хвойными лесами. На склонах и вершинах виднеются расставленные тут и там с большим вкусом отели, виллы, горные хижины, и среди них белоснежная громада отеля “Альпин”, возвышающаяся высоко над Синаей, куда на завтра намечено наше восхождение.

30 июля, после ночевки в Предьяле, выезжаем в Синаю. Первым объектом экскурсии является дворец “Пелеш”, получивший свое название от протекающей рядом речки. Местность вокруг дворца поистине прекрасна, а своеобразная архитектура дворца и разбитые вокруг декоративные парковые террасы на разных уровнях еще более украшают окружающую природу. Строительство дворца было начато в 1875 году Каролем I и завершено в 1914 году королем Фердинандом. Почти 60 лет дворец являлся летней резиденцией румынского королевского дома Гогенцоллерн-Зигмаринген, включая последнего отпрыска этого дома Михая I. Строительство велось в три этапа, из коих первый принадлежит венскому архитектору Додереру, второй – тоже венцам – архитектору Шульцу и скульптору

Штёру, а завершил работы чешский архитектор Карел Лиман. Дворец состоит из трех отдельно стоящих сооружений – самый большой и роскошный – “Пелеш”, намного меньше него – “Пелишор” (означает “пелешёнок” в смысле “сыночек”) и самый маленький – “Фоишор” (означает нечто вроде “внучек”). При народной власти “Пелеш” превращен в музей, так как помимо прекрасной отделки в нем собрано значительное количество сокровищ искусств, а “Пелишор” и “Фоишор” стали домами отдыха для писателей и работников искусств. Архитектура дворца выдержана в стиле Германского Возрождения, с явными элементами готики. Внутренние помещения дворца эклектичны по стилю, Германское Возрождение искусно чередуется с итальянским и английским ренессансами, а также с барокко, рококо, мавританским и другими стилями. Многочисленные террасы парка, украшенные скульптурами и фонтанами, сооружены в стиле итальянского ренессанса.

Возвращаемся в Синаю, чтобы начать пешее восхождение к отелю “Альпин”, расположившемуся на высоте 1400 метров над уровнем моря. Уже неподалеку от отеля ненадолго остаёмся на вершине скалы, отвесно обрывающейся вниз на сотни метров и отсюда любуемся расстилающейся у наших ног долиной Праховы. Затем продолжаем свой путь и выходим на широкую поляну перед отелем. Остальную часть дня проводим здесь, на вознесённой высоко в горы открытой террасе отеля, в фешенебельном ресторане и в уютных салонах – музыкальном и танцевальном, а потом и на лужайке за отелем. Затемно возвращаемся в Предъял.

3 июля вновь с утра выезжаем из Предъяла, на сей раз не на юг, а на север. Впервые направляемся вниз к трансильванской равнине. Дорога извиваясь спускается по долине реки Тимиш. Проезжаем через два небольших курортных местечка – Тимишул де Жос и Тимишул де Сус (порумынски означают верхний и нижний) и вскоре въезжаем в город Брашов. Это крупный промышленный центр, по

величине четвертый город страны (124 тыс. жителей), один из областных центров провинции Трансильвания, в 230 км. от Бухареста.

История города уходит в глубь веков. В нем можно встретить исторические и архитектурные памятники семи последних столетий, что накладывает на отдельные старинные районы города ярко выраженный средневековый отпечаток. Основан он немецкими колонистами, назвавшими его Кронштадтом, как и назывался он до 1918 года, пока был в составе Австро-Венгрии. После передачи Румынии он обрел свое румынское название. Пока мы безостановочно проезжаем через Брашов, направляясь к расположенному в 30 км. от города средневековому замку Бран. Слева по пути к Брану хорошо видна сооруженная на вершине конусообразной горы средневековая крепость Рышнов. Замок Бран расположен на неприступной для тех времен скале. Основан он в 1377 году венгерским королем Людовиком Великим (достраивался королем Геза в первой половине XV века) на большом торговом пути, который вел от Кронштадта через перевал на Кымпулунг и Тырговиште. С целью сохранения средневекового колорита замка все внутренние помещения, их устройство и убранство, оставлено почти без каких-либо изменений.

После осмотра замка Бран возвращаемся в Брашов. Знакомство с городом начинаем с площадки на крыше многоэтажного отеля “Кар паць”, откуда город виден как на ладони. Спустившись едем на новую заводскую окраину города. Улицы здесь выглядят пока неважно, очень мало зелени и даже немного пыльно. Зато выросли огромные заводские корпуса, в частности пока единственный в стране завод грузовых автомобилей (выпускающий заодно паровозы и вагоны) “Стягул Роша” (Красное Знамя). Рядом корпуса, тоже единственного в стране, тракторного завода им. Эрнста Тельмана. Немного поодаль возвышаются корпуса и трубы ряда других предприятий.

С заводского района направляемся в старинную часть города и сразу попадаем с XX века в XIV. Здесь, прямо под сенью уцелевших остатков старинных городских стен, разместился Краеведческий музей. Многочисленные экспонаты свидетельствуют о многовековой истории города. Центральное место в музее занимает огромный, очень рельефно выполненный, макет города Кроштадта-Брашова в XIV – XVI веках. Из музея идем в расположенный недалеко знаменитый средневековый собор “Бисерика Ньягре” (Черная церковь), построенный в классическом раннеготическом стиле. До 1533 года церковь была католической, но с этого времени, благодаря усилиям действовавшего в Кронштадте очень популярного в странах центральной и восточной Европы реформатора Хантеруса, стала лютеранской. Этот проповедник известен еще и тем, что явился основателем первой типографии в Румынии. Не случайно что у стен Черной церкви ему воздвигнут памятник. Но самой большой достопримечательностью Черной церкви является ее орган, считающийся одним из лучших в мире.

Этот день был “концертный” и нам довелось послушать прославленный орган, показавшийся действительно неординарным. Уходя из Черной церкви замечаем высоко на карнизе каменную фигуру мальчика, падающего вниз. Виктория поясняет, что во время строительства церкви один из мастеров заметил, что юноша-подмастерье начинает превосходить его по мастерству и дабы избавиться от конкурента сбрасывает зго вниз. Однако мучимый совестью мастер впоследствии изваял каленное изображение юноши как раз на месте падения.

После посещения церкви бродим по самым многолюдным торговым лицам города. От центральной площади берут начало богато озелененные улицы и бульвары, пользуемся прохладой и довольно долго отдыхаем, посиживая на тенистых скамьях.

Поздно вечером возвращаемся в Предьял.

Наш приезд в Бухарест назначен на 1 августа ровно к 7 часам вечера. Из-за огромного потока туристов бюро “Карпац” устанавливает график рассчитанный строго по часам. По графику движения нашей группы предполагалось что из Предъяла мы должны выехать в послеобеденный час. Однако мы настояли на утреннем выезде, чтобы за день повидать больше. Поэтому сразу же после завтрака мы покинули Предъял и выехали в южном направлении. Едем по знакомой дороге, одна за другой остаются позади Азуга, Буштени, Пояна Цапулуй, Синая. Вскоре прибываем в расположенный среди холмов городок Кымпина. В первый раз, по пути в Предъял мы проехали через него безостановочно, теперь же останавливаемся здесь для осмотра местных достопримечательностей. Самая главная среди них - реликвия румынского народа – Дом-музей великого художника Николае Григореску.

Входим в дом, где провел много лет своей жизни выдающийся мастер. Здесь заботливо хранятся многие из его картин, начиная с произведений отроческих лет и кончая полотнами кисти большого мастера, написанными незадолго до смерти. Григореску прожил почти 70 лет (1838 – 1907) и оставил около двух тысяч полотен, большинство которых ныне украшает музеи Румынии. С 23-х лет он много путешествовал, вначале по Франции, живя подолгу в Париже и Барбизоне лучшей памятью о котором является его этюд “Цветок среди цветов” – портрет на плейере дочери выдающегося барбизонца Милле, хранящийся здесь же в Кымпине), затем по Турции, Греции, Италии. Участие Григореску в войне 1877 – 1878 годов оставило свой след в ряде батальных полотен, лучшие из которых “Битва под Смердэном”, “Часовой”. Следующим объектом экскурсии явилась расположенная в окрестностях Кымпины бывшая политическая тюрьма, самая печально известная в Румынии. Едем из Кымпины на восток и вскоре подъезжаем к мосту через небольшую реку Дофтану, давшую свое название этой тюрьме. На противопо-

ложном берегу виднеются большие серые корпуса, как утверждают – самое чудовищное гнездо сигуранцы, политическая тюрьма “Дофгана”. Она так велика, что осмотр занял немало времени. Камеры здесь всех видов, от больших для коллективного содержания, до крохотных, почти совершенно темных одиночек.

На дверях многих из таких камер прикреплены билетки с именами руководителей новой Румынии – Георгиу-Деж, Киву Стойка, Ион Маурер, Георге Апостол, Эмиль Боднараш и другие, прошедшие здесь многие годы своей жизни. Погиб в тюрьме один из наиболее выдающихся деятелей коммунистического движения в Румынии – Илие Пантелие. У тюремных ворот ему поставлен памятник.

После осмотра “Дофтаны” возвращаемся в Кымпину и берем курс на Плоешти. Поездив немного по этому городу выезжаем из него в направлении Бухареста, до которого отсюда километров 60. Не доезжая столицы отклоняемся влево от магистрали и подъезжаем к большому озеру, вокруг которого разбит огромный лесопарк. Это озеро и парк Снагов, одно из любимых жителями столицы загородных мест. Но до 7 часов вечера, когда нам “разрешено” прибыть к бухарестской гостинице еще далеко, поэтому едем пока в Могошоайя, где расположен исторически и, главное, архитектурно интересный старинный дворец, классический памятник эпохи Бренковяну. Однако, проникнуть во дворец не удастся, он уже закрыт. Покрутившись вокруг него садимся в автобус и направляемся в Бухарест.

Случилось так, что в Бухарест мы въехали не с “парадного крыльца” и по началу едем по заводским кварталам города. По мере приближения к центру улицы становятся наряднее и оживленнее. Вскоре выезжаем на широкую грохочущую многолюдную улицу. Это одна из лучших магистралей Бухареста – бульвар Магеру. Автобус останавливается перед большим отелем “Амбасадор”, одним

из лучших в Бухаресте. Приводим себя в порядок и спускаемся на ужин в ресторан отеля. Завершается первый день августа.

2 августа в 6 часов утра выхожу на утреннюю прогулку по Бухаресту. От бульвара Магеру по strada Франклин выхожу на площадь Респубжки (бывшая Королевская). Здесь ряд уникальных зданий – самое выдающееся среди них здание Государственной Филармонии – “Румынский Атенеум”. Под углом к нему отель-люкс “Атений-Палас”, на противоположной стороне, за высокой чугунной оградой, возвышается бывший Королевский дворец, ныне здесь Музей искусств. Прямо напротив него здание Центральной библиотеки Университета.

С площади Республики выхожу на самую популярную улицу Бухареста Калья Виктория (Путь победы), сравнительно неширокую, на которой нет никаких линий городского транспорта, тем не менее наиболее многолюдную, потому что здесь сосредоточены лучшие магазины, в их числе огромный универмаг. На этой же улице много театров, кино, ресторанов и кафе, расположены такие уникальные здания как Центральный дом Румынской Армии, Главный почтамт и другие.

После завтрака начинаются организованные экскурсии. Первый объект – Музей естественной истории. Едем по бульвару Магеру, мимо памятника Николае Балческу, по бульвару Ани Ипатеску и выезжаем на круглую площадь, где расположен названный музей, носящий имя своего основателя Григоре Антипа. Было бы правильнее назвать музей зоологическим, так как кроме небольшого геологического отделения, всё остальное представляют прекрасные зоологические коллекции. Отсюда едем в Музей имени Замбахчьяна. Этот наш соотечественник обратил всё свое богатство на приобретение полотен и скульптур румынских мастеров. Для их размещения Замбахчьян построил специальное здание и недавно преподнес свои сокровища в дар румынскому правительству, которое

воздав должное заслугам мецената, сохранило музей в нетронutom виде, присвоив ему имя Замбахчяна и одновременно переименовав улицу в Страда Замбахчян. В коллекции много шедевров Григореску – “Опушка леса Фонтенбло”, “В трактире”, талантливейший “Портрет молодой женщины”, “Автопортрет в шапке”, “Купальщица”, “Цыганка” и другие. Здесь же впервые знакомимся с творчеством выдающегося художника Иона Андрееску, прожившего очень короткую жизнь (1850 – 1882), но выдвинувшегося в ряды самых крупных мастеров своего времени.

Андрееску провел несколько лет своей жизни в Барбизоне, и определился как художник пейзажист. Самый замечательный шедевр Андрееску – “Зима в Барбизоне” находится в коллекции Замбахчяна. Другие румынские мастера, особенно Лукиан и Палладий, также представлены в этой коллекции весьма неплохими полотнами.

Продолжая поездку по Бухаресту едем по проспекту Киселева к сооруженной на другом его конце большой триумфальной арке, прославляющей победы румынского оружия. Весь прилегающий район в целом красив и носит название “Маленький Париж”, так как состоит из системы тенистых бульваров, засаженных каштанами, за которыми виднеются силуэты богатых особняков.

Возвратившись в гостиницу и немного приведя себя в порядок идем в цирк. После представления, уже поздно вечером, опять пешком, по шумным улицам воскресного летнего вечера, идем на ужин в самый шикарный и весьма оригинально сконструированный ресторан Бухареста – “Лидо”. На этом завершается первый день пребывания в Бухаресте.

3 августа экскурсии начинаются с посещения колыбели Бухареста, т.е. того места, где, по преданию, зародилась будущая столица румынского государства. Это совсем небольшая церковь, заложенная в XIV столетии предполагаемым основателем Бухареста пастухом Буку (отсюда “Букурешти”, означающее нечто вроде “Бук-

ское”). Но это предание, а более реальным является утверждение, что Бухарест основан в XVI столетии. Тем не менее церковь Буку считается первым строением Бухареста и мы не можем миновать ее.

От церкви Буку едем по набережной единственной реки, протекающей через Бухарест – Дымбовицы, настолько малой, что мудро ее заметить. Наш путь к самому высокому пункту в целом плоского Бухареста. Здесь расположен духовный православный центр Румынии – Митрополия – главный собор, несколько церквей и духовная семинария. Тут же расположилось величественное здание бывшего парламента, ныне Великого Народного Собрания.

Настает черед целого армянского комплекса, расположенного в центре города на улице Республики. Сердцевиной комплекса является почти новая церковь, сооруженная на просторной озелененной территории, окаймленной со стороны улицы массивной чугунной оградой. Возле церкви памятник генералу Андранику. В комплексе имеется несколько зданий, занятых Домом культуры, армянской школой и редакцией газеты “Нор кянк”. Встречают и провожают нас наши соотечественники в общем приветливо.

После кратковременной остановки на помпезной Университетской площади, украшенной несколькими внушительными памятниками, главны среди которых – Михаю Храброму, едем на северо-восточную окраину города, где расположено грандиозное здание Полиграфическо-издательского комбината “Скынтейя” (Искра). Теперь едем к аэропорту Баняса (названного по ближайшему лесу), осматриваем всё, что можно, и направляемся в лес, который и называется “Баняса”, чтобы пообедать в отличном загородном ресторане. После обеда едем в самый большой из целой цепи окружающих Бухарест кольцом загородных озер. В крупнейшем по территории парке раскинулась водная гладь двух озер – Херестреу и Флоряска, соединенных между собой посредством шлюзов. На

Херестреу забираемся в катер, совершающий прогулочные рейсы по обоим озёрам.

Возвращаемся в Бухарест и вскоре подъезжаем к одному из интереснейших зданий города – “Румынскому Атенеуму”. Подобное античное название хорошо сочетается с классическим фасадом здания. Нас встречает один из профессоров Бухарестской консерватории, который показывает все интерьеры и даёт необходимые пояснения.

До вечера остается еще немало времени и мы с Симой, отделившись от группы, идем в центральный городской парк Чишмиджиу. От бульвара Магеру, через Университетскую площадь, выходим на улицу Республики, пересекаем Калья Виктория и пройдя мимо величественного здания Дома Армии подходим к парку, разбитому вдоль целой цепи соединенных между собой озер. Повсюду разнообразные ажурные пешеходные мостики, живописные аллеи, в том числе “профилированные” – детские аллеи, аллеи поэтов, студентов, и даже пенсионеров. Посидев на берегу пруда и погуляв по аллеям, выходим из парка с другого конца и через лабиринт улиц и переулков выходим на площадь у Белой церкви и отсюда на бульвар магеру к “Амбасадору”. В вестибюле отеля встречаем оперных певцов, румынских армян, Гарбиса Зобиана и Давида Оганесяна. Если Зобиан прилично говорит по армянски, то Ованесян не знает ни звука ни по-армянски, ни по-русски. В общем кое-как, довольно занимательно, беседуем.

Наступило время идти на прощальный ужин в ресторане “Лидо” и оба певца принимают в нем участие. Появляются представители бюро “Карпаць” и произносятся тосты с взаимным славословием.

4 августа был последним днем нашего пребывания в Румынии. Завтракаем в “Лидо”, куда приходят для прощания с нами Гарбис Зобиан и Давид Ованесян. Тут же я фотографирую их на память среди нашей публики. До назначенной на II часов экскурсии ос-

тается свободное время, поэтому отправляемся на последнюю прогулку по улицам Бухареста. Идем по цепи бульваров к “маленькому Парижу”, оттуда выходим к самому концу Калья Виктория, проходим ее всю, рассматриваем примечательное здание музея Джордже Энеску и ровно к 11 часам подходим к Бывшему Королевскому дворцу, где теперь размещается Национальный музей искусств. Если не считать довольно обширного отдела румынского искусства феодального периода (керамика, мебель, вышивки и т.п.) очень ценной коллекции восточных изделий из нефрита и еще кое-чего, всё остальное представляет собой богатейшее собрание полотен румынских и иностранных мастеров.

Сперва осматриваем блистательную коллекцию картин румынских художников – Григореску, Теодора Амана, Иона Андрееску, Лукиана, Корнелиу Баба, Палладия. Это первая линия румынской живописи, а за ней идут очень недурные следующие линии. Затем следуют залы иностранной живописи, где рассматриваем полотна – Тициана, Тинторетто, Эль-Греко (здесь великолепное и невероятно большое его полотно – “Рождение Христа”), Мурильо, Веласкеса, Рембрандта, Рубенса, Ван-Дейка, из русских мастеров, Айвазовского и Серова. Все эти сокровища собирались королевским домом Зигмаринген-Гогенцоллернов. Уезжая в эмиграцию король Михай I по разрешению нового правительства увез лишь 12-13 полотен.

Оставшееся до отъезда время уходит на обед всё в том же ресторане “Лидо” и на сборы. Наконец отъезжаем от “Амбасадора” и вскоре приезжаем на главный вокзал города “Бухарест-Норд”, где погружаемся в вагон Бухарест-Варна, прицепленный к софийскому поезду. Поезд едет прямо на юг по почти безлесной придунайской равнине. Последние километры перед Джурджу дорога проложена по косогору с постепенным спуском к реке. На пограничной станции Джурджу в вагон входят румынские пограничники, но ничего не проверяют, только сопровождают поезд при переезде через границу,

и мы беспрепятственно доезжаем до болгарского пограничного пункта – города Русе. Между румынским Джурджу и болгарским Русе, через пограничный Дунай перекинут новый грандиозный мост, как говорят самый большой в Европе (двухъярусый, автомобильно-железнодорожный). В Русе длительная остановка. Здесь наш варненский вагон отцепляется от софийского поезда и спустя несколько часов, после пограничных процедур, отправляется в составе поезда Русе-Варна. Это происходит поздно ночью, когда мы, не дождаввшись отправления, засыпаем.

Рано утром 5 августа вскакиваем и выглядываем из окна вагона, посмотреть – какая она Болгария, Поезд стоит на большой узловой станции Каспичан, по соседству с городом Нови Пазар. Дальше поезд идет по широкой долине, по обе стороны невысокие холмы, покрытые мелколесьем и кустарником. Проезжаем городок Провадию, а спустя некоторое время показывается Белославское озеро, уже совсем под Варной. Показывается и большое Варненское озеро, которое я чуть было не принял за морской залив. В седьмом часу утра подъезжаем к перрону Варненского вокзала. К вагону подходит молодая светловолосая девушка и рекомендуется нашим гидом. Зовут ее Мария Тодорова и говорит она порусски превосходно. Рассаживаемся в автобусе “Шкода”. Мария и шофер Тончо Иванов с этого момента и до завершения поездки по Болгарии постоянно сопровождали нас.

Автобус трогается от вокзала, проезжает через центр Варны, затем по зеленой аллее бульвара Василя Коларова, проложенного вдоль большого приморского парка и вскоре выезжает из города. Проехав километров 9 приезжаем на курорт Варну. В огромном парке, разбитом на крутом морском берегу, расположено 11 отелей, кафе, рестораны, декоративные беседки, киоски и пр. Наша группа размещается в трех отелях. Мы попадаем в отель “Лебед” (т.е. “Лебедь”).

Некоторое время уходит на устройство. Наш номер выходит прямо на море, перед номером небольшой балкон с шезлонгом. После завтрака Мария и наш “интуристовский” Ванюша собрались ехать в город, чтобы получить в банке болгарские деньги. Я не удерживаюсь от желания ближе посмотреть Варну и увязываюсь за ними. Выходим на трассу и маршрутным автобусом едем в Варну. Получение денег занимает несколько минут и теперь скорее на пляж, а пока оглядываю центральные кварталы Варны, тут же Оперный театр и главный Варненский собор. Варна один из древнейших городов Европы, Основана еще в VI веке до н.э. древними греками, названшими его Одессос (говорят по имени Одиссея). Теперь Варна третий город Болгарии, областной центр с населением 120 тыс. жителей. Кроме того, что это лучший курорт на западном побережье Черного моря, здесь довольно развита промышленность, в том числе судостроительная. Варненский морской порт хорошо оборудован и вполне современен.

Подождал автобус и мы возвращаемся на курорт Варну. Все уже на пляже и мы спешим туда же. Так проводим время до обеда, после чего едем на организованную экскурсию. Прежде в несомненно лучшую часть города – Приморский парк. Он велик и украшен памятниками, просто скульптурами, здесь же открытые театры, летние рестораны, и главный среди последних “Казино”, сооружение весьма интересном и оригинальной конструкции. На краю парка устроен Морской биологический музей с богатым аквариумом. В нем в натуре представлена вся черноморская фауна, от рептилий до самых крупных разновидностей, а также некоторое количество экзотических живых экспонатов.

По выходе из парка конечно встречаем армян, которых в Варне довольно много. Они ведут нас к клубу “Ереван”, но организованной встречи не получилось, помещения клуба в ремонте. Еще немного прогуливаемся по городу и возвращаемся на свой курорт. Перед

ужином пытаемся еще раз искупаться в море, но увы, несмотря на август и отличную погоду, вода невыносимо холодна.

Первая половина дня 6 августа посвящается отдыху и купанию в море. После обеда выезжаем в северном направлении, к расположенному в 8 километрах от Варны другому черноморскому курорту – Златни Пяци (Золотые пески). Немного не доезжая до главной цели поездки автобус сворачивает в сторону от берега и круто взбирается в гору. Поднявшись на значительную высоту, упираемся в отвесную известняковую стену, в которой высечены узкие галереи и конуроподобные кельи. Это Аладжа-монастырь, выдолбленный не то в IV, не то в VI веке, точные сроки почему-то не установлены.

Однако, ничего примечательного этот Аладжа-монастырь не представляет собой и мы съезжаем вниз на курорт Златни Пяци. Это совсем “новенький” курорт, ему всего несколько лет. Но здесь уже выстроено немало комфортабельных гостиниц. Кроме того, чуть выше первой линии курорта, под густым сводом деревьев, установлены крохотные деревянные двухместные дачки, их уже 520 штук. Построено также множество ресторанов и кафе, от самых простеньких до фешенебельных, красивый летний театр, кинотеатры и даже стадион. Вообще же курорт заслуженно получил наименование “Болгарская Ривьера”. Мягкий климат, живописный лесистый берег и подлинно золотой пляж, протянувшийся на 3 км и шириной до 100 метров. Не случайно, что курорт кишит иностранцами. Примечательны и возможности, созданные для отдыха целыми семьями.

Ужин был организован в самом фешенебельном ресторане курорта – “Казино”. Мы расположились на одной из верхних террас и наблюдаем оттуда море людей, ужинающих и танцующих внизу. Поздно вечером возвращаемся на курорт Варна.

Утром 7 августа прощаемся с Черным морем и углубляемся в Болгарию, удаляясь от моря. Проезжаем через город Варну и выезжаем на софийское шоссе, по которому до столицы 500 км, но мы

одолеваем гораздо большее расстояние, так как нередко отклоняемся в сторону. Первый значительный городок на нашем пути – Нови Пазар, а за ним вскоре появляется один из областных центров страны – город Шумен. В этом городе причудливо смешиваются славянский и мусульманский стили, так как Шумен в течение нескольких веков являлся центром оттоманских властей в северо-восточной Болгарии и это наложило характерный отпечаток, прежде всего виднеющимися тут и там высоких остроконечных минаретов. Еще и сейчас вокруг Шумена проживает много турок, которых мы повсюду видели.

Довольно долго бродим по Шумену, обходим несколько улиц и площадей (и здесь как и во всех болгарских городах есть улица Царя-Освободителя, то-бишь Александра II). Конечно, встречаем армян, их здесь много и вокруг нашего автобуса столпилось значительное число наших соотечественников. Только в 6 часов вечера тронулись из Шумена, проведя здесь почти целый день. Проезжаем городки – Тырговиште, мимо Омуртага, и в Антонове, откуда еще 40 км до Тырнова, стемнело.

Итак, приезжаем в Тырново уже поздним вечером и только успеваем поужинать в довольно провинциальном ресторане, затем устроиться в совершенно примитивной гостинице “Шипка”.

8 августа чуть ли не на рассвете выхожу из отеля “Шипка”, в котором не было желания долго оставаться. До завтрака еще далеко и можно совершить утреннюю прогулку. Вхожу в городской парк, откуда открывается живописная панорама хребта “Стара Планина”, как называют болгары Балканский хребет. Вверху от Тырнова, в 75 км, на вершине Столетова, сооружен памятник героям Шипки, а здесь, в Тырново, напротив давнишнего памятника генералу Скобелеву, воздвигнут новый памятник маршалу Толбухину.

Вдоль верхней ограды парка проложена улица опрятных особняков, принадлежавших местной знати. Выводит она на цент-

ральную площадь Тырново, где посредине озелененного архитектурного ансамбля, да еще и обрамленного розовыми кустами, сооружен величественный памятник болгарским воинам. Его вершина увенчана коленопреклоненной женщиной, держащей в руках национальный флаг.

После завтрака направляемся к колыбели не только Тырново, но и всей Болгарии – холму “Царевец”⁷. В одной из излучин протекающей здесь реки Янгра (правый приток Дуная) возвышается высокий холм, со всех сторон круто обрывающийся в реку отвесными скалами. Здесь и был сооружен “Царевец”, представлявший неприступную крепость. Отдельные башни и части стен сохранились, особенно хорошо – Балдуинова башня III века. На холме находились царский дворец и патриарший двор. История Тырново начинается с XII века, когда в 1185 году под руководством местных бояр, братьев Асена и Петра, здесь вспыхнуло восстание против Византии. Уже в 1187 году Тырново было провозглашено столицей Болгарии, а Асен стал болгарским царем Асеном I. Город оставался столицей Болгарии в течение двух веков, пока в 1393 году не был захвачен турками, господство которых над Болгарией продлилось пять веков. После освобождения русскими войсками Тырново вновь стало столицей страны, и именно в Тырново, 10 февраля 1879 года, Учредительное собрание приняло первую конституцию Болгарского государства.

Само Тырново расположено амфитеатром на крутых скалистых уступах, обрывающихся в Янтру. Архитектура в основном представлена стилем позднего болгарского Возрождения XIX века, но в городе очень много более старинных построек. Поэтому в 1955 году Тырново было объявлено “Музейным резерватом”.

Спустившись с холма “Царевец” долго ходим по узким и крутым улицам и, наконец, выезжаем из Тырново всё по тому-же софийскому шоссе. Проезжаем через много сел, городок Севлиево, и

за селом Петко Олавейков отклоняемся от шоссе на северо-запад в направлении города Ловеч. Проехав через него, перебираемся на левый берег реки Осым по мосту, на котором по обе стороны построены лавки в типично средневековой манере. Теперь берем курс на Плевен, куда приезжаем в 3 часа дня. Размещаемся в гостинице, расположенной в 4 км. от города в живописном ущелье “Кайлыка” и вскоре выезжаем в Плевен. Это один из стариннейших городов Болгарии, ныне областной центр (по величине 6-ой город – 69 тысяч жителей). В городе значительная промышленность, но славится Плевен виноделием.

Мировую известность городу принесли происходившие здесь бои русско-турецкой войны 1877 – 1878 годов. Именно под Плевеном произошло решающее сражение, ознаменовавшее освобождение Болгарии, да и всего Балканского полуострова от турецкого ига. Сражение длилось почти полгода и завершилось полной победой русского оружия. В этой кампании отличились генералы Скобелев, Драгомиров, Тотлебен, Столетов, Гурко, которым в разных местах Болгарии воздвигнуты памятники, к тому же по несколько на каждого.

Главным ансамблем Плевена является сооруженный на центральной площади города в память о павших русских воинах большой “Мавзолей-Костница”. Это высокая часовня в византийском стиле, окруженная кипарисами и массивной каменно-чугунной оградой, на которой тут и там вделаны пушки. На наружных стенах мавзолея вделаны доски, на которых-высечены фамилии павших офицеров.

Мавзолей построен к 30-летию победы по проекту Пенчо Койчева. Внутренний позолоченный иконостас сделаны художниками Антоном Митовым и Иваном Мрквишкой. Резьба сделана Иваном Травницким, а бронзовый рельеф над воротами Жеко Спиридоновым. На двух внутренних стенах прикреплены копии огромных картин

Верещагина – “Перед атакой” и “Панихида на поле”. В склепе под полом главного зала 3 саркофага, заполненные собранными с поля брани костями павших (отсюда название “Костница”). Мавзолей входит в состав Плевенского Военно-Исторического музея, другой частью которого является “Музей освобождения Плевена”. Вокруг последнего разбит Мемориальный Скобелевский парк. В здании музея и помещался штаб генерала Скобелева. Сюда был привезен плененный турецкий генерал Осман-паша, на допросе которого присутствовал приехавший царь Александр II. Вокруг в разных формах выставлены военные трофеи.

Поездив еще по Плевену уезжаем в расположенный в том же ущелье “Кайлыка” ресторан-пещеру на ужин. Этот день завершен.

Рано утром 9 августа выезжаем из Плевена в Софию. Проехав большие села – Ясен, Дольний Дубник, делаем остановку в 30 км. от Плевена близ села Горний Дубник. Здесь и произошло решающее сражение между турками и отрядом генерала Гурко. Оно вошло в русскую историю под названием “Дело под Горным Дубником”. Теперь здесь, на площади в 40 га, разбит “Парк Освобождения”, где находится много памятников и братских могил русских воинов. В небольшом домике устроена выставка военных реликвий.

Едем дальше. Вскоре проезжаем городок Луковит и рад опрятных сел – Златни Панега, Яблоница, Джурово, Осиновица, Трудовец, а вот и Ботевград. Где-то здесь в 1876 году в сражении с турками пал Христо Ботев. За Ботевградом въезжаем в тесное ущелье реки Вебреш и начинаем подъем на перевал через Балканский хребет, который переезжаем через Чурекский перевал, лежащий между вершинами Баба (1787 м) и Мургаш (1687 м). На высшей точке перевала делаем небольшую остановку, затем начинается спуск к обширной равнине, которая называется “Софийское поле”. За селом Чурек, возле дороги, сооружен памятник девушке-партизанке. Проезжаем Чанкову и Яну, за которой Варненское шоссе

сливается с Бургасским и Отаро-Загорским. Вот и пригородные села – Дольный Богров, Враждебна, и около часу дня въезжаем в Софию.

Первая софийская улица – длинная и широкая Орхана, застроенная в общем неприглядными домами, но дальше идут бульвары Сакизова и Заимова, которые выйдут получше. От памятника Василя Левского начинаются достойные столицы Бульвары и улицы Софии. Вскоре въезжаем на просторную площадь, с черной по цвету церковью св. Недели (Воскресенья) посередине. Напротив нее высится многоэтажный отель “Балкан”, где мы и размещаемся. Нам достается двухместный номер экстра-люкс с несколькими помещениями и балконом выходящим на бульвар Стамболийского.

София пережила многовековую бурную историю. Основана она еще до нашей эры фракийцами, а в начале нашей эры город, под названием Сердика (от фракийского племени “серды”) вошел в состав Римской империи. С VI века Сердика оказалась в пределах Византии, а с начала IX века вошла в образовавшееся здесь славяноболгарское государство, получив название “Средец”. В 1386 году София была захвачена турками, став центром всего европейского вилайета Турции. Спустя некоторое время после освобождения (в январе 1878 года) сюда из Тырново была перенесена столица независимого болгарского государства.

После обеда направляемся к расположенному рядом Мавзолею Георгия Димитрова. Как раз происходит развод караула, по окончании которого мы входим, и, пройдя несколько корридоров, попадаем в усыпальницу, где установлен саркофаг. Во всё остальное время дня мы предоставлены самим себе и разбившись на произвольные группы отправляемся знакомиться с Софией. Центр города выгладит вполне по столичному. По одну сторону от отеля “Балкан” просторная площадь, а на ее противоположной стороне возвышаются монументальные здания – Совета Министров, Госплана, и рядом с ними – Центрального универмага. С меньшей стороны пло-

щадь рассекается на две ветви высоким угловым “Домом Партии” (ЦК БКП), увенчанным высоким тонким шпилем.

Проходим по правой стороне “Дома Партии” мимо увитого зеленью Археологического музея и большого здания Народного Банка и выходим на площадь 9-го сентября. Здесь и расположен бывший Королевский (впрочем, правильнее – “царский”) дворец, отведенный теперь под Картинную галерею. От площади 9-го сентября берет свое начало Русский бульвар (“Булевард Русски”) – несомненно самая нарядная магистраль Софии, особенно на участке от улицы Раковского до начала бульвара Ленина. Самыми заметными зданиями на начальном отрезке бульвара являются русская церковь и особняк, занятый австрийским посольством. На участке между улицами Раковского и Толбухина бульвар делится на две части обширной круглой площадью, в центре которой возвышается большой памятник “Царю-Освободителю” представляющий восседающего на стоящем неподвижно коне Александра Второй. Вокруг центрального постаментов расположилось множество конных и пеших фигур – здесь и Скобелев, и Гурко, и другие генералы, в окружении простых воинов.

Напротив этого памятника расположилось большое здание Софийского университета. В просвете, на холме, виднеется монументальный Храм-памятник св. Александра Невского. Продолжаем наш путь по Русскому бульвару. Эта ее часть, на отрезке от площади “Царя Освободителя” до начала бульвара Ленина, сделана в стиле парижских бульваров, вплоть до кафе на троутарах. Деревья с пышными кронами проезда. Двигаясь дальше выходим к обширному “Парку Свободы” главным ансамблем которого является грандиозный памятник Советской Армии. Он представляет собой целый ансамбль – в середине, в перспективном отдалении, на высоком постаменте – групповая скульптура с центральной фигурой совет-

ского солдата, ближе к улице, по обе стороны ансамбля, на низких постаментах, тоже сооружены групповые скульптуры.

Дальше идем по улице Толбухина, потом поворачиваем на улицы Данкова и Игнатьева, и, пройдя еще немного подходим к нашему отелю. После ужина долго прогуливаемся по центральным кварталам города, выйдя к площади 9-го сентября уже с другой стороны отеля, по улице Стамболийского и мимо Народного театра “Крыстю Сарафова”. Так состоялось наше первое знакомство с Софией.

10 августа было организовано несколько экскурсий. Прежде поехали на одну из значительных площадей города, где воздвигнут величественный собор имени Александра Невского. Построен он на народные средства согласно решению национального Собрания, принятого еще в 1879 году в знак благодарности России и преднамеренно названный именем русского святого-воителя. Однако, строительство было завершено лишь в 1912 году, да и то открыть его не успели, так как в начавшейся войне Россия и Болгария оказались в разных лагерях. Лишь в 1924 году собор был освящен. Это огромное многоярусное сооружение с множеством круглых куполов в характерном византийском стиле. Мы осматриваем его и снаружи и изнутри.

На той же площади, рядом с храмом, возвышается церковь св. Софии, основанная еще в VI веке. Из сооружений раннего христианского периода в Софии древнее этой церкви лишь переделанная в V веке из древнеримской бани церковь св. Георгия, очутившаяся сейчас во внутреннем дворе отеля “Балкан”. Главной заслугой церкви св. Софии явилось присвоение болгарской столице ее имени. Так завершилось трехкратное наименование – Сердика-Средец-София.

Между церковью св. Софии и собором Александра Невского, под сенью развесистой плакучей ивы, приютилась скромная и поэтому особенно впечатляющая могила Ивана Вазова. Она сделана

согласно его предсмертной воле и представляет собой небольшой могильный холм в простом обрамлении, с высаженными на нем незатейливыми цветочками-маргаритками. У изголовья могилы положено несколько валунов с вершины горы Витоша, излюбленного места писателя. Рядом с могилой прямо на землю поставлен обыкновенный дорожный фонарь образца прошлых веков. На противоположной стороне площади расположились два значительных здания – Народного Собрания Болгарской и Академии наук.

Теперь едем в крупнейший зеленый массив столицы – “Парк Свободы”. Наш путь лежит через весь бульвар Ленина до бульвара Яворова. Здесь входим в парк, верхнюю его часть, где воздвигнут циклопический памятник болгарским партизанам. У подножья памятника партизанская братская могила. Отсюда, прогуливаясь, идем вниз по парку до круглого живописного пруда, густо покрытого водяными лилиями. Немного отдыхаем здесь и снова выходим на бульвар Ленина, уже через нижнюю калитку.

Экскурсия продолжается в районе Софийского университета и Народного Собрания, после чего мимо Народного театра и по бульвару Стамболинского возвращаемся в отель. После обеда идем в картинную галерею, разместившуюся в бывшем царском дворце, однако ни о самом дворце, ни о коллекции картин ничего особенного нельзя сказать. Ничего ведающегося и запомнившегося!

Теперь представители Армянского культурного общества в Софии ведут нас в клуб “Ереван”. Здесь нас встречают очень тепло, Рассаживаемся в зале, представляющем нечто вроде столовой, где нас угощают сладостями. Один из руководителей общества, высокий представительный армянин, произносит приветственную речь. Ответное слово от нас произносит одна из наших консерваторок – Аня Парсамян. Нам раздают памятные значки, после чего начинается художественная часть. Приятная молодая женщина в очень непринужденной манере поет одну из лирических песен Ашота

Сатьяна. Затем худощавый мужчина выразительно декламирует удачно выбранное к случаю патриотическое стихотворение. В заключение начинаются ответные выступления наших “танталов”, к сожалению далеко не выдающиеся. Наконец тепло прощаемся с нашими соотечественниками и отправляемся на прощальный ужин в отеле “Балкан”, где рассаживаемся в небольшом банкетном зале гостиничного ресторана. Ужин проходит с соблюдением положенного ритуала по традиционной программе – пение, коллективное и сольное, танцы, в общем это всё, После ужина совершаем неторопливую продолжительную ночную прогулку по затихшим улицам Софии.

На 11 августа была намечена поездка на гору Витоша, но мы с Симой решаем остаться в Софии, чтобы побывать в таких районах города, где мы еще не были. Сперва идем по бульвару Димитрова в направлении к главному вокзалу. Недалеко от отеля возвышается громада самой большой мечети Софии Баши-Джамия, возведенной в XV столетии. Доходим до бульвара Сливница, где сооружен Львиный мост, и отсюда заворачиваем на бульвар Киркова. Здесь, на участке от бульвара Сливница и до улицы царя Симеона, по всей ширине улицы, расположился Центральный Софийский рынок, буквально заваленный отличными с виду и по разнообразию овощами и фруктами.

Пройдя через весь рынок насквозь выходим к бульвару Христо Ботева, идем по нему, затем сворачиваем на бульвар Благоева, где располагаемся передохнуть. Немного отдохнув, двигаемся к круглой площади, от которой начинается бульвар Тотлебена. Посредине площади воздвигнут обелиск, как мы выяснили, тоже посвященный Александру II. Ну это уже культ, который, однако, можно понять. Теперь идем по бульвару Скобелева, пересекаем бульвар Праги и выходим к стыку бульваров Тельмана и Сталина. Пройдя немного поворачиваем на бульвар Патриарха Евтимия и от него, по улице

Раковского, выходим к центральным кварталам Софии и к своему отелю.

Но сегодня последний день пребывания в Софии, поэтому сейчас же после обеда опять выбираемся из отеля, едем по бульвару Дондукова и доходим до крутого переулка, за которым на возвышенности виднеется храм Александра Невского. Только что прозвонили колокола, по-видимому началась служба, и мы входим в храм. Несколько сильных мужских голосов выводят ритуальную мелодию. Внимательно рассматриваем все весьма пышные интерьеры храма. Выйдя из него долго сидим на скамеечке возле скромной могилы великого Вазова. Затем идем к пышному скверу, раскинувшемуся у самых стен Университета. В большом сквере высажены только розы, море роз, несметное число, огромные, всех мыслимых и немыслимых цветов, они прямо-таки неистово благоухают.

Спускаемся вниз, к парку Свободы, потом возвращаемся по ухоженному Русскому бульвару, мимо мавзолея Димитрова и стены, возле которой погребен Василь Коларов, и на которой сооружены бюсты других ведающихся болгарских революционеров.

Ну вот, походили и познакомились с Софией сколько было возможно и даже больше. Теперь последний ужин и сборы к отъезду. На перроне появляется большая группа болгарских армян пришедших проводить нас. Каждому из нас они преподносят по коробке шоколадных конфет (называющихся “бонбони Таралежки”). Забираемся в советский вагон прямого сообщения “София-Москва”, поезд трогается и набирает бешеный темп не взирая на крутые горные повороты.

За ночь с 11 на 12 августа мы проехали почти всю Болгарию и утро застает нас под Русе. Здесь опять длинная остановка, проходим пограничные процедуры и при полном расцвете яркого солнечного утра пересекаем Дунай. Вскоре остаются позади Бухарест и Плоешти, дальше один за другим идут уже знакомые – Бузеу, Рымникул-

Серет, Текуч, Бырлад, и во второй половине дня приезжаем в Яссы, где стоим долго из-за пограничных формальностей. Уже начинает смеркаться, когда мы трогаемся из Ясс по направлению к советской границе, и вот показались высокие холмы на советской стороне реки Прут. Вскоре поезд останавливается в Унгенах. Здесь берем билеты до Одессы (Большинство членов группы решает ехать через Киев или даже Москву) и поздно вечером трогаемся из Унген. Но чтобы пересесть на поезд идущий в Одессу, нужно в половине шестого утра сойти с поезда на станции Раздельная. Выходим. Однако, оказывается что это Раздельная-II, а на Одессу нужна Раздельная-Главная. Поэтому втискиваемся в набитую доотказа дрезину и приезжаем туда. Вскоре удается влезть в проходящий здесь поезд “Ленинград-Одесса” и уже в 8 часов утра 13 августа мы достигаем цели нашей поездки. Здесь нас конечно никто не обслуживает и начинается труднейшая самодеятельность.

Кое-Как устраиваемся в гостинице “Одесса” (бывшая “Лондонская” на Приморском бульваре), где прожили до 16-го августа. Посетили несколько музеев, к примеру – русского и украинского искусства, затем западного и восточного искусства, съездили на катере в Лузановку, побывали в главном приморском парке (имени Шевченко) и бесконечно бродили по улицам города, в один из вечеров проникли в Оперный театр, но спектакль оказался рядовой.

С невероятными трудностями достаем билеты на теплоход “Грузия” и 16 августа в 5 часов дня покидаем Одессу, направляясь в Сочи. Наш путь до этого людского водоворота продлился почти двое суток. Стояли в Евпатории, Севастополе и Ялте, а на следующий утро проехали Туапсе и в 3 часа дня 18 августа прибыли в Сочи. Как и следовало ожидать, нельзя было и думать, что в Сочи можно так просто сесть в поезд. Поэтому на следующий же день, переночевав за немалую плату в частном получулане, еще затемно, самой первой местной электричкой выезжаем в Сухуми, понадеяв-

шись на помощь работающего в военной комендатуре станции Сухуми знакомого. Наши расчеты оправдались, знакомый нашелся, и через несколько часов удалось погрузиться в проходящий поезд “Москва-Тбилиси”. Поздно вечером 19-го августа прибыли на мою родину, где ждала нас Ирочка, гостившая у Риты на даче в Кикетах. 23-го августа, уже все вместе, приехали домой в Ереван.

В Ереване продолжалась моя работа в качестве начальника (неполюбобившегося мне) ЦСУ, но делать было нечего, пришлось терпеть. Подошел к концу, без особых происшествий, 1959 год и наступил 1960-й. Пока шла обычная рутинная работа, с частыми выездами в Москву, чем, слава Богу, ЦСУ СССР особенно отличалось. А летом 1960 года я опять использовал свой отпуск для туристической поездки. На этот раз поездка была весьма интересной и приятной.

Вместе с Симой мы предприняли круиз на теплоходе по Дунаю, проехав по этой прославленной реке 1900 километров.

Итак, путешествие называлось “Круиз по Дунаю” и охватывало шесть стран – Румынию, Болгарию, Югославию, Венгрию, Австрию и Чехословакию. Из Еревана выезжаем в ночь с 8 на 9-ое августа поездом в Москву, Со мной Сима и Ирочка, которую передали с рук на руки в Ростове 10 августа. С нами и мой самый старинный друг – Оник. 11 августа прибыли в Москву, где “Интурист” прикомандировал к группе некую Разуваеву, крайне несимпатичную и невежественную даму, но мы лишены права на выбор. Как показали дальнейшие события, примириться с ней не было возможности. Особенно трудно пришлось мне, так как мне было “доверено” руководство группой.

Отъезжаем из Москвы в беспересадочном вагоне Москва–Бухарест, в составе поезда Москва–Унгены. 13 августа, уже затемно,

прибываем в Унгены и спустя короткое время пересекаем границу и приезжаем в Яссы. 14 августа поднимаемся на рассвете где-то за Фокшанами. Вскоре появляется Плоешти, а в 7 часов утра по местному времени поезд останавливается у перрона вокзала “Бухарест – Норд”. Нашим же поездом сюда прибыло сразу 200 советских туристов из разных городов страны – участников круиза.

Рассаживаемся в 55-местные “Шоссоны” и отправляемся в отель. На сей раз мы размещаемся в довольно старомодном отеле “7-ое ноября”, расположенном, однако, в самом центре Бухареста, на Калья Виктория. Позавтракав на открытой площадке ресторана “Китай” рассаживаемся в автобусе и выезжаем в первую поездку по хорошо знакомому нам по прошлогоднему приезду Бухаресту. Вначале пошли знакомые места, переезжаем речку Дымбовицу, мимо церкви Буку, затем большого парка, где строится новый пантеон, делаем непродолжительную остановку у Митрополии и здания Национального Собрания, затем еще немало ездим по Бухаресту. Наконец, выезжаем на новую для нас просторную площадь Конгрессов, в прошлом году она только строилась. Теперь направляемся в район “Маленького Парижа” и приезжаем тоже в новый микрорайон города – “Флоряска”, названный по одноименному озеру. Поселок состоит из множества трех-пятиэтажных домов, разнообразной и элегантной архитектуры. Все улицы названы именами композиторов – Чайковского, Глинки, Рахманинова, Бетховена, Дворжака и т.п., всё это с вечной гарантией, что мы отлично усвоили из нашей практики многочисленных конъюнктурных переименований.

Теперь едем в парк имени Сталина, где устроен большой и весьма своеобразный музей под открытым небом. Называется он “Румынское село”. На очень большой парковой территории, в натуре воссоздано множество сельских построек, в основном жилых домов с внутренней обстановкой, всех районов Румынии за несколь-

ко последних столетий. Даже церкви и ветряные мельницы не забыты.

Время между обедом и ужином объявляется свободным. Наш небольшой кружок, в основном тех-же лиц, решает посетить Картинную галерею. Начинаем самостоятельный осмотр, но в одном из залов сталкиваемся с прошлогодним превосходным экскурсоводом Балот.

Она узнает нас и мы присоединяемся к группе, которую она кстати ведет на русском языке.

До вечернего сбора есть еще время и мы направляемся сперва к зданию Филармонии – “Румынскому Атенеуму”, затем идем на совсем новенькую площадь Конгрессов, расположенную сразу же позади бывшего Королевского дворца. В этом году она полностью отстроена и предстала перед нами в полном великолении. Центральное место на площади занимает огромный Дворец Конгрессов с уникальным сферическим перекрытием весьма оригинальной конструкции. По другим сторонам площади веером расположились жилые дома высотой 10-18 этажей с привлекательными фасадами.

Теперь идем ненадолго в гостиницу, готовиться к вечерней поездке. На ужин едем в загородный ресторан, расположенный в лесу Баняса. На самом выезде из города проезжаем мимо ярко освещенной громады “Скынтейи”, потом мимо затейливо иллюминированного фонтана, посвященного истории о том, как ягненок спас маленького пастушка, проблеяв ему о готовящейся расправе со стороны двух злых пастухов.

За чертой города проезжаем мимо большого светящегося аэровокзала “Баняса” и вскоре въезжаем в лес того же названия. Здесь отличный ресторан с открытой террасой, где и располагаемся, наслаждаясь лесной свежестью после жаркого дня. Как и повсюду в Румынии виртуозно играет оркестр.

15 августа завтракаем в ресторане отеля-люкс “Атений-Палас” и сразу же выезжаем за город в северном направлении и через 35 км приезжаем на одно из многих озер, окружающих Бухарест несколькими кольцами, – озеро Снагов. Пожалуй это самое большое и живописное из всех бухарестских озер. На всём протяжении берега устроена стенка ограничивающая мелководную полосу, обеспечивающую безопасность для детей. За стенкой уже нормальная для взрослых глубина, поэтому для спуска устроены металлические лесенки. Мы пользуемся случаем и лезем в воду, чтобы освежиться в жаркий день. Затем совершаем прогулку по озеру на большом катере.

В середине дня возвращаемся в Бухарест, а после обеда совершаем неторопливую прогулку – выходим на бульвар Магера, идем до Университетской площади, оттуда по улице Республики до Калья Виктория. Идем и на площадь Конгрессов, чтобы лучше ее осмотреть. С площади теперь сделан прямой проход в парк Чишмиджиу и у входа в парк – большой памятник капитану Вальтеру Мырчинеску, герою войны за освобождение от турецкого ига. В этом году открываем новые для нас уголки парка, еще более живописные. Выходим из парка и поднимаемся вверх по оживленной улице Республики в направлении Калья Виктория, обнаруживая на ней несколько “обновок”, все в стиле модерн. Пора возвратиться в гостиницу, чтоб подготовиться к прощальному ужину, который состоялся на открытой площадке ресторана “Китай”. Прощальные тосты и прочие атрибуты, и отправляемся на последнюю вечернюю прогулку по Бухаресту.

Утром 16 августа уезжаем из Бухареста, на этот раз не поездом, а автобусом. Путь до румыно-болгарской границы не отличается особой живописностью. Едем по всхолмленной равнине, постепенно спускающейся в широкую долину Дуная. Вскоре прибываем в Джурджу и наши автобусы останавливаются на подступах к мосту Дружбы. Начинается долгое пограничное томление и наконец нас

поодиночке пропускают за шлагбаум. Это означает, что мы уже “там”.

Вскоре со стороны Болгарии показывается вереница автобусов, высланных нам навстречу “Балкантуристом”. Болгарские автобусы марки “Шкода” становятся рядом с румынскими “Шоссонами”, багаж. переставляется с одной крыши на другую и начинается посадка. И здесь Разуваева не преминула подсунуть армянской группе очередную мелкую диверсию, закрепив нашу группу за последней, шестой машиной, причем на всё время, дескать вот вы и глотайте пыль.

Здесь же, на границе, в нашу группу были переведены три москвички, которые просто и прочно слились по своей интеллигентности с нашим коллективом, разделив с ним все дискриминации. Эти женщины были с нами в течение всего путешествия и расстались мы с ними как с подлинными и проверенными друзьями.

Между тем, автобусы уже переехали мост Дружбы по его верхнему полотну. Съехав с дамбы уже в предместьях Русе, мы опять остановились у опущенного шлагбаума. Проходим обычные пограничные процедуры уже с болгарской стороны. Только-только мы оказались на болгарской земле, как к нам подошли три-четыре женщины и заговорили по-армянски. Оказалось, что они из числа бывших жителей Русе, переехавших в Ереван, и теперь приехавших на побывку к родственникам.

Начинаем углубляться в Болгарию, едем довольно долго без остановок, проезжаем городок Бялу, потом переезжаем через реку Янтру и вскоре въезжаем в тесное и глубокое ущелье, заросшее лесом и кустарником. Высоко, на скалистых уступах, по обе стороны ущелья, виднеются два монастыря. Гид поясняет – “один мужской, другой женский”. Не анекдот ли? Незаметно въезжаем в Тырново. Подъезжаем к построенному здесь недавно большому современному отелю, которого еще в прошлом году не было. Первым объектом

начавшейся экскурсии по Тырново оказался уже знакомый нам холм “Маревец” – древний дворцово-крепостной комплекс. Потом долго ходим по старинным крутым и узким улочкам и, в конце концов, выходим на центральную площадь Тырново, к памятнику “Мать-Болгария”.

Отдохнув от длительной пешей прогулки выезжаем из Тырново и едем по направлению к Плевену. Вскоре проезжаем городок Севлиево, а в Ловече совсем стемнело. Поздно вечером приезжаем в Плевен и размещаемся всё в том же загородном отеле “Кайлыка”. Приведя себя в порядок, идем ужинать на открытой площадке ресторана. День был жаркий, а поездка весьма продолжительной, ведь еще сегодня утром мы были в Бухаресте.

17 августа поднимаюсь очень рано и направляюсь к сооруженному возле гостиницы плавательному бассейну, известному мне с прошлого года. После купанья с нашим другом Карпушей, отправляемся на завтрак и сразу же после него едем на экскурсию по Плевену. Проехав через центр города, поднимаемся к расположенному на горе мемориальному Скобелевскому парку, разбитому на том месте, где был главный турецкий редут – сердце всей системы турецкой обороны в 1877 году. Между прочим, в прошлом году мы здесь не побывали, а парк, разбитый вокруг Военно-Исторического музея, я тогда ошибочно принял за Скобелевский. Здесь же повсюду памятные отметки – оружие – русское и турецкое, а в центре парка, на самой вершине холма, сооружен склеп, в котором пирамидой сложены черепа.

Походив по парку, спускаемся в город и идем к расположенному на его центральной площади Мавзолею-Костнице, подробно описанному мною в прошлогоднем дневнике. Возвращаемся в ущелье Кайлыка, и только сейчас я замечаю вырезанный высоко на скале гигантский барельеф Георгия Димитрова.

После обеда выезжаем из Плевена. Опять едем по знакомой дороге. Недалеко от села Ясен, на высоком холме, обрывающемся в реку Вит, сооружен памятный обелиск – прямо на том месте, где был пленен главнокомандующий турецкой армии Осман-паша. Конечно была сделана довольно длительная остановка в Горном Дубнике, в частности с целью осмотра Лавровского (тоже мемориального) парка, памятника генералу Лаврову, множества братских могил русских воинов. Недалеко от городка Луковит останавливаемся на берегу речки Панеги, и многие истомившиеся от жары туристы долго плещутся в прохладной речной воде. Отсюда выезжаем на автостраду Варна–София. После Ботевграда начинается крутой подъем на хребет. Выходим из машины на самой вершине перевала, который называется “Витиня” и любимся весьма живописным горным ландшафтом.

Теперь начинается спуск к Софийскому полю, и еще засветло, около 7 часов вечера, въезжаем в болгарскую столицу. В этом году в Софии нам отводят места в довольно второстепенной гостинице “Москва”, расположенной в центре города у бульвара Доддукова, прямо позади здания Совета Министров, в узеньком переулочке, называемом “Гриденица”. После ужина совершаем прогулку по свежим вечерним улицам Софии. Идем через площадь 9-го сентября и по Русскому бульвару, пересекаем сквер у Университета, проходим мимо собора Александра Невского, затем идем по переулку вниз к бульвару Дондукова, а там уже недалеко и до гостиницы.

18 августа, как обычно, встаем пораньше, чтобы до завтрака успеть совершить утреннюю прогулку по софийским улицам. От треугольной площади за отелем проходим по нижней стороне Баши-Джамия, пересекаем бульвар Димитрова, затем пройдя мимо живописной синагоги, заворачиваем к церкви св. Воскресенья и подходим к отелю “Балкан” к завтраку. После этого начинается экскурсия. Наш гид – молоденькая девушка, которую мы зовем просто

Лилей, сперва ведет нас к базилике св. Георгия являющейся самым старым сооружением Софии и первой христианской церковью, перестроенной из римских бань. Рядом с ней интересный небольшой участок раскопок остатков древних римских сооружений. Затем идем к самой большой мечети Софии – Баши-Джамия (“Главная мечеть”), которая по сравнению с базиликой св. Георгия претерпела обратную метаморфозу – часть ее, после изгнания турок, переделана под бани. Возле бани бьют минеральные источники. Весь остальной маршрут почти в точности совпал с описанным мною в прошлогоднем дневнике.

После обеда едем на гору Витошу. Это меня радует, так как в прошлом году мы не поехали туда, пожелав лишний день побродить по Софии. Выезжаем. Сперва немного едем по Софийскому полю, а от старинного села Бояна начинаем взбираться в гору по живописному серпантину. Подъезжаем к горному отелю с рестораном, выходим на устроенную перед ним террасу и перед нами открывается панорама обширного Софийского поля, расположенной в его середине Софии, живописного горного амфитеатра вокруг равнины.

Возвращаемся в Софию и пока все едут в армянский клуб “Ереван” (мы там были в прошлом году и я деликатно уклоняюсь от повторного посещения) мы с Симой направляемся к собору Александра Невского, откуда доносится колокольный звон, извещающий о начинающемся богослужении. Здесь к нам присоединяется Оник. Слушаем хороший хор, которым славится этот храм.

Выходим из собора и направляемся к могиле Ивана Вазова. Затем совершаем прогулку к парку Свободы, любуемся его мемориальными ансамблями и, не спеша, идем к отелю “Балкан” – приближается время ужина. Итак, наступает прощальный ужин в Софии. Как и всегда, он обставлен несколько пышнее обычных ужинов, произносятся тосты, немного шаблонные, но возможно идущие от сердца. “Балкантурист” преподносит нам концерт, да еще и с учас-

тием профессиональных артистов – выступают ансамбли в народном жанре и солисты. Среди них и солист Софийской оперы Димитр Димитров. Поздно ночью в последний раз выходим на улицы ночной Софии.

С утра 19 августа совершаем пешие прогулки по Софии в абсолютно “самодеятельном” плане. Проходя по Русскому бульвару входим в русскую церковь, построенную в стиле русских теремов времен деревянного зодчества. Надеемся послушать хор, но застаем лишь скучнейшую проповедь, которая хотя и произносится на русском языке, но нисколько не кажется от этого привлекательнее.

Обед состоялся в более ранний чем обычно час, в связи с предстоящим вскоре отъездом. И вот погружаемся в автобусы и едем, сперва по бульвару Димитрова, мимо железнодорожного вокзала, по длинной окраинной улице Алексея Толстого и вскоре покидаем Софию. Теперь наконец начинается новый для нас путь, так как до Софии была повторена часть нашего прошлогоднего маршрута. Едем по ущелью реки Искыр в расцвете яркого летнего дня. Раза два устраиваем привалы, при этом один раз возле живописного водопада.

Выезжаем из ущелья у городка Мездра, отклоняемся от него на северо-запад и вскоре прибываем в город Врацу. Он невелик но очень живописен. Расположен на плоском месте, но с юго-запада прямо к городу подступает несколько огромных возвышений, которые словно растут прямо из плоской степи крутыми и скалистыми куполами. За Врацей следует Михайловград, известный революционными традициями, в частности знаменитое восстание против режима Данкова в начале 20-х годов началось именно отсюда. Между Врацей и Михайловградом начинает смеркаться, дальше едем в темноте, а до конечной цели – придунайского портового городка Лома еще не близко. Но вот и Лом. Проезжаем по тускло освещенным улицам городка и почти не видим его. Подъезжаем к пристани

возле которой пришвартовано ярко освещенное судно. Это теплоход “Дунай”, конечная цель первого, сухопутного, этапа нашего путешествия. Вот теперь-то собственно и начнется круиз. В 9 часов вечера начинается посадка на теплоход, при этом с соблюдением пограничного ритуала. В час ночи теплоход отчаливает от болгарской земли.

В ночь на 20 августа прошли Видин, а утром были уже на выезде из Болгарии. Теперь слева тянутся берега Югославии, а справа – Румынии. С навигационной точки зрения Дунай разделан безукоризненно. Всюду знаки определяющие фарватер, на берегах крупными цифрами обозначены километры. Теплоход “Дунай”, на котором мы плывем, двухпалубный, на 200 пассажиров, предназначенный специально для туристских рейсов. Построен он австрийской фирмой “Корной-бург”. Всюду применены новые изящные и гигиеничные материалы. Во всем чувствуется основная идея – предоставить максимальный комфорт и, конечно, эстетическое наслаждение. Кроме ресторана, расположенного на нижней кормовой палубе, имеются бар и прямо над ним музыкальный салон. Верхняя кормовая палуба открыта и предназначена для отдыха в погожую погоду. Нам досталась каюта первого класса, двухместная и весьма комфортабельная.

До румынского города Турну-Северина берега Дуная довольно пологи, встречается много зеленых островов. За Турну-Северином берега становятся всё круче, постепенно появляются уже настоящие горы и, наконец, теплоход подходит к Железным воротам. Входим в канал, проложенный со стороны югославского берега. По берегу уложены рельсы по которым ходит паровоз, буксирующий проходящие через канал суда. Наконец теплоход выбирается из канала и мы вступаем в так называемые “Катаракты”. Они тянутся 117 км, от Железных ворот до Молдовы Веки и, по праву, считаются самым очаровательным отрезком Дуная. Высокие горы с обеих

сторон вплотную придвигаются к реке, образуя очень живописное, местами немного дикое, ущелье. Но и на протяжении Катаракт есть особо интересные участки и самым знаменитым среди них является ущелье Казане, начинающееся от румынского города Оршова. Это самое узкое и тесное на всём Дунае, горы здесь скалистые и буквально нависают над рекой, воды несутся здесь с огромной скоростью. Только под вечер выходим из Катаракт и река раздается вширь. Лучи заходящего солнца причудливо окрашивают водную гладь и зубчатые стены и башни возвышающейся на югославской стороне крепости Голубац.

В 8 часов вечера теплоход надолго останавливается у югославского порта Велико Градиште, выше которого Дунай уже полностью протекает по территории Югославии. Поэтому югославские пограничники и таможенники со всем тщанием приступают к своим процедурам. Наконец, поздно вечером; теплоход трогается из Велико Градиште вверх по Дунаю. Ночью придем в Белград.

Рано утром 21 августа все уже на палубе. Теплоход стоит в Белграде. Река велика и сперва кажется, что это Дунай, однако это Сава. Прямо перед нами возвышается большой мост через Саву, немного дальше – второй. Сразу за пристанью, на правом берегу реки высокий холм с крепостью на вершине. Левый берег представляет собой низменность, застроенную несколькими десятками высоких строений, это район застройки Нового Белграда, куда предполагается перевести правительственный центр. Немного поодаль от Нового Белграда, у самого Дуная, виднеется вполне обустроенный город – это Земун.

В 8 часов утра высаживаемся на берег. Рассаживаемся в автобусе на котором эмблема югославского туристического общества “Путник”. Нам представляется красивая девушка, это наш гид Таисия Агальцева, из “заграничных” русских, по-видимому отпрыск русской эмигрантской семьи. Автобус трогается и мы начинаем

огибать виденный с теплохода холм. Он называется Калемегдан. Просекаем Доньградский бульвар и въезжаем на улицу царя Душана. На этой улице сооружен невысокий памятник, с распластавшейся на мраморной плите фигурой убитого мальчика. Памятник построен в память об одном из массовых восстаний сербов против турецкого владычества, поводом для которого послужило убийство турками сербского мальчика.

С улицы Душана сворачиваем на Добрачину, затем на улицу господаря Ефремова, едем мимо Студентского трга (площади) и по улице Узуна Миркова и, наконец, въезжаем в Калемегдан с его юго-восточной стороны. Крепостные ворота, множество башен и бастионов, несут средневековый отпечаток. Поднимаемся на одну из самых высоких башен, откуда виден почти весь Белград, могучие реки — Дунай и Сава. На месте Белграда, еще до нашей эры, существовал кельтский город Сингидунум. В I веке нашей эры на этих берегах появились римляне, основавшие здесь крепость. С VII века началась славянская колонизация этих территорий, а в IX веке Сингидунум был окончательно завоеван славянами и переименован в Белград. В III веке Белград стал столицей Сербского государства, при его первом короле Драгутине. В 1521 году Белград был надолго захвачен турками. В первой половине XVIII века австрийские войска под командованием принца Евгения Савойского заняли Белград и удерживали его с 1717 по 1739 год. В 1806 году Белград был занят сербскими войсками, которые возглавлял Карагеоргий, но и они недолго владели Белградом, вновь захваченном турками в 1813 году. Наконец, в 1867 году, турецкий генерал-губернатор Али-паша окончательно сдал Белград сербам, вручив ключи от города князю Мишаиу.

Спускаемся в раскинувшийся у подножья крепости парк. Здесь прежде всего нас подводят к так называемой “могиле национальных героев”. На западной оконечности холма, высоко над Савой, соору-

жен стилизованный памятник “Вестник Свободы”, работы скульптора Ивана Мештровича. За памятником расположилось здание Военного музея, а на обширной территории перед ним, прямо под открытым небом, расставлено оружие и другие предметы, принадлежавшие партизанской армии. Немного ниже этой территории, на прямоугольной площадке, сооружен памятник “Благодарность Франции” (тоже Ивана Мештровича), изображающий Nikeю. Чуть поодаль расположен уцелевший мавзолеи турецкого полководца Али-паши, и недалеко от них памятник писателю Бранко Радиевичу (скульптор Зарин).

Спускаемся на южную сторону Калемегдана и проходим через Триумфальные ворота, построенные австрийцами во время их недолгого господства в Белграде в первой половине XVIII века. Прямо перед Триумфальными воротами возвышаются шпили Кафедрального собора (австрийское барокко). Здесь лежит забальзамированное тело легендарного царя Лазаря, погибшего в 1389 году в исторической битве на Коссовом поле. Справа от собора расположились строения Патриаршьего подворья и рядом с ними – замок княгини Любицы – сербской исторической личности.

Поднимаясь отсюда вверх по довольно крутой улице 7-го июля, замечаем на стене одного из домов крупный вопросительный знак – “?”. Таисия объясняет, что здесь находится облюбованная богемой старинная забегаловка, причем хозяин и завсегдатаи долго думали как ее назвать, не смогли прийти к единогласию, и, в конце концов, поставили на ней вопросительный знак. С улицы 7-го июля выезжаем на улицу князя Михаила, немного проехав по ней огибаем белградский “небоскреб”, почему-то называющийся “Албания”, и въезжаем на площадь Республики, в центре которой сооружен большой памятник князю Михаилу (итальянский скульптор Энрико Пацци).

Здесь покидаем автобус и начинаем пеший обход центра Белграда. Выводим на Теразию, которая несомненно является самой шикарной улицей Белграда. Отсюда, возле здания “Путника”, заворачиваем на трг Маркса-Энгельса, где расположились новые многоэтажные здания ЦК СКЮ и редакции “Борба”. Наискось расположено монументальное здание Народной Скупщины Сербии. Возвращаемся на Теразию и ее продолжение – улицу маршала Тито. Отсюда едем к большому городскому парку “Ташмайдан”, а затем к кладбищу “Освободителей Белграда”. Здесь, вместе с югославскими воинами, погребено несколько сот советских солдат и офицеров, павших при освобождении Белграда.

Теперь берем курс на аристократическое предместье Белграда – Дединье. Проезжаем через трг Димитра Туковича, потом по бульвару Югославской Армии и мимо большого стадиона “Црвена Звезда”. Всюду много зелени. В районе Дединье, множество небольших особняков – коттеджей, почти все в стиле модерн. На окраине Дединье расположен огромный парк, обнесенный высокой каменной оградой, за которой виднеются верхние этажи дворцовой резиденции Тито. Есть здесь и общедоступный парк, где мы осмотрели строящийся югославский “Дисней-ленд”. Рядом с Дединье расположено другое живописное предместье Белграда – Брда (гора) Топчидер, где построен открытый театр, на манер античных амфитеатров. На этой “Брде” Таисия предлагает заучить сербскую скороговорку – “На врх брда врба мрда”, это проверка способности выучить сербский язык.

Направляемся обратно в город, долго едем вдоль Савы, мимо нескольких больших ярмарочных павильонов, потом въезжаем на длинную горбатую улицу князя Милоша Обреновича, на которой много монументальных зданий. На улице Тито обедаем в фешенебельном ресторане “Кассина”. Затем нас ведут к расположенной на тихой, хотя и центральной, улице Дом советской культуры, где

Общество “Путник” организовало для нас показ песен и танцев народных ансамблей Югославии. Теперь наступает черед одной из самых величественных достопримечательностей Югославии. Выезжаем из Белграда на юг, едем вглубь Шумадии, проезжаем одно за другим несколько пригородных сел и вскоре подъезжаем к подножью заросшей лесом горы. Это гора Авала, на вершине которой сооружен грандиозный архитектурный ансамбль – “Могила неизвестного солдата”. Сама могила расположена внутри огромного Каменного павильона (тоже детище Ивана Мештровича), открытого с обеих сторон. Кровля подпирается восемью массивными женскими фигурами, каждая из которых одета в национальный костюм какой-либо провинции Югославии.

День начинает клониться к вечеру и мы возвращаемся в Белград. Теперь наступила пора самостоятельных действий и мы просим высадить нас на площади Республики, у памятника князю Михаилу. Неторопливо идем по центральным улицам Белграда. Наступил ласковый летний воскресный вечер и улицы заполняются большими толпами гуляющих. Идем по Теразии, по улице маршала Тито, сворачиваем от нее на улицу князя Милоша (здесь современное здание Министерства обороны), отсюда по улице Неманьина, пересекаем по диагонали квадратный сквер, расположенный между улицами 1 мая и Светозара Марковича, выходим к самому концу улицы маршала Тито и идем в обратном направлении до самого центра. Свернув на улицу 7 июля, спускаемся по ней к реке. Пройдя мимо кабачка “?” и по нескольким узеньким портовым переулочкам и каменным лестницам выходим к пристани, где пришвартован наш теплоход.

Так закончился день пребывания в Белграде. Ночью теплоход отплывает дальше вверх по Дунаю.

22 августа рано утром выходим на палубу на подступах к югославскому городу Нови Сад. Это значительным город, располо-

женный на низком левом берегу. Напротив него, на крутом и высоком правом берегу возвышается комплекс старинных замков и дворцов – Карловац и Петроварадин. В середине дня проезжаем под большим Богоевским железнодорожным мостом, а под вечер пристаем к маленькому городку Бездану, напротив которого, на правом берегу, другой город – Батина. Здесь начинаются погранично-таможенные процедуры, и, наконец, в 9 часов вечера трогаемся и вскоре вступаем в пределы Венгрии. Слева в темноте проплывают огни венгерского города Мохача.

Около 9 часов утра 23 августа теплоход причаливает к пристани в центре Будапешта. Проходим несложные процедуры и в 10 часов утра мы уже на берегу. Нам представляется гид – Хильда Баранова и начинаются экскурсии. Будапешт обладает привлекательным речным фасадом, Дунай рассекает город надвое, через реку перекинуты величественные мосты, которые вместе с рекой образуют характерный облик города. В пределах города сооружено семь мостов, плюс два железнодорожных. Сверху они расположены: первый – Уйпештский железнодорожный, затем – Арпад-хид (хид означает мост), самый длинный (около 2 км), в середине он имеет ответвление на верхнюю оконечность острова Маргит, далее – Маргит-хид, с изгибом посередине, от него, уже с нижней стороны, тоже отходит ветвь к острову Маргит, Кошут-хид, у Парламента, затем самый замечательный – Ланц-хид (“Цепной мост”), Эржбет-хид и Сабадшаг-хид (мост Свободы), по соседству с которым стоит наш теплоход, Петефи-хид, и, наконец, Чепельский железнодорожный.

Обзор Будапешта начинается с Пешта, новейшей части города, расположенного на низком и равнинном левом берегу Дуная. Современный Будапешт образовался в 1872 году, в результате слияния Буда и Пешта, вместе с расположенной немного выше по Дунаю – Обудой. Территория Пешта стала складываться с конца XVIII века (из древности здесь остались лишь следы небольшой римской

крепости Барбарикума), основная же застройка пошла лишь с середины XIX века. В Пеште много строений в неоклассическом стиле, но чаще встречаются здания построенные в национальном венгерском стиле, который был назван “сецессионистским”. Характерной особенностью плана Пешта являются последовательно опоясывающие его три полукольца, упирающиеся своими концами в Дунай, .

Выезжаем на Ракоци кёрут (проспект), один из самых оживленных магистралей Будапешта. Деловым центром города считается как раз пересечение Ракоци кёрут, радиальной улицы, с Большим кольцом, справа (если идти от Дуная) Йожеф кёрут, а слева Ленин кёрут. На Ракоци кёрут несколько достопримечательностей – старинная больница с часовней св. Рокуша, неподалеку – памятник доктору Игнацу Земмельвейсу, победителю родовой горячки, на этой же улице несколько крупных универмагов, среди которых самый крупный – “Корвин”, и, наконец, образуемая в одном месте площадь Кальвина, с реформатской церковью в характерном аскетическом стиле.

Ракоци кёрут заканчивается у Восточного (“Келети”) вокзала на площади крупного железнодорожного строителя Бароша (здесь же поставлен ему памятник). От этой площади выезжаем на проспект Текели, и проехав его подъезжаем к Непстадиону (“Народный стадион”), вмещающему 100 тысяч зрителей. От стадиона едем в Хёшёк тер (“площадь Героев”), самой значительной площади Будапешта, на которой сооружен грандиозный архитектурно-скульптурный комплекс – Памятник тысячелетия Венгрии (исполнившегося в 1896 году), чьим автором является скульптор Дьёрдь Зал.

Выглядит он так: на двух противоположных сторонах площади высятся два музея, с монументальными фасадами в неоклассическом стиле. Тыловую сторону площади и ее центр занимает обширный ансамбль памятника, в его центре воздвигнута колонна высотой в

36 метров., увенчанная фигурой ангела-хранителя. У подножья колонны изваяна большая групповая скульптура, в центре которой воюющая на коне основатель венгерского государства князь Арпад. Архитектурным фоном для колонны служат две массивные аркады, расположенные в полукруговом плане, в сквозных нишах которых расставлены фигуры наиболее чтимых венгерских святых, самых выдающихся королей и князей, а также национальных героев. У проезда на сооруженный за аркадами мост, на высоких постаментах, изваяны колесницы с воинами с запряженными в них вздыбившимися конями.

За Хёшёк тер, вдоль цепочки прудов, раскинулся Городской парк, тоже разбитый в 1896 году в ознаменование тысячелетия Венгрии. На его территории воспроизведена натуральная копия замка Вайдахуньяд, с пристройками, которым намеренно приданы разнообразные стили. Въезд в замок устроен в виде старинных арочных ворот с подъемным мостом, перекинутым через ров. Снаружи у ворот возведен памятник строителю замка архитектору Игнацу Альпару. На центральной лужайке внутри замка воздвигнут памятник летописцу "Анонимусу", т.е. историку, имя которого осталось безвестным, жившему в конце XII века, при короле Беле III. Памятник принадлежит скульптору Миклошу Лигети и изображает сидящего монаха с низко опущенным на лицо капюшоном.

От замка Вайдахуньяд едем к Видам-парку ("Веселый парк"), в котором находится и "Зоо" – Будапештский зоологический парк. Напротив входа в Видам-парк расположены знаменитые бальнеологические купальни Сеченьи (горячие серно-минеральные источники). Отсюда же начинается первая в мире линия подземного транспорта. В сущности это не метрополитен, а подземный двухсекционный трамвай неглубокого заложения, протяженностью 6 км. Теперь въезжаем на несомненно самую значительную из радиальных улиц Непкёстаршашаг ("Народная Республика"), тянущаяся на 2,5 км

от Хёшек тер до базилики Сент Иштван. Именно на ней расположены здания советских дипломатических представительств. На этой же улице расположен Будапештский оперный театр, построенный по проекту архитектора Миклоша Ибль, в стиле неоренессанс. Перед театром воздвигнуты памятники Листу и Эркелю, автор которых скульптор Алайош Штробль. Напротив оперы – здание Высшей балетной школы. На одном из краев Непкёстаршашаг высится базилика (высотой 100 м.) Сент-Иштван (арх. Йозеф Хильд), тоже в стиле неоренессанс. Это самая большая церковь Будапешта и мы осмотрели ее не только снаружи, но и заглянули вовнутрь.

Отсюда совсем близко до выдающегося монументального сооружения, символизирующего Будапешт, здания Парламента. Парадный фасад здания обращен на Дунай между мостами Маргит-хид и Кошут-хид, а его “деловая” сторона выходит на площадь Лайоша Кошута. Строился Парламент с 1884 по 1904 год по проекту архитектора Имре Штейндля в неоготическом стиле. На площади перед Парламентом два памятника – один изображает восседающего на коне вождя восстания куруцев против Габсбургского владычества – Ференца II Ракоци (1676 – 1735), а другой легендарного героя революции 1848 года Лайоша Кошута, изображенного в позе трибуна. На противоположной стороне площади Кошута расположились два монументальных здания, в одном из которых помещается Национальная картинная галерея, обладающая роскошным двухсторонним фасадом в стиле итальянского необарокко, центральная часть фасада сложена из подпираемого несколькими парами коринфских колонн классического фронтона с богатым лепным барельефом, два боковых крыла украшены пилястрами в ионическом стиле, увенчанными на карнизах множеством статуй. Над центральным фронтоном водружена мчащаяся трига. Весьма роскошно отделаны интерьеры.

Теперь нам предстоит посещение одного из живописнейших уголков Будапешта – острова Маргит. В пределах города воды

Дуная образуют три острова, каждый со своим определенным обликом. Остров Чепель – промышленный, Сент-Эндре – спортивный и остров Маргит – для отдыха и развлечения. Остров Маргит назван так в память о дочери короля Бела IV Маргарет, которую еще в 10-летнем возрасте отец заточил в некогда расположенный на острове монастырь исполняя какой-то обет. Едем на остров по мосту Маргит-хид, отклонившись от его середины на ведущий к острову пролет. Среди густых зарослей деревьев расположилась целая анфилада обширных открытых купален, заполненных водой из горячих источников. По всюду легкие павильоны со всякой едой и питьем, придуманы различные развлекательные средства.

По мосту Арпад-хид возвращаемся в Пешт. Ненадолго задерживаемся на площади Рузвельта, расположенной у Цепного моста. Рядом памятник крупнейшему реформатору Иштвану Сеченьи, а недалеко и другой – Ференцу Деаку, осуществившему важные юридические и законодательные реформы.

После обеда наступает черед Буды. Въезжаем в Буду со стороны моста Арпада. Здесь, на северной оконечности Буды, находятся раскопанные руины древнего римского города Аквинкума. На перекрестке улиц Надьсомбат и Бечи хорошо сохранился относящийся ко второму веку древнеримский амфитеатр-ристалище. На улице Михая Танчича много достопримечательных зданий связанных с именами Кошута, Танчича и других исторических деятелей, а дощечка на доме № 7 по этой улице оповещает, что некогда здесь жил сам Бетховен. Буда расположилась на нескольких холмах, главные среди которых – дворцовый, крепостной и гора Геллерт. На крепостном холме раскинулась старая Буда, куда и направляемся. Венгры (мадьяры) начали селиться здесь с самого своего появления на Дунае в 896 году. В XIII веке на этой возвышенности была построена крепость для отражения монгольских нашествий. В XVI–XVII веках обосновавшиеся здесь турки понастроили вокруг кре-

пости множество башен. Новые жилые районы Буды стали возникать уже после изгнания отсюда турок.

Центральным сооружением Буды является построенная здесь в середине XIII века, при короле Беле IV, церковь короля Матиаша с высоким шпилем, а перед церковью сооружена колонна св. Троицы и возведен памятник первому венгерскому королю Иштвану, впоследствии причисленному к лику святых. От площади короля матиаша, вдоль крутого обрыва, растянулась вереница весьма примечательных, остроконечных как шапки диких монголов, башен Рыбацкого бастиона – “Халасбаштья”. С устроенных вокруг башен площадок открывается широкая панорама Дуная, его островов, мостов, да и на весь Будапешт.

Теперь едем на самую высокую возвышенность – гору Геллерт (235 м). На самой вершине горы воздвигнут величественный монумент Свободы (скульптор Кишфалуди-Штробль). На высоком обелиске изваяна женская фигура, держащая в поднятых руках пальмовую ветвь. На обелиске вычеканен Орден Победы, у подножья памятника фигуры советского воина и рабочего, уничтожающего семиголовую гидру. Перед памятником устроена обзорная площадка с баллюстрадой. Простившись с Будой съезжаем вниз и по Цепному мосту возвращаемся в Пешт. На Ракоци кёрут, возле универмага “Корвин”, покидаем машину, намереваясь остаток дня посвятить “самостоятельному” рейду по Будапешту. С Ракоци кёрут заворачиваем на Ленин кёрут, отсюда по радиальной улице Маяковского и ее продолжению – бульвару Горького (на нем очень странная церковь с множеством разрисованных на фасаде сакраментальных знаков, не то какая-то секта, не то синагога). Дальше опять идем по кругу, через улицу Дожа выходим на Хёшёк тер к памятнику тысячелетия Венгрии. Теперь берем курс в сторону Дуная по проспекту Непкёстаршашаг; пройдя эту улицу на всем ее протяжении.

Достигнув прибрежных кварталов вступаем в лабиринт узких торговых улиц – Ваца и других, затем выходим к Дунаю у площади Рузвельта. И вот наш теплоход, который в 10 часов вечера отчаливает от Будапештской пристани. Долго идем вдоль ярко освещенного города. Один за другим остаются позади величественные мосты. Постепенно огней становится меньше и вот уже берега исчезают во мраке. Короткое пребывание в Будапеште не пропало даром.

Рано утром 24 августа выходим на палубу. Теплоход проходит под Дьёреким Железнодорожным мостом. Справа тянутся берега Чехословакии, а слева пока венгерский берег. Вскоре судно вступает полностью в пределы Чехословакии, возле Братиславы Чехословакия крошечным пятчком шагнула за Дунай. Показалась столица Словакии, массивная железная ферма единственного в Братиславе моста через Дунай и самый характерный элемент в панораме этого города – большая старинная крепость на горе.

Братиславу проходим не останавливаясь, ее черед наступит позднее. Слева появляется австрийский берег, но справа пока тянется Чехословакия. Но вот и пограничный чехословацкий городок Девин и возвышающаяся над ним средневековая крепость. Теперь мы уже полностью вступили в пределы Австрии и на теплоходе поднимается красно-бело-красный австрийский национальный флаг.

Теплоход причаливает к пристани австрийской столицы – “Пра-тер-Кай”, называющейся так на правах соседства со знаменитым венским увеселительным парком “Пратер”. Прямо перед пристанью возвышаются фермы большого моста – это “Райхсбрюкке”, а чуть поодаль – купола церкви св. Франциска Ассизского. После кратких погранично-таможенных процедур вступаем на австрийскую землю. Нас ведут к нашему автобусу и представляют гида г-на Нуви и переводчицу Веру Карловну.

Автобус трогается и мы едем по Вене. Постепенно разворачивается панорама улиц, мостов и площадей Вены, чем ближе к центру

тем шикарнее и богаче. Отправившись от Райхсбрюкке сперва едем по Лассаль-штрассе, проезжаем под железнодорожным путепроводом ведущем к Северному вокзалу (“Нордбанхоф”), за которым раскинулась круглая площадь “Пратернштерн” с высокой ростральной колонной в центре. Отсюда начинается Пратер-штрассе, шумная магистраль с трамвайными путями, которая упирается в “Донау-канал”. Теперь начинаются центральные улицы Вены, сперва старинные, узковатые, но отлично застроенные – Ротентурм-штрассе, Кернтнер-штрассе, затем пересекаем Ринг, большое кольцо Вены, с трех сторон ограничивающее центр столицы, и продолжаем двигаться на юг.

Цель сегодняшней поездки живописные окрестности Вены, поэтому едем через весь город, с севера на юг, безостановочно, по Виднер-Гаупт-штрассе, затем по Триестер-штрассе, это уже окраинная улица, и вскоре выезжаем из Вены в южном направлении. Наш генеральный курс – к Венскому лесу. Это сравнительно невысокий горный кряж, сплошь покрытый лесом, опоясывающий Вену с запада и юга на протяжении примерно 60 км. Проезжаем через небольшой город Мёдлинг, затем деревню Хинтербрюль, за которым втягиваемся в горно-лесистую местность. Здесь видим Киндордорф – Детский городок – группу уютных домиков, разрисованных сказочными сюжетами, в которых живут сироты, взятые на содержание государства. Делаем остановку на подворье большого монастыря, расположившегося в живописной местности. Это Хайлигенкройц (“Святой Крест”) обитель монахов ордена цистерцианцев. Осматриваем монастырь и едем дальше. Дорога вьется по тесному лесистому ущелью “Елененталь”, но здесь наступает вечер и мы уже мало что видим. Поэтому, сделав крюк, въезжаем в курортный город Баден, который рассматриваем уже в вечернем освещении. От Бадена направляемся в сторону Вены.

В столицу въезжаем по той же Триестер-штрассе. Чем ближе к центру тем ярче огни, мелькают световые рекламы, а на главной улице – Кернтнер-штрассе царит прямо-таки вихрь огней.

С центра берем куре на северо-запад, долго едем вдоль Донау-канал и въезжаем в излюбленный венцами пригород – Гринцинг. Публика здесь избранная, всюду роскошные автомобили и все в шикарных вечерних нарядах. В Гринцинге расположены старинные кабачки, в которых тщательно сохраняется средневековый колорит, но вместе с тем, это очень дорогие заведения, доступные лишь состоятельным людям. От Гринлинга начинается подъем по живописному серпентину на Каленберг. На вершине горы устроены террасы и с высоты мы любуемся видом, который представляет собой расстилающаяся внизу и сияющая мириадами бескрайних огней вечерняя Вена.

Но пора возвратиться на теплоход. Вновь через Гринцинг и северные кварталы Вены едем к себе “домой”.

Чтобы выиграть время 25 августа поднимаемся спозаранку и уже в 8 часов утра отъезжаем от пристани. Предстоит генеральное – знакомство с Веной. Доезжаем до центра города, где между Рингом и Донау-каналом расположилась Старая Вена – много узких, кривых, но весьма живописных улиц. Здесь же нам показывают следы римских сооружений.

Проезжаем под аркой Старого Хофбурга, едем по Бабенбергштрассе, по длиннейшей Мариа-Хильферштрассе, мимо “Вестбанхоф” (Западный вокзал) и приезжаем на юго-западную окраину Вены, в Шёнбрунн, где расположен величественный дворец с прекрасным парком. Сперва ходим по парку, у огромного фонтана “Нептун”, римских руин, затем заглядываем в павильон, где бьет чистая струя шёнбрунна (“прекрасного источника”), давшего название дворцу и всей этой территории. Еще некоторое время ходим по прекрасным аллеям и лужайкам парка, затем направляемся на

осмотр самого дворца. Шёнбруннский дворец долго являлся летней резиденцией Габсбургов. Теперь здесь музей, где нам показывают роскошную анфиладу комнат и залов, среди которых много связанных с какими-нибудь примечательными событиями. В их числе и зал, где, при стечении самого высокопоставленного общества играл пятилетний Моцарт. Из Шёнбрунна едем в недалекую отсюда “Винерштадтхалле” – большой спортивный комплекс, который настолько хорошо оборудован, что мы с интересом весь осмотрели.

Возвращаемся на Мариа-Хильфер-штрассе. Автобус заворачивает на Цоллер-гассе, где мы выходим для недолгой пешей прогулки. Теперь едем в Армянскую церковь конгрегации мхитаристов, находящуюся на углу Нейштифт-гассе и Мешитарист-гассе. История венских мхитаристов начинается с последней четверти XVIII века, когда часть монахов из состава венецианской конгрегации откололась от обители на острове Сен-Лаццаро и перебазировалась в Триест. Но Наполеон почему-то не влюбивший мхитаристов, стал чинить им в Триесте всяческие притеснения, отчего последние бежали из Триеста под крылышко Габсбургов. С тех пор Габсбурги стали считаться покровителями венских мхитаристов, которые в 1815 году, когда угроза Наполеона исчезла, заложили ту самую церковь, куда мы сейчас и явились.

Главный вход в церковь со стороны Нейштифт-гассе оказался запертым, но наши гиды разыскали калитку со стороны крошечной Мешитарист-гассе, через которую мы беспрепятственно проникли во внутренний двор, встретив здесь группу монахов, отдохнувших под густыми кронами развесистых деревьев. Венские мхитаристы занимают целый квартал под боком у австрийского парламента. Весь этот “комбинат” состоит из церкви, жилых помещений, огромной библиотеки, музея, издательства с типографией, реставрационной мастерской и еще кое-чего. Нас ведут в церковь, где, несмотря на принадлежность к католицизму, центральное место занимают

григорианские святые, в том числе Вартан Зоравар. Поднимаемся в библиотеку и музей, где на почетном месте висит портрет покровителя святой мхитарианской обители император Франц-Иосиф II Габсбург. Осматриваем несколько коллекций, в том числе редчайшую коллекцию старинных армянских монет, реставрационную мастерскую, где восстанавливаются старинные армянские рукописи и инкунабулы. Что касается религиозной деятельности, то она весьма ограничена, так как в Вене сейчас проживает всего несколько сотен армян и по-существу паствы у них нет. Перед прощанием монахи угощают нас Настоящим церковным бенедиктином, который сами же готовят.

Отсюда направляемся к главной религиозной достопримечательности Вены – “Штефансдому” (собору св. Стефана), расположенному в центре Старой Вены, на стыке Кернтнер-штрассе и Ротентурм-штрассе, у площади, которая почему-то называется “Шток им Айзен, (нечто вроде “Палка в железе”). Штефансдом огромное готическое сооружение, очень пострадавшее во время войны, но уже полностью восстановленное. Теперь едем обедать в ресторан “Гёссерброй”. В проспекте к этому названию ~~привычно~~ “бай дер Опер”, что говорит о его местонахождении. После обеда отправляемся на “программную” прогулку по самому парадному участку Ринга, осматриваем знаменитую венскую оперу, Парламент, Ратхауз (Ратушу), Бургтеатр (драматический) и еще кое-что. Весь этот район утопает в море зелени, вокруг большие и малые скверы, в одном из которых воздвигнуты памятники Штраусу-отцу и Леннеру, авторам популярных оперет и, конечно, вальсов.

От Ринга направляемся к дворцу “Бельведер”. Осматриваем большой дворец, у которого все четыре фасада парадные, поэтому обходим его со всех сторон. Перед дворцом и за ним разбиты прекрасные декоративные парки. После Бельведера мы просим отвезти нас в “Централь-фридхоф” – Венское центральное кладбище. Гиды

согласились и мы поехали. Кладбище расположено по пути к пригороду Швехат. Это очень старое, огромное и уже закрытое кладбище. Аллеи отделаны так, как бывает лишь в самых элегантных парках. Но мы стремимся к заветной лужайке, где в непосредственном соседстве друг с другом расположились могилы – в центре лужайки Моцарта (в какой-то мере условной) и возле него, полукругом, Бетховена, Шуберта, Брамса и Штрауса.

С “Централь-фридхоф” возвращаемся в центр, где, на Шварценберг-плац, высаживаемся. Организованные экскурсии исчерпаны и теперь мы предпринимаем самостоятельную пешую прогулку по Вене. От Шварценберг-плац выходим на Кернтнер-штрассе, самую шикарную улицу австрийской столицы, проходим ее до “Шток им Айзен”, к собору “Штефансдом”, затем поворачиваем на короткую, но весьма элегантную улицу “Грабен”, на которой наряду со многими достопримечательностями красуется скульптурное сооружение в память о пронесшейся над Европой в каком-то роковом году чуме. Так доходим до узкой, но застроенной высокими зданиями “Кольмаркт” (по-видимому здесь некогда был угольный рынок), которая прямоком выводит нас на Михаель-плац, к Старому Хофбургу (старинной зимней резиденции Габсбургов), высокая арка которого украшена могучими торсами целой компании Геркулесов, подпирающих своды наподобие карнатид.

Пройдя под аркой Старого Хофбурга выходим на Хельден-плац (площадь Героев), которая скорее является обширным и нарядным сквером. Свое название она получила в связи с сооруженными на ней двумя большими памятниками – эрцгерцогу Карлу и принцу Евгению Савойскому. С восточной стороны площадь замыкается огромным полукругом Нового Хофбурга. Отправляемся дальше и выходим на Бург-ринг, как раз у памятника Марии-Терезии, к которому обращены фасады двух музеев.

Теперь начинаем двигаться по веренице “рингов”. Проходим Бург-ринг мимо Бург-гартена (“Замкового сада”), в котором воздвигнут памятник Гете. За Бург-рингом следует Оперн-ринг, где Венская опера. Дальше Кернтнер-ринг, где (на углу Шварценберг- плац) расположен отель Империял”, однажды расписанный в печати по причине пребывания в нем Н. С. Хрущева, вот какие случаются в истории события! Теперь идут Шуберт-ринг и Парк-ринг, где расположились несколько шикарных автомобильных салонов (рассматриваем ослепительные экспонаты). Совсем рядом – “Штадт-парк” (городской сад), а на стыке Парк-ринг и Штурен-ринг видим памятник чем-то ставшего знаменитым доктора Карла Дюегера. Наконец выходим на крайнюю восточную точку Ринга – Асперн-плац, от которой идет целая система “аспернов” – Асперн-брюкке и Асперн-гассе, который и выводит нас на шумную Пратер-штрассе. Пройдя по этой улице от начала до конца, выбираемся на Лассаль-штрассе у путей Северного вокзала. Справа сияет море пляшущих огней – это огромный увеселительный парк “Пратер”. Дойдя до конца Лассаль-штрассе выходим к Райхсбрюкке, повернув от него к церкви Франциска Ассизского, возле которого пришвартован наш теплоход.

Наступил последний вечер нашего пребывания в Вене, да и на теплоходе, и нам дается прощальный ужин с соблюдением традиционной процедуры. Ночью предстоит отплытие из Вены.

26 августа поспешно поднимаемся, чтобы не проспять Братиславу; но обнаруживаем, что мы стоим в Вене. Выходу в рейс помешал густой ночной туман. Но к утру он рассеялся и в 8 часов мы отчаливаем из Вены. Проходим пригород Вены Швехат, затем справа проплывает пограничный австрийский городок Хенбург, а спустя немного времени появляется старинная чехословацкая крепость Девин. В 10 часов утра причаливаем к Братиславской пристани и выходим на берег, окончательно покинув реку Дунай.

В Чехословакии, как и в Румынии и Болгарии, я во второй раз поэтому описание многих объектов упоминавшихся в дневнике 1956 года я буду опускать. А пока размещаемся в автобусе, где нам представляются две девушки, одна из них Вера Сланцова, прикрепленная к нашей группе на всё время, а другая гид лишь по Братиславе. Экскурсии по словацкой столице начинаются с осмотра новых жилых кварталов в заводских окраинах города. Затем отправляемся на один из окружающих город холмов, где устроено кладбище советских воинов. Отсюда едем на другой холм, где сооружена крепость, характернейший объект в пейзаже Братиславы, ее символ. Крепость интенсивно восстанавливается.

Полюбовавшись с Крепости панорамой Братиславы и Дуная, съезжаем в город и направляемся в Ратушу. Осмотрели старинное здание, коллекцию картин и гобеленов Бывшего Примациального дворца, и отправились пешком по улицам города. Наступило время обеда и исполняем эту процедуру в ресторане отеля “Карлтон”, расположенного на одной площади с Братиславским “Национальным театром”. После обеда отправляемся прямо на вокзал и выезжаем поездом в Прагу. Еще засветло проезжаем Брно, а стемнело уже в Колине. Около 11 часов вечера прибыли в Прагу.

Нас везут на Вацлавскую площадь в отель “Европа”. После размещения и ужина выходим на ночные улицы Праги, но бродим в основном по району близ Вацлавской площади.

27 августа с 8 часов утра выезжаем на экскурсии по Праге. Прежде всего конечно на Градчаны. В хорошо знакомом мне районе новым для меня оказался прозвучавший в Лорете художественный колокольный звон. Ремонт колоколов уже закончен и 27 больших и малых колоколов и колокольчиков мелодично отзванивают благозвучную церковную мелодию.

После Лореты мы осмотрели все сооружения и исторические уголки Пражского Града, затем поехали на Олышанское кладбище,

где возложили цветы на могилы советских воинов. До обеда успели еще съездить в Старе Место к Ратуше, где на часах Пражского Орлоя посмотрели занимательный спектакль с участием – смерти, купца, щеголя, забулдыги, двенадцати апостолов, Иисуса Христа и задорного петуха, положившего конец всему этому лицедейству.

После обеда совершаем пешую прогулку по Праге. Переходим Швермов мост, по серпентину поднимаемся на Летну, идем по нагорному парку до монумента освобождения Праги, спускаемся от него к мосту Сватоплука Чеха, затем по Парижской улице и узеньким улочкам Старого Места возвращаемся в гостиницу. Но после ужина вновь выходим на вечернюю прогулку, опять по живописному лабиринту Старого Места, почти всюду сохранившего подлинно средневековый облик.

Утром 28 августа посетили Музей Ленина, затем у Пороховой башни (“Прашна брана”) садимся в автобус и едем в Градчаны в Национальную картинную галерею, разместившуюся в бывшем Архиепископском дворце. Сложилось впечатление, что лучше всего представлена французская живопись XIX – XX веков. За четыре года, прошедшие после первого моего знакомства с этой коллекцией в ней заметно больше стало Родена, много Делакруа, барбизонцев, а рядом с ними по несколько полотен Сезанна, Писарро, Дерена, Флавинка, Пикассо и других. С Градчан, через всю Прагу, едем на Витков, к Национальному Пантеону. После обычного обхода в верхнем парадно-траурном зале слушаем орган, играющий мелодии Баха, Моцарта, Гайдна, Генделя.

После обеда идем в костел св. Якуба слушать органную музыку. Этот костел славится одним из лучших органов в мире и по воскресеньям здесь дают органные концерты. Вечером слегка моросило, что, однако, не помешало прогулке. От Вацлавской площади сворачиваем на Народную улицу, доходим до Влтавы у Национального театра, отсюда по набережной Сметаны выходим на Карлов

Мост и переходим на Малостранскую сторону. От площади у церкви “Микулаш” идем по почти средневековой Летиенской улице, где расположилось несколько кабачков, работающих чуть ли не до утра. Опять переходим в Старе Место, но уже по мосту Манеса, проходим Красноармейскую улицу (это скорее площадь) у дома умельцев, откуда по коротким улицам – “17-го листопада” и Бржеговой выходим на Парижскую улицу, как раз у старинной синагоги. Теперь мы опять на Староместской площади, откуда по древней, кривой и узкой улице “На мустку” выходим на свою Вацлавскую площадь.

Утром 29 августа нашу группу ведут на Смиховский пивоваренный завод, расположенный на юго-западной окраине Праги. На заводе представляется “свой” экскурсовод – инженер завода по имени Ганна. После осмотра цехов завода началось пиршество в дегустационном зале, где пиво подавалось достаточно щедро. Отбив с завода и доехав до площади Советских танкистов мы покинули машину и решили проделать дальнейший путь пешком. Идем по маршруту – улица “Уезд”, Кармелитская, затем Малостранская площадь. Вскоре приходим ко дворцу Вальдштейна, укрытого в глубине разросшегося парка, отгороженного от улицы высокой, почти крепостной, стеной. В парке много декоративных сооружений – бассейнов, искусственных гротов и прочих подобных выдумок. Широкая терраса перед главным павильоном дворца используется теперь для различных представлений и концертов.

От дворца Вальдштейна, через Карлов мост и по Карловой улице возвращаемся в отель. После обеда я намечаю маршрут одиночной прогулки по Праге. Решаю познакомиться с двумя районами Праги – Новым местом и Виноградями. От Вацлавской площади иду по Штефанской улице, дохожу до Ечны и повернув от этой улицы вниз выхожу к парку на Карловом намести (площади) у церкви св. Игнаца. Пройдя парк иду мимо церкви св. Яна Непомуцкого, увенчанной очень высоким шпилем, и по улице “На Слупи” выхожу к

Ботаническому саду. Вхожу в него со стороны “На Слупи”, решив пройти через сад на Аполинарскую.

Дойдя до Альбертова, сворачиваю на эту улицу и поднимаюсь по сооруженной на ней широкой и длинной каменной лестнице. Здесь расположено несколько больших корпусов Пражского университета. Двигаюсь дальше, выхожу на Фигнерову площадь, затем иду по улицам – Легеровой, Тыршовой, Люблянкой, сворачиваю на Румынскую и пройдя по ней выхожу на квадратную площадь Мира, в центре которой возвышается церковь св. Людмилы, а на одной стороне площади виднеется привлекательный фасад Театра Чехословацкой Армии (“Дивadlo Ческoслoвeнскe Армади”). Несмотря на усталость двигаюсь дальше, иду вниз по Английской улице, затем по начальному отрезку Легеровой и выхожу к саду Челаковского, примыкающему к левому крылу Пражского Национального Музея, а это уже верхняя сторона Вацлавской площади.

В банкетном зале отеля “Амбасадор” нам был дан прощальный ужин, так закончился фактически последний день пребывания в Праге. А 30 августа уже в 4 часа утра состоялся подъем. Полусонные рассаживаемся в автобусе, едем на вокзал, и в 5 часов 30 минут утра поезд трогается от Главного Пражского вокзала. Едем по маршруту: Колин, Пардубице, Оломоуц, Пршеров, Межирицы, Вестин, ст последнего начинаются живописные ландшафты Моравии. Дальше идут – Пухов, где появляются горные пейзажи Словакии, живописные городки Жилина и Ружомберок, потом проезжаем Попрад, самый близкий пункт к высоким Татрам.

После Кошице наступает вечер и до Черны уже едем в полном мраке. Здесь обычные пограничные процедуры и в 10 часов вечера пересекаем советскую границу, сразу перенесшись на два часа вперед, по сравнению со средневропейским временем. В 2 часа ночи 31 августа уезжаем из Чопа и в этот же день, в 10 часов утра

небольшой группой сходим во Львове. С нами и Оник, а всего пятеро. В Ереван же прибыли 5 сентября, прихватив в Ростове Ирочку.

Но дома, через короткое время, откуда ни возьмись, хватил меня инфаркт, к счастью такой, какой называют “микро”. Пережитое за последние годы не могло не сказаться. Предыстория болезни была такова: после того, как Хрущев перестроил всю транспортную систему, вместо персональных машин ряду “начальствующих” лиц разрешалось для служебных поездок вызывать машину из общего парка, вот тогда и приезжал ко мне Артюша, который с этого времени больше не расставался со мной, где бы я не работал.

А суть дела в том, что большей частью машину получить не удавалось, а до ЦСУ, расположенному на проспекте Орджоникидзе, отовсюду было далеко, то по несколько раз в день приходилось пользоваться трамваем, вечно переполненным. И вот, с появившимся в сердце болями ездил я трамваем, зачастую в такой тесноте, что едва дышалось. Ездил я так день, два, неделю, две недели, пока не надоело переносить непрерывающиеся боли, и тогда решил я сходить на снятие кардиограммы. В поликлинике, после этой процедуры меня решительно придержали, не дали даже подняться, и сразу же уложили в постель, так и не отпустив домой и велев не двигаться. На организованном в тот же день консилиуме прямо объявили, что случился у меня инфаркт (в 47 лет!). Причем он стал уже рубцеваться, а я-то ездил “общественным транспортом”. Уму непостижимо, как я не “брякнулся” совсем. Лечили меня замечательные врачи – профессора Альма Александровна Катанян и Арсен Тигранович Симонян. Словом, отлежал я в больнице сколько-то времени, а потом отправили меня в Гагру, в санатории “Армения”, как выразились врачи, на отдых и “ландшафтотерапию”. Последнее имело под собой основание, так как из “Армении”, расположенной высоко над Гаграми, действительно открывался поистине сказочный вид на море и горы.

В общем, на сей раз обошлось благополучно, и возвратился я в свой “любимый” ЦСУ. Не могу не упомянуть добрый жест начальника ЦСУ СССР В.Н. Старовского, который, узнав о моей болезни, распорядился выплатить мне пособие в размере месячного оклада.

Зима 1960-1961 года прошла вновь в обычной рутинной обстановке. Предполагавшееся празднование в ноябре 1960 года 40-летия советизации Армении было отложено на весну 1961 года. Произошло это потому, что на звонок Товмасыана Хрущёву с приглашением принять участие в праздновании, последний заявил, что сможет приехать лишь в мае будущего года. Конечно, нельзя было не согласиться с этим (дескать, мы не можем из за вас откладывать) и Хрущёв в назначенное время и в самом деле приехал в Ереван.

Вряд ли нужно описывать какие меры были приняты в связи с этим. Охрану взяла на себя Москва, прислав заблаговременно и вместе с ним сотни людей, вплоть до поваров. Все учреждения, предприятия, организации и прочие объекты Еревана были вовлечены в это дело. К примеру, нам (ЦСУ) был выделен строго очерченный участок улицы, где по круглосуточному графику работники наши ходили от столба к столбу, якобы следя за сохранением порядка на отведенном участке. И так решительно по всем улицам города. Круглосуточно!

Разумеется, на празднование прибили также делегации Москвы, Ленинграда и всех союзных республик, к каждой делегации была прикреплена на всё время их пребывания группа лиц, во главе с каким-нибудь министром. Мне была придана латвийская делегация, которую возглавлял Август Эдуардович Восс, нынешний первый секретарь ЦК КП Латвии, а тогда пребывавший в должности секретаря ЦК по идеологическим вопросам. Нам были выданы талоны (“Карт-бланш”), и мы по всей республике могли угощать гостей в неограниченном количестве, выдавая вместо уплаты лишь

подписанные нами талоны на любую сумму оплачиваемую затем правительством республики. Подружились мы тогда с Воссом, возил я делегацию по всей республике, угощал напрапалую, и по завершении празднования мы тепло распрощались. Но в центре внимания, разумеется, был Хрущёв, произнесший уйму речей, как обычно, с немалыми “перлами”. Выяснилось, например, что армян-репатриантов он считал эмигрантами, бежавшими за границу от революции. Ну что ж, сказал он однажды, – можно понять их, во время революции бежало много не только армян, но и русских и других тоже было немало, не все же сразу разобрались в революции, а вот теперь разобрались и стали возвращаться. Не легко было объяснить ему, что эти самые репатрианты бежали вовсе не от революции и не из нашей страны, а от турецких “любезностей”. Едва уразумел, впрочем, не уверен.

Пока я работал в ЦСУ, произошло такое важное событие, как полёт Гагарина в космос, вызвавший всеобщее восхищение. А отпуск в 1961 году я вновь провёл в Гаграх. За это время в Армении произошёл очередной “дворцовый переворот”, Товмасын был низвергнут с высокого кресла, и место его наконец занял Яков Никитович Заробян. Это событие коснулось и меня, при этом в благоприятном аспекте, чем я обязан, только и только, Заробяну.

В сентябре 1961 года звезда Товмасына закатилась, но лишь в Армении. Хрущёв в общем-то не дал в обиду своего ставленника. Что касается моего мнения, то на фоне таких стервозных личностей, как Арушанян, Маргарян и креатура этих двоих, Товмасын, порою, выглядел даже благородно. Но к должности первого секретаря ЦК он разумеется не подходил, хотя бы, с точки зрения общей культуры. Поэтому, для всех явилось полной неожиданностью его назначение на дипломатическую работу, а именно – послом СССР во Вьетнаме. Правда, спустя пару лет сам же Хрущёв отозвал его оттуда и назначил..., опять же, послом в Ливию. После Ливии карьера

Товмасына пришла к концу, и больше он нигде не работал. Пробыв несколько лет на пенсионном положении, умер в одночасье. На этом разговор о Товмасыне окончательно завершается.

Итак, спустя буквально несколько дней после занятия Заробяном кресла первого секретаря ЦК КПА, от него раздался звонок с приглашением приехать в ЦК. На встрече с ним он прямо мне сказал: Что тебе делать в этом самом ЦСУ, вот министерство госконтроля преобразуется в Комиссию государственного контроля при Правительстве, давай, бери на себя эту комиссию". Поскольку дело и коллектив были мне уже хорошо знакомы, да и, вообще, представился отличный повод покинуть ЦСУ, я, не колеблясь, согласился.

Вновь я оказался в милом мне коллективе, относившемся ко мне необычайно тепло, и встречен был я с нескрываемой радостью ещё и потому, что одновременно убрался оттуда опостылевшим всем Мелконян.

Так и проработал я (прямо скажу, с удовольствием) в Комиссии госконтроля остаток 1961 года и весь 1962 год. Провели мы много большой и полезной работы. Именно в это время были нами вскрыты серьёзнейшие преступления на Араратском цементном заводе, Октемберянском консервном заводе, в Ленинанском стройуправлении (это были самые крупные дела, но было немало и других – сравнительно помельче).

В 1961-1964 годах состоялось несколько поездок в Тбилиси и Баку, связанных с деятельностью Закавказского бюро ЦК КПСС. Такие бюро были созданы по всем зонам страны и, как показала практика, оказались одними из бессмысленных выдумок Хрущёва. Руководители бюро не избирались, а назначались, между тем, они пытались командовать избранными по Уставу партии Центральными комитетами компартий республик. Но что было до этого Хрущёву – не впервые он продемонстрировал подобное понимание “соблюде-

ния” ленинских норм партийной демократии, называясь, при этом, о трибун “верным продолжателем дела Ленина” – это начинало становиться кощунством.

В общем, так или иначе, Забюро существовало, и, стало-быть, должно было действовать. Выражалось это, главным образом, в созыве, поочередно в трёх столицах, каких-нибудь зональных совещаний. Мне довелось участвовать в трёх таких совещаниях – два из них упомяну сейчас, а третье - немного позднее.

Летом 1961 года состоялось закавказское зональное совещание по вопросам сельского хозяйства в Тбилиси. Как начальник ЦСУ, я был включён в состав армянской делегации. На совещание приехал и даже выступил Хрущёв. Именно на этом совещании Мжаванадзе в неудержимом подхалимском рвении заявил: До указаний “дорогого Никиты Сергеевича” по “партийной культуре” (действительно, так говорили и писали) кукурузе, грузины, якобы, не умели её выращивать, и лишь после указаний Хрущёва (и опять “нашего дорогого”) стали добиваться высоких её урожаев. “Теперь “наш дорогой” и т.д., у нас растёт во-о-от такая кукуруза, ” – сказал Мжаванадзе, и вытащил из под трибуны раздобытый где-то початок необыкновенно гигантского размера. Бурные овации!

Летом 1962 года, уже в качестве председателя Комиссии госконтроля, выехал я в составе делегации в Баку. Перед этой поездкой отвёз я на автомашине (с милым нашим Артюшей) Симу с Ирочкой а заодно и всех трёх женщин семейства Семёновых – Марусю, Фиру и Марину, в Кировабад. Тётя Оля ещё жила там и всех приютила в своём обширном доме. Наслушанный ещё в детстве от мамы зачарованные рассказы о несравненных красотах окрестностей Гянджи, я решил побывать наконец в этих местах. Вот мы и поехали к озеру Гёк-гёль, и, в самом деле, поразительно живописному, а по пути увидели и Ханлар (бывшей немецкой колонии Еленендорф, когда-то самой богатой из всех кавказских колоний, а теперь запу-

ценной новыми обитателями донельзя), и прославленный как великолепная дачная местность – Аджикент (сюда ездил весь елизаветпольский бомонд), да и вся дорога пролегла по очень живописной местности.

Потом я вернулся пока в Ереван, а через некоторое время, опять же “на Артюше” (как выражалась Ира) выехал в Баку, заехав по пути в Кировабад, чтобы прихватить своих домочадцев. По пути в Баку завернули в новый город Мингечаур, на выезде из которого чуть не утонули в грязи, настолько испорчена была там дорога. В Баку разместились в номере-люкс бывшей гостиницы “Азербайджан” что на Шемахинке. В процессе совещания (настолько оно было надумано, что сейчас никак не могу вспомнить, о чём же мы там “совещались”) делегации совершили экскурсию в Сумгаит, где нас обстоятельно ознакомили с этим городом.

По окончании совещания, рано утром мы выехали из Баку и всего за один день проехали огромное расстояние до Еревана (как только выдержал Артюша, но парень он был богатырский), проехав через Шемаху, Ахсуинский перевал, Агдаш, Евлах, Кировабад, Шамхор, Казах и далее по Армении – от Иджевана до Еревана.

Наступил 1963 год и Хрущёв не был бы Хрущёвым если б на новый год не обрушил на своих сограждан новые реорганизации. Придуман он и мудрёную перестройку системы государственного контроля, да такую, какая могла родиться лишь в его голове. Ни одному негениально, т.е. нормально мыслящему человеку такое на ум никак бы не пришло. Казалось бы – мне - то что! Но всё дело в том, что раз уж реорганизация, то обязательно должна была она зацепить меня, такое уж у меня везенье во все времена – тогда, до этого, и после этого тоже.

Словом, в январе 1963 года состоялось решение о создании головоногого уroda именуемого – “Комитет партийно-государственного контроля ЦК КПСС и Совета Министров СССР” с аналогич-

ным образованием в республиках, а председатель этого мудрёного комитета, кроме председателя Комитета, ещё и становился секретарём ЦК и заместителем Председателя Совета Министров, т.е. един в трёх лицах, да ещё каких! Естественно, что после пока не забытых бурных событий, не миновавших тогда меня, я не мог быть ни секретарём ЦК, ни заместителем председателя Совмина, поэтому пришлось потесниться и занять пост первого заместителя этого самого “трехдолжностного” Председателя (и, в самом деле, завел он себе три кабинета и стал неуловим, походи поищи, где он). Чтобы позолотить пилюлю, специальным указом Президиума Верховного Совета республики мне был присвоен “титул” “министра Армянской ССР”, Всё было бы относительно терпимо, если б председателем этого необычайно грандиозного учреждения не назначили Егиша Асцатряна, одно лишь произнесение имени которого вызывало в массе лишь разведение руками и недоумевающую гримасу. Вот его заместителем, хотя бы и первым, да еще и “министром”, суждено было мне пробить целый отвратный год.

Но, возвращаясь в 1962 год, должен я упомянуть еще об одной туристской поездке в страну, где давно хотелось побывать – в Германию, вернее в ту ее часть, которая именуется “Германская Демократическая Республика”. Но страна есть страна, как бы она не именовалась. В этой поездке Сима вновь была со мной, я же, опять-таки был назначен руководителем группы, полностью состоявшей (разумеется, кроме меня и Симы) из медицинских работников.

Итак, 1 июля 1962 года, мы выехали автомашиной в Тбилиси, где и оставили Ирочку, главным образом, на попечении Риты. 3 июля поездом направились в Москву, куда прибыли 5 июля. В тот же день на Курском вокзале встретили всю нашу группу, состоявшую из 25 человек (вместе с нами), что сулило мне значительное облегчение в будущем. 6 июля вечером мы пустились в путь поездом “Москва-Берлин” и уже 7 июля, в 2 часа дня, прибыли в

Брест. Дождались, пока поезд перевели с Московского на Варшавский перрон, заняли мы вагоны, уже переставленные на европейскую колею. Спустя немного времени поезд тронулся в направлении границы. Переехав реку Западный Буг мы очутились в Польше. На пограничной польской станции Терезполь подверглись погранично-таможенным процедурам и поезд двинулся дальше.

Еще засветло подъезжаем к польской столице. Едем мимо ее правобережного пригорода – Праги, пересекаем Вислу и втягиваем в сооруженный под центром Варшавы туннель. За Варшавой стемнело, а на рассвете 8-го июля поезд уже подходил к пограничной польской станции Куновице. Очередные процедуры и мы прощаемся с Польшей, пересекаем у Франкфурта на Одере эту реку и попадаем во власть немецких пограничников. В 6 часов утра, выиграв сразу два часа (разницу между московским и средне-европейским временем), мы уже в пределах Берлина. Одна за другой мелькают пригороды – Кёпеник, Карлсхорст, Руммельсбург, а вот “Остбанхоф” – Берлинский Восточный вокзал. Встречающих оказалось несколько человек. Представитель “Интуриста” знакомит нас с нашим будущим гидом, Лаурой Юльевной Шнайдер, которая в свою очередь представляет нам водителя, имя которого Гюнтер.

Размещаемся в автобусе и прежде едем в Советское посольство на Унтер-ден-Линден, где нам был учинен тщательный инструктаж о сложившейся в Берлине ситуации “фронтowego” города. Затем отправляемся в отведенную нам гостиницу “Адлон”, расположенный прямо напротив Рейхстага и под прямым углом к Бранденбургским воротам. После завтрака и до назначенной на 11 часов первой экскурсии оставалось порядочно времени и мы решаем хоть наскоро пройтись по Берлину. От Вильгельм-штрассе заворачиваем на Унтер-ден-Линден, видим довольно много невосстановленных зданий, некоторые в лесах.

Выходим на угол Фридрих-штрассе, когда-то оживленной торгово-зрелищной улице, но сейчас она почти мертва. Одной из ее примет является эстакада городской железной дороги (“Эс-Бан”), а левее нее увенчанная стеклянной крышей громада вокзала “Фридрих-штрассе”. Направляемся к реке Шпрее, перед которой видим здания – театра “Метрополь” и Дома прессы, где расположилось и популярное кабаре журналистов “Дистель”. Сразу же за рекой большое здание варьете “Фридрихштадт-Паласт”, рядом – “Концертхауз-Берлинер-ансамбль”, у пересечения этой улицы с Рейнхардт-штрассе – цирк “Барлей”, а слева, за пустырем, два театра – “Каммершпиле” и “Дойче-театр”.

Продолжаем свой путь по Фридрих-штрассе. Посредине улицы одна за другой, лестницы ведущие к станциям метрополитена. Все они заколочены, так как линия виляет между западным и восточным секторами города и поэтому ее нельзя использовать. Доходим до Ораниенбургер-штрассе и заворачиваем на нее. Но приближается время возвращения в отель и мы берем обратный курс, через Тухольски-штрассе, слева виднеется фасад знаменитого Бодемюзея, где хранится отличная копия (иногда ошибочно принимают за оригинал) головы Нефертити. Пройдя мимо корпусов Глазной клиники, вновь выходим на Фридрих-штрассе. Используя остающееся время сворачиваем на Клара Цеткин-штрассе, а оттуда на узкую и сумрачную Университет-штрассе, зажатую с двух сторон темно-серыми боковыми фасадами Государственной библиотеки и Университета. В темном и сыром углу восседает каменный Момзен.

Теперь выходим к главному фасаду Университета, обращенному на Унтер ден Линден, напротив площади Бебеля, по две стороны которой – обгоревшее здание Публичной библиотеки и полностью восстановленное здание Государственной оперы. Именно здесь расположены памятники братьям Гумбольдт, Вильгельму и Александру. Здание Университета было построено в середине XVIII

века под дворец, но в 1810 году по предложению братьев Гумбольдт было передано под Университет. Впоследствии университет получил имя одного из братьев (не запомнил которого).

Наступило время первой экскурсии, у подъезда уже стоит автобус. Едем в прославленный “Пергамон-музей”. Подъезжаем к рукаву Шпрее – Купферграбену, проходим через него по пешеходному мостику и входим в музей. Он обладает передне-азиатским и исламским отделениями богатыми античными коллекциями и еще многими уникальными экспонатами. Лаура представляет нам гида – д-р Элизабет Роде, оказавшейся крупным ученым, автором серьезных исследований. Ценных экспонатов множество, но особенно примечательны: процессионная каменная аллея – выход из Вавилонского дворца. Воспроизведена, как было в натуре, та часть дворца, где по обе стороны высоких каменных стен навстречу входящему двигаются вереницы грозных каменных львов. Затем – Милетский рынок, воссозданный в натуре привезенный из Малой Азии изумительный античный ансамбль рынка. И, наконец, Пергамский алтарь, уникальное древнегреческое сооружение, целиком вывезенное из Пергама и реставрированное в огромном, специально построенном, зале со стеклянным куполом. Верх ансамбля представляет собой изящную колоннаду, состоящую из множества невысоких ребристых колонн в ионическом стиле. Построена посередине огромная каменная лестница в 24 ступени. Под колоннами, по всему периметру алтаря, сооружена гигантская Лента барельефов, изображающих эпизоды битвы богов с титанами.

Из Пергамон-музея возвращаемся в отель “Адлон” на обед, после чего едем в Трептов-парк, к монументальному ансамблю, посвященному советским воинам. Из центра (Штадтмитте) едем через район Фридрихсхайн, через длинный мост над широкой речной запрудой (здесь главный порт Берлина), въезжаем в Трептов.

Весь ансамбль парка, сооруженный по проектам архитектора Белопольского и скульптора Вучетича, занимает 12 гектаров. Ансамбль открывается двумя каменными изваяниями, изображающими склоненные знамена. В центре ансамбля вырыто обширное прямоугольное углубление, по средней линии которого установлено несколько невысоких постаментов из полированного гранита, на них лежат бронзовые венки. По обе его стороны, на плоских гранях символических сооружений, высечены различные, подходящие к случаю, изречения. Ансамбль завершается 13-метровой фигурой советского воина, заботливо держащего в левой руке ребенка, а в правой – опущенный долу меч. Фигура воина водружена на высокий искусственный курган, вверх по которому восходит монументальная каменная лестница. Внутри постамента небольшое помещение, стены которого выложены мозаичной панорамой на тему почитания героев.

Возвращаемся в отель по лучшей магистрали современного Берлина – Маркс-аллее и через Александер-плац, а после ужина небольшой группой выходим на самостоятельную вечернюю прогулку. Начинаем с Бранденбургских ворот, перед которыми тянется линия барьера, ограждающего “зону безопасности” вдоль границы с Западным Берлином. Затем, по отрезку Унтер ден Линден, доходим до площади Бебеля, как раз у Университета им. Гумбольдта. Эта площадь обрела печальную известность тем, что именно на ней, прямо перед Публичной библиотекой (полностью обгоревшей и пока не восстановленной), устраивались грандиозные костры из книг, чем-либо неугодных нацистским правителям. Заго расположенное по другую сторону площади здание Государственной оперы восстановлено полностью и функционирует с 1955 года. Очевидно в 40-ых годах XVIII века оно было одним из наиболее выдающихся сооружений прусской столицы, прославив своего создателя Кнобельсдорфа.

В глубине этой же площади виднеется другое монументальное сооружение, построенное в третьей четверти XVIII века, собор св. Хедвиг. Особенно характерен построенный уже в XIX веке огромный шатровый купол, окрашенный в матово-зеленый цвет. Наискосок от Оперного театра, фасадом на Унтер ден Линден, расположилось приземистое здание в античном стиле – “Новая вахта” (построенное по завершении наполеоновских войн), знаменующее победы прусского оружия. Сейчас этому зданию придано иное назначение. Мы входим в невысокий, полутемный и почти пустой зал, в котором лишь несколько надписей и пара венков, возвещающие славу павшим борцам против нацизма. Рядом с “Новой вахтой” здание бывшего “Цейхгауза”, где ныне устроен Музей немецкой истории. Почти прямо напротив них двухбашенная, старинной архитектуры, церковь “Фридрих-Вердерше”.

Выходим на площадь, расположенную на “музейном” острове, между Шпрее и ее рукавом – Купферграбеном. Это самая большая, самая центральная и самая парадная площадь Берлина, бывшая Люстгартен-плац, ныне Маркс-Энгельс-плац. В северном углу площади возвышается массивный “Берлинер-дом” (собор), с большими зелеными орлами, рассеянными у подножья мощного купола. Здание хоть и выгорело, но в общем сохранило свои формы и архитектурные детали. Прямо за собором расположилась группа музеев и, впереди всех, здание Национальной галереи с высоким античным портиком, покоящимся на коринфских колоннах и украшенном многочисленными скульптурами, главным среди которых является сооруженный в центре, на высоком постаменте, всадник в тоге.

На прилегающей к Шпрее стороне площади сооружены постоянные трибуны, что свидетельствует о происходящих здесь церемониях. Пересекаем Маркс-Энгельс-плац по диагонали и подходим к южному из двух мостов, соединяющих площадь с левым берегом

реки. Справа, перед мостом, привлекает внимание “Старая конюшня”, сооруженная в XVII веке в стиле голландского барокко.

Переходим через Шпрее и вступаем на Ратхауз-штрассе, где расположена Берлинская Ратуша. Наречена она “Роте-Ратхауз”, но вовсе не потому, что там разместился магистрат демократического Берлина, а из-за того, что здание сложено из красного кирпича. Ратуша построена в 60-х годах прошлого века и восстановлена сразу же по окончании войны. Прямо за ним возвышается здание другой Ратуши, которая почему-то названа “Старой Ратушей”, хотя и построена позднее красной Ратуши. Это большое серое здание с высоким фронтоном, над которым возвышается высокая двухъярусная башня, увенчанная круглым куполом. Сейчас здесь резиденция Правительства.

Пройдя под эстакадой городской железной дороги выходим на обширную Александер-плац. Правая от нас сторона площади полностью восстановлена, но впереди и слева пока пустыри. Конечной целью нашей прогулки намечена Маркс-аллес, поэтому пересекаем площадь, выходим на Ленин-аллее, от которой и ответвляется Маркс-аллее, однако предвидя, что километры, которые мы одолели, придется повторить и в обратном направлении, решаем повернуть назад. Чтобы разнообразить наш путь, идем уже по Либкнехт-штрассе и вскоре подходим к полностью восстановленной Мариакирхе. По древности она является вторым сооружением в Берлине (Построена в XIV веке и по этому увенчана готическим шпилем). Первый день пребывания в Германии истек.

Утром 9-го июля я и Лаура едем в “Райзебюро” для уточнения программы нашего тура по ГДР. Благодаря внесенным коррективам на нашем пути появился Эрфурт. Затем текстильные предприятия были заменены лечебными и научно-медицинскими учреждениями, в связи с тем, что кроме нас двоих, вся группа состояла из медицинских деятелей. Возвратившись в отель, забираем нашу группу и

//
отправляемся в новый зоопарк Демократического Берлина. Старый зоопарк (“Цоо”) оказался в западном секторе, поэтому в “Шлосспарке”, расположенном в районе Фридрихсфельде за короткий срок создан новый Зоопарк. Приезжаем в “Цоо”, вытянувшийся вдоль Шлосс-штрассе и Тресков-аллее. Кроме большой коллекции всевозможной фауны в парке устроено множество затейливых и увлекательных аттракционов для детей.

После обеда едем в так называемый “Рудольф Вирхов-хауз”, который представляет собой научно-исследовательский институт с музеем патологической анатомии. Едем прямо на север от отеля, по направлению к Веддингу, по Луизен-штрассе, через Роберт Кох-плац (здесь памятник ученому) и приезжаем в расположенную в районе Инвалиден-штрассе клинику Шарите. Здесь же расположен и Вирхов-хауз. В лекционном зале выслушиваем предварительные пояснения и ответы на вопросы наших медиков. Затем начинается осмотр экспонатов, не очень приятных по виду для немедиков.

Покинув “Вирхов-хауз” едем в другой конец города, на Штраусбергер-плац, где возвышаются два самых высоких (пока) здания демократического сектора – дом “Берлин” (Хауз-Берлин), где, в частности размещен гигантский трехэтажный ресторан. Осматриваем “Дом детей”, огромный детский комбинат. Лифтом поднимаемся на крышу, представляющую открытую террасу, и рассматриваем широкую панораму Берлина, включая Западный.

После ужина предоставляются свободные часы на весь вечер. Поскольку в восточном Берлине центром города стал район между Александер-плац Франкфуртер-Тор, т.е. новая крупно-застроенная магистраль – Маркс-аллее, куда и направляемся, пользуясь метрополитеном. По пути проходим мимо пустыря, образовавшегося на месте бывшей Рейхсканцелярии. Лишь в центре пустыря возвышается небольшой бугорок, – остатки бетонного бункера. Придя на Тельман-плац, где находится ближайшая к отелю станция метро,

спускаемся вниз и садимся в вагон “У-бан” (Унтергрундбан). Проезжаем через станции: “Штадтмитте”, которая когда-то была пересадочной, затем “Хауссфогтейплац”, “Шпиттельмаркт”, “Меркишес-музеум” (т.е. Провинциальный музей), “Клостер-штрасс” и, наконец, “Александр-плац”. Здесь делаем пересадку и вдем до “Франкфуртер-Тор” через “Шиллинг-штрассе”, “Штраусбергер-плац” и “Мархлевски-штрассе”. Так мы оказываемся у дальнего конца Марксе-аллее, у “Блюмен-хауза” – Дома цветов. Теперь двигаемся по Марксе-аллее уже по направлению к центру. Эта улица на протяжении нескольких километров уже застроена новыми многоэтажными жилыми домами. Поздно вечером добираемся до Александер-плац, дальнейший путь совершаем по надземной железной дороге – “Эс-Бан”. Наступает последняя ночь нашего пребывания в Берлине.

В прекрасное летнее утро 10-го июля еще до завтрака выходим побродить в районе Бранденбургских ворот и Рейхстага. Вокруг лишь руины и расчищенные пустыри. Позавтракав, едем в одну из лучших столичных клиник – “Фридрихсхайн”, названную по большому парку где она разместилась. Наши туристы-врачи разбиваются на группы и расходятся по отделениям больницы, кого что интересует, а мы с Симой решаем идти в детское отделение, затем выходим в живописно отработанный больничный двор дожидаться сотоварищей.

После обеда выезжаем из Берлина в Котбус. Долго едем по пригородам Берлина и наконец огромный город остается позади. Дорога проложена через сосновый бор почти до местечка Люббенау, где мы делаем остановку. Сегодня здесь какое-то скопление публики, наверно ярмарочный день, всюду расцветенные киоски и балаганы. Люббенау расположено в районе Шпресвальд, во всех направлениях изборожденном тихими каналами. Мы берем лодки, которыми управляют местные “гондольеры”, стоящие на корме и отталкивающиеся длинными шестами. Совершаем довольно длин-

тельную прогулку по живописно извивающимся канадам. Местность лесистая, тут и там на низких берегах под пышными кронами деревьев притаились уютные сельские домики.

В 7 часов вечера приезжаем в Котбус и размещаемся в гостинице “Централь-отель”, впрочем весьма провинциальной. В городе преобладают неширокие извилистые улицы и преимущественно малоэтажные дома. Однако повсюду царят стерильная чистота и опрятность. Центральные кварталы города довольно привлекательны. Здесь и ужинаем, в отнюдь не провинциальном ресторане “Штадт Котбус”. После ужина еще немного бродим по вечерним улицам города.

11-го июля сразу же после завтрака отправляемся в Котбусскую окружную больницу – “Бециркскранкенхауз”. Переезжаем через длинный путепровод над железнодорожными путями и по узким улицам, по которым бегают миниатюрные беленькие трамвайные вагончики, приезжаем почти на окраину города. Здесь мы видим довольно значительные больничные корпуса. Нас принял руководитель больницы (“Арцт-директор”) профессор Велькер, который полюбопытствовал – почему наш выбор пал именно на эту больницу и посоветовал вместо нас посетить новую, недавно открытую в 40 километрах от Котбуса, в поселке предприятия “Шварце-Пумпе”. Всё же вызвал группу врачей из разных отделений и группа разошлась по этажам больницы.

Вернувшись в город совершаем пешую прогулку по его центральным улицам, сидим немного в городском парке и отправляемся обедать всё в том же ресторане “Штадт-Котоус”. Затем совершаем общую поездку в автобусе по Котбусу и Окончательно убеждаемся, что это не такой уж незначительный город. Теперь по программе предстоит поездка в Дрезден. Проезжаем через городок ШПремберг, затем, возле города Хойерсверда, мимо огромного буроугольного комбината “Шварце-Пумпе” (Черный насос), миновали большое

село Бернсдорф, и недалеко от Дрездена проехали через раскинувшийся на холмах городок Кёнигсбрюк. Вскоре начались пригороды Дрездена, а вот и его центральные кварталы.

Сперва едем по правобережным кварталам города, затем пересекаем Эльбу и долго едем по левобережной набережной Кетте-Кольвитц-Уфер. Этот прославленный своей красотой и элегантностью город выглядит просто ужасно. Конечно много и уже застроенных кварталов, но выглядят они непривлекательно – шпалерами расставлены 5-6 этажные стандартные коробки.

От реки сворачиваем на Гёте-штрассе и выезжаем на узкую Преллер-штрассе, где, на углу Лёшвитцер-штрассе, в окружении густой зелени, расположился отель “Вальдпарк”. Здесь и размещаемся. После ужина расааживаемся в автобусе и отправляемся в первую поездку по Дрездену. Переезжаем на правый берег Эльбы по мосту, который называется “Голубым чудом”. Назван он так потому, что в прошлом веке оказался самым выдающимся висячим мостом в Европе, и будучи выкрашен в голубой цвет получил подобное название. Проехав небольшую старинную площадь начинаем круто подниматься в гору по улице Грунд-штрассе, над которой перекинут фуникулер. По нагорной Баутцнер-штрассе съезжаем вниз и долго едем по ней, извинаящейся по крутому косоугору. Справа на большом протяжении тянется лесопарк, а слева, на живописных речных обрывах, расположилось множество дворцов и вилл бывшей саксонской знати.

Дальше едем по Антон-штрассе и переезжаем через мост Мариен-брюкке. Теперь мы опять на низменном левом берегу Эльбы. Проезжаем Шверинер и Тельман-штрассе и останавливаемся на одной из главных площадей города – Альтмаркте. Здесь покидаем автобус и отправляемся на пешую прогулку. Побродив по площади и прилегающим улицам, возвращаемся в гостиницу.

1.

День 12-го июля полностью посвящен Дрездену. С утра начинаем его объезд. Осматриваем жилые массивы, где дома выглядят явно лучше прибрежных. Проезжаем мимо большого парка “Гроссер-Гартен”, где множество аттракционов, включая Детскую железную дорогу, едем по Штюбель-аллее и Ленне-штрассе в направлении научно-вузовского городка, который внимательно рассматриваем. Затем едем к центру города по улице недавно названной “Юрий-Гагарин-штрассе”. Она выводит нас к “Хаупт-банхофу” (Главному вокзалу) и гид рассказывает о происшедшей здесь 13 февраля 1945 года страшной войне (вспомним Воннегута), учиненной тысячами “летающих крепостей” над огромным скоплением беженцев. Тогда и был почти полностью уничтожен весь Дрезден. Отсюда начинается некогда самая деловая и оживленная улица Дрездена – Прагер-штрассе, ныне опустошенная и замершая.

Приезжаем в самый парадный район Дрездена, где сосредоточены почти все дворцы, музеи и театры. На площади “Наймарт” выходим из машины. Перед нами руины огромной церкви, это всё что осталось от некогда красивейшей “Фрауен-Кирхе. Перед ней величественный памятник Мартину Лютеру. По широкой каменной лестнице, мимо музея “Альбертинум”, поднимаемся на знаменитые Брюльские Террасы. Отсюда открывается лучшая панорама широкой излучины Эльбы и трех мостов, расходящимися лучами. Под террасами притаилась группа белых кораблей – это часть того, что в Германии называется – “Белый флот”. Все корабли действительно белоснежные. У монументального, хотя и невысокого, здания Дрезденской Академии художеств воздвигнут памятник прославленному архитектору и скульптору Эрнсту Ритчелю. Неподалёку памятник и главному “украшателю” Дрездена – курфюрсту Августу II.

Подходим к парадной лестнице, ведущей к площадке перед центральным Зданием королевского дворца. Он еще не восстановлен, но

передний фасад уцелел. Рядом с дворцом, вдоль узкого проезда, метров на 100 тянется стена, на которой цветным кафелем выложено церемониальное шествие всех саксонских властителей – от первого курфюрста до последнего короля. Эта стена не повреждена.

С другой стороне дворца возвышается весьма колоритная придворная церковь – “Католише-Хофкирхе”, уже полностью восстановленная. За церковью раскинулась обширная Театральная площадь, всё монументальное окружение которой также восстановлено. Здесь, и Оперный театр, и огромная конная статуя одного из последних саксонских королей – Иоганна считающегося строителем театра. К реке обращена группа здания, называющаяся “Итальенише дорфхен”, так как здесь были расселены прибывшие из Италии мастера. В глубине площади самые блистательные шедевры Дрездена – Картинная галерея и бывший дворец, а впоследствии музей – “Цвингер”. Создатель большей части ансамбля архитектор Готфрид Земпер (по его имени Дрезденскую галерею иногда называют “Земперовой”).

Проходим под аркой ворот Картинной галереи и выходим на обширную дворцовую площадь, украшенную фонтанами и газонами. В ее глубине и возвышается сам Цвингер, созданный в начале XVIII века, в разгаре барокко, архитектором Пёппельманом и скульптором Пермозером. Название “Цвингер” происходит от глагола отражать, давать отпор, поскольку на этом месте некогда стояла крепость. Справа от Цвингера видим еще один музей, проходим через его залы и выходим на небольшую укромно притаившуюся площадку. Здесь и расположился “Нимфенбад” – купальня нимф, целая их дюжина уютно устроилась в нишах, обливаясь брызжущими со всех сторон струями из фонтанов. На одной из сторон площадки, по искусно выложенным обломкам скалы низвергается шумный водопад.

Осмотр ансамбля пока прерываем на “Нимфенбаде”, время обе-
дать и мы не хотим комкать осмотр картинной галереи короткими
минутами. А пока успеваем съездить в весьма популярный Дрезден-
ский Музей гигиены. И он уже восстановлен и полностью функцио-
нирует. Расположен Музей рядом с парком “Гроссер-Гартен”. Пер-
вые же экспонаты показали, что это уникальный музей, может-быть
не имеющий аналогов. Очень обстоятельно и остроумно, весьма
наглядно, показано всё, чем располагает человеческий организм, а
заодно и некоторых домашних животных. Самыми ценными экспо-
натами являются огромные прозрачные фигуры мужчины, женщи-
ны, а неподалеку также коровы и лошади. До предела отчетливо
видны все детали их внутренностей, вплоть до последнего сосудика
и нерва.

Весь остаток этого дня, начиная с двух часов, посвящается Кар-
тинной галерее. Мне довелось посмотреть эту несравненную кол-
лекцию еще в Москве, где она хранилась некоторое время, к тому же
в закрытые часы в сопровождении директора музея имени Пушкина
– Дмитрия Сергеевича Меркурова. И всё же в родных пенатах сок-
ровища галереи смотрятся как-то по особенному. О собранном сак-
сонским королевском домом коллекции картин, ставшей Дрезденс-
кой галереей, говорить не приходится. Обычно, говоря о ней упоми-
нают, лишь Рафаэлевскую Мадонну, однако несравненных шедевров
здесь такое множество, что трудно выделить какие-нибудь из них.

Вечером этого дня отправляемся на пешую прогулку по Дрезде-
ну. Идем по Лёшвитцер-штрассе к Шиллер-плацу, переходим на
правый нагорный берег Эльбы по мосту “Голубое чудо” и доходим
до нижней станции фуникулера. Садимся в вагончик и поднимаемся
до самого верха, где расположены террасы ресторана “Луизенхоф”.
Здесь располагаемся на ужин, одновременно любуясь расстилаю-
щейся внизу панорамой вечернего Дрездена. Поздно вечером, опять
спустившись фуникулером и продолжив путь трамваем, доезжаем до

остановки Преёллер-штрассе, соседствующую с нашим огелем. Завтра предстоит отъезд из Дрездена в дальнейший путь по Германии.

С утра 13-го июля запланирована поездка в один из уникальнейших уголков природы не только Германии, но и всей Европы. Это так называемая “Саксонская Швейцария” (Зексишен Швайц), находящаяся в нескольких десятках километров от Дрездена, на правом берегу Эльбы, недалеко от чехословацкой границы.

Переезжаем Лёшвитцер-брюкке и едем вверх, по правобережью. Проезжаем через Добенцайт, Ломин и подъезжаем к горам “Эльбзандштейн-гебирге”. Самая живописная часть этих гор называется Бастай, по имени монаха, популяризовавшего красоты местной природы. Возле небольшой гостиницы, приютившейся на краю глубочайшей пропасти, покидаем автобус. Повсюду высоченные скалы, подножье которых теряется в недосыгаемой глубине. Склоны покрыты хвойными лесами. На дне этого каменного шабаша виднеются прозрачные бирюзовые озера. Со стороны Эльбы скалы обрываются прямо в реку, образующую здесь плавную дугу. Далеко внизу видна железная дорога, ведущая в Чехословакию, а вдоль нее городки, деревни, железнодорожные станции.

Обозрение этого чуда природы весьма удобно, повсюду живописные тропинки, с одной скалы на другую, над бездной, перекинуты мостики. На одной из высоких скал водружена фигура монаха Бастая, а на самой высокой скале устроена обзорная площадка – “Кёнигсштайн”. В одной из впадин, на большой глубине, устроен открытый театр, на манер античных амфитеатров. Обратный путь совершаем по другой дороге. Спустившись к реке и переехав на левый берег, попадаем в город Пирна. Центральные улицы довольно нарядны, в большинстве бульварного типа. На одном из домов мемориальная доска, извещающая что некогда здесь жил сам Гёте.

За Пирна следует городок Хайденау и вскоре показываются окраины Дрездена. Едем по пригороду Добриц, затем по Боденбахер-штрассе, прямо к музею “Альбертинум”, аналогичный нашей Оружейно Палате. В нем хранятся сокровища саксонского королевского двора, которые и подробно осматриваем. После обеда в “Вальдпарке” выезжаем из Дрездена в Райхенбах, расположенный в провинции Фогтланд, куда прибываем в половине шестого вечера. Полное название города “Райхенбах ин Фогтланд”, так как в Германии несколько городов с таким названием.

Не успеваем расположиться в отеле “Голднер-Анкер” (Золотой Якорь), как появляется секретарь правления местного общества германо-советской дружбы, пригласивший нас на встречу со своим активом. Заранее предупрежденные о нашем приезде несколько десятков немцев собрались в ресторане отеля, благо в этих местах советских людей почти не бывает. Нам остается поспешно направиться туда и начинается торжественная встреча. Они произносят приветственные речи, я произношу ответную, мы пьем их пиво, они наш коньяк, разговариваем на каком-то тарабарски-смешанном языке, они притворяются, что понимают нас, мы притворяемся, что понимаем их. Дело доходит до песен и танцев и вся процедура затягивается до 11 часов вечера, поэтому вечерняя прогулка сорвалась

14 июля я поднимаюсь чуть ли не на рассвете, чтобы выиграть время для ознакомления с Райхенбахом. Это, в основном, текстильный городок, поэтому именно здесь и расположилось “Фахшюле фюр Текстильиндустри”, т.е. Высшая школа текстильной промышленности. Обхожу площади имени Карла Маркса и Рыночную, улицы – Вокзальную и другие. Оригинально сконструирована декоративная Водонапорная башня, которой райхенбахцы настолько гордятся, что издают буклеты и открытки со своим “Вассертурмом”. Недалеко от города находится одна из немецких достопримечатель-

ностей – многоэтажный арочный мост (на манер древнеримских акведуков) – “Гёльцштальбрюкке”.

После завтрака выезжаем в Карл-Маркс-штадт, раньше называвшийся гораздо проще – “Хемниц”. По пуги заезжаем в весьма значительный город – Цвиккау, Этот город славен тем, что является родиной Роберта Шумана. Рядом с большим готическим собором, на углу Маркт-плац и Мюнц-штрассе видим небольшой старинный двухэтажный домик, на фасаде которого высечено, что здесь, 8 июня 1810 года родился великий композитор.

Чуть ниже дома Шумана, расположились старинные колоритные здания. В одном из них, обладающем таким высоким коньком, что под ним разместилось целых пять этажей, до сих пор еще помещается “Гевандхауз” – Концертный зал, и рядом нарядное здание Ратхауза. Входим в дом, где лишь в 1910 году были выселены жильцы и создан мемориальный музей. Внизу обширный вестибюль, правее небольшой концертный зал (Каммермюзикзааль), наверху круговой анфиладой расположились жилые комнаты. На стенах много памятных фотографий – портреты родителей и его жены, знаменитой пианистки Клары Викк.

В Доме-музее экспонируются оригинальные документы – письма, дневники, рукописи нот. Сохранилось много предметов из мебели и другой обстановки, особенно в “Мюзикхёрраум” и “Геденк-Циммер” (Рабочий кабинет), где стоят рояль Шумана и высокая стойка, за которой он работал.

Еще немного побродив по Цвиккау трогаемся дальше. Едем через городки и местечки Лихтенштейн, Обер-Люонгвиль, и к обеду приезжаем в один из крупных административных центров ГДР – город Карл-Маркс-Штадт, ранее называвшийся просто – Хемниц. В городе еще немало пустырей. Приезжаем к отелю “Ам Шлахтхоф”, что означает “У Скотобойни”. Действительно, по соседству распо-

ложено такое учреждение, даже слышно мычание и бляение животных.

После обеда выходим на свободную прогулку по городу, сперва по большой городской магистрали – Национс-штрассе (улица Наций). На ней, в сени густых деревьев приютился невзрачный и почему-то сплошь черный памятник сразу Марксу и Энгельсу. Выходим на обширную площадь, где возвышается собор с высоким шпилем, а рядом Опернхауз (Оперный театр). Конечно в кирхе мы входим, потом идем по улицам и выходим к Главному вокзалу, вокруг которого что ни здание, то отель. Пересекаем вокзальные пути по проложенному под ними длиннющему туннелю и поднявшись по каменной лестнице оказываемся на большой улице – Дрезднерштрассе. Она выводит нас прямо к нашему отелю, но уже с обратной стороны. После ужина опять прогулка у большого окраинного парка и по ряду новых для нас улиц.

Наш отъезд из Карл-Маркс-Штадта по программе должен был состояться 15-го июля после обеда, но мы уговариваем ехать после завтрака, чтобы отвести больше времени ознакомлению с Иеной. Итак, отправляемся. Мимо промелькнули городки Глаухау, Кримиchau, затем оставляем слева уже довольно значительный город – Гера. Между Герой и Иеной проезжаем Хермсдорфкрайц – пересечение двух важнейших автострад – Дрезден-Франкфурт на Майне (по которой мы сейчас едем) и Мюнхен-Берлин. За Хермсдорфкрайц проезжаем над Тойфельсталь (Чёртово ущелье) очень глубоким и полностью заросшим лесом, над которым перекинут мост огромной высоты. Перед самой Иеной сворачиваем с автострады на обычную шоссеиную дорогу и вскоре въезжаем в этот знаменитый город.

Автобус останавливается у невысокого, со старинной патиной здания, оказавшегося главной достопримечательностью Иены (если не считать оптических заводов “Карл Цейсс”) – прославленным Иенским Университетом. Он носит имя одного из своих профессоров – а

именно Фридриха Шиллера. Отправляемся в прогулку по Иене, крутимся вокруг Университета, проходим мимо, судя по виду, древнего собора, и выходим на центральную площадь города, где сооружен памятник основателю университета курфюрсту Фридриху-Иоганну. Монарх стоит облачившись в кольчугу и воинственно подняв меч, словом меценат-воитель.

Двигаемся дальше, в конце одной из улиц виднеется группа больших, явно производственных, корпусов. Это и есть заводы Цейсса. При нем существует поучительный музей, но увы, сегодня воскресенье, и мы не смогли его осмотреть.

На одной из улц, неподалеку от Университета, видим небольшой старинный домик, на стене которого дощечка, извещающая о том, что здесь и была обитель Шиллера. Обедаем, тоже в старинном, ресторане “Шварцен-Бер” (Черный медведь), известный тем, что еще в 1522 году здесь провел совещание со своими единомышленниками не кто иной, как Мартин Лютер. Об этом событии написана картина, висящая в ресторане. Закончив экскурсию по Иене, двигаемся на Веймар. Ну это не просто город, а сплошные реликвии. На одной из старинных площадей Веймара выходим из автобуса и пешком отправляемся в Веймарский замок, он же дворец, “Шлосс-музеум”, где протекала государственная деятельность Гёте. Передвигаемся по длинной анфиладе дворцовых помещений, где собраны значительные сокровища. В отделе средних веков и ренессанса выставлены полотна Дюрера и Кранаха; в отделе европейской живописи 16-17 веков – Рубенса, Рейсдаля, Тинторетто, Рибейра; в отделе германской живописи гётевского периода – Графф, Тишбейн, Карстенс. Позднее сюда же попали Роден и Моне. В “Шлоссмузеум” и другие отделы – графики, театрального искусства, а также “поздней романтической школы” и “Веймарской школы живописи”, где расположены комнаты поэтов с портретами, скульптурами и ори-

гиналами произведений Гёте, Шиллера, Гердера, сказочника Виланда.

Покончив со “Шлоссмوزهум” отправляемся на Эспланаду, ныне Шиллер-штрассе, к одной из святынь Веймара, да и всего мира, – Дому-музею Фридриха Шиллера. Это старинный трехэтажный дом. На улице, перед входом в дом, бьет фонтан с мальчиком и четырьмя лебедями. В этом доме Шиллер провел последние годы своей жизни, когда были созданы последние его произведения, в частности “Вильгельм Телль”. Здесь же, в 1805 году (9 мая), Шиллер скончался. Обходим весь дом. Много портретов поэта, в передней кисти Тишбейна, есть и копия с картины Граффа. В гостиной (“Гезельшафтсциммер”) в нише установлен бюст Шиллера – дар Данеккера, здесь же портреты родителей и жены – Шарлотты. В рабочей комнате стоит простой письменный стол и на нем старинный глобус и часы в форме лиры. В темном углу кровать, на которой Шиллер умер. На кровати лавровый венок, рядом посмертная маска Шиллера.

Из дома Шиллера едем в другую святыню Веймара – Дом-музей Франца Листа. В Веймаре Лист жил с 1848 года (с перерывами) служа придворным капельмейстером. В 1869 году, в возрасте 58 лет, Лист окончательно поселился в Веймаре, где и прожил до самой своей смерти, наступившей в 1886 году.

Листу принадлежал небольшой двухэтажный домик на Мариенштрассе, что на окраине Веймара, у опушки загородного лесопарка. Квартира великого “маэстро” занимала второй этаж дома, первый же этаж уже в 1956 году, к 70-летию со дня смерти Листа, был отдан под музей. В одной из комнат, служившей и кабинетом и гостиной, стоят – большой рояль Бехштейна, изготовленный фирмой специально для Листа, и пианино фирмы Ибах, которое Лист особенно любил. В квартире множество памятных фотографий – Листа, его родных и друзей, письма, нотные рукописи, первые издания его

сочинений. На столике “немая” клавиатура, которую Лист брал во время поездок для тренировок пальцев. Экспонируется также много подарков, целая коллекция тростей, без которых Лист не обходился. В одной из комнат мраморный бюст Листа работы Ленерта, по-смертная маска и слепок с его руки.

Рядом с домом Листа, в глубине парка носящего имя Гёте, небольшое кладбище советских воинов – тихий уголок, укрывшийся в сени густых крон, слышится раздающийся отовсюду щебет и пение птиц. Поистине “вечный покой”.

На сегодня экскурсия по Веймару закончена. Выезжаем в Эрфурт, куда прибываем в 6 часов вечера. Размещаемся в отеле “Бюргер-Хоф”, недалеко от вокзала, и почти не теряя времени выходим на первую прогулку по Эрфурту. Ходим по новым и старым улицам города. Сохранилось много средневековых узеньких улиц, где мы долго плуаем, затем оказываемся на огромной площади. На фоне вечернего, “чуть подсвеченного, неба чётко отпечатываются силуэты расположившихся на высоком скалистом плато большого собора и рядом три, выстроившихся в один ряд, остроконечных шпиля церкви “Зеверише Кирхе”.

Утром 16-го июля выезжаем из Эрфурта в Веймар, где осталось еще немало неосмотренных объектов. Первый из них – Бухенвальд. Едем всё время вверх, проезжаем по плоской вершине горы Эттерсберг, где сооружен циклопический трагический памятник жертвам концентрационного лагеря. Въезжаем на его территорию, где многое уже уничтожено, бараки снесены полностью, но сохранились выстроившиеся всером двух-трех этажные дома для персонала лагеря. Но достаточное представление о Бухенвальде можно получить по сделанному макету. Возле него выслушиваем подробности об этой фабрике смерти, о четверти миллиона заключенных, из коих 55 тысяч здесь же и погибли. Теперь идем знакомиться в натуре с тем, что осталось от лагеря. Проходим в арку

ворот, на чугунных створках которых, отлито “Иедем дер Заине”, т.е. “Каждому свое”. Рассматриваем несколько мемориальных плит на месте массовых истреблений. Затем осматриваем специально оставленный один крематорий, где можно проследить путь, который проходила обреченная жертва. На задней стене крематория установлена мемориальная доска, извещающая о злодейском убийстве на этом месте Эрнста Тельмана.

Возвращаемся в Веймар, сходим на обед у отеля “Интернационал”, затем пешком направляемся к центру города и вскоре выходим на площадь, одну сторону которой занимает Национальный театр. В нем, еще при жизни Шиллера, были поставлены “Валленштейн”, “Мария Стюарт” и “Вильгельм Телль”. Здесь же Лист поставил три оперы Вагнера, в том числе, впервые, “Лоэнгрин”, при этом сам же и дирижировал. В центре этой площади воздвигнут памятник двум великим веймарцам Гёте и Шиллеру, стоящим обнявшись на общем постаменте. Автор памятника Эрнст Ритчель.

Наступил черед Дома-музея Гёте, расположенного на Фрауенплане. Здесь всё подобротнее нежели в других музеях и домах. Гёте-то был побогаче и Шиллера и Листа. Входим в довольно парадное антре и поднимаемся по широкой лестнице. Повсюду много картин и скульптур, привезенных из многочисленных путешествий Гёте, особенно из Италии. Вот комната Юноны, названная по установленной здесь неправдоподобно огромной скульптурной голове богини. В других комнатах тоже много скульптур, изображающих женские фигуры. Есть и комната Урбино, чей портрет, владетельного князя родины Рафаэля, висит здесь. Далее идут – Рабочая комната с простой бюргерской обстановкой, и комната Кристины, несменяемой прислуги Гёте, ставшей после тридцати лет обслуживания законной женой поэта. Наконец, “Штербециммер”, комната “вечного упокоения”, где стоит массивное кресло Гёте с придвинутой к нему ска-

меечкой для ног. На кресле лавровый венок, а рядом кровать, на которой прервалась жизнь гения.

Заднее крыльцо дома выходит на небольшой садик. Отсюда дом выглядит весьма обычно – простая черепичная крыша, окна забраны простенькими ставнями, к дому пристроен деревянный балкончик снемудренными балясинами, от которой спущена в сад скрипучая деревянная лесенка. Рядом с натуральным “Гётехаузом” сооружен впоследствии фундаментальный “Гётемузеум”, где в четком порядке и весьма обстоятельно демонстрируется вся жизнь великого веймарца.

После осмотра этого музея официальные экскурсии по Веймару заканчиваются и мы, через весь город, идем на вокзал. Но до отправления поезда остается еще полчаса, поэтому идем пить пиво.

Из Веймара возвращаемся поездом в Эрфурт. После ужина в своем отеле “Бюргер-Хоф” выходим на прогулку по вечернему Эрфурту и на этом день заканчивается.

Всю первую половину дня 17-го июля посвящаем Эрфурту, при этом без обязательных экскурсий. Город интересен, он носит название “Бломенштадт” – Город цветов. Именно здесь обосновалась “ИГА” – “Интернационале Гартенбау Аусштеллунг”, т.е. Международная Выставка цветоводства, которая, как утверждают, ежегодно привлекает 3,5 миллиона посетителей. Эрфурт старинный и некогда богатый торговый город, поэтому здесь немало памятников старины.

Прежде всего отправляемся к Соборной площади, где еще не были при свете дня. Идем мимо Рагуши, старинных ганзейских домов, высоких но узких, с характерной лепниной. Выходим на обширную площадь, где совсем рядом, на высокой скале, расположились “Эрфуртер-дом” (св. Марии) и “Зеверише-Кирхе”. Собор построен в XIII веке в ранне-готическом стиле, а церковь в XII веке в романском стиле. Вместе они составляют весьма оригинальную композицию.

По широкой каменной лестнице поднимаемся на общую для них площадку. Внимательно осматриваем собор изнутри, затем обходим его со всех сторон, установив что каждая из сторон совершенно оригинальна и решена по своему. Теперь идем по улицам, мостам через реку Геру и каналы, постепенно выходим на более современные улицы Эрфурта, пройдя мимо старинной гостиницы “Гастхауз-Фатерланд” (Отечество), где всегда останавливался Гёте во время своих приездов в Эрфурт.

После обеда в “Бюргер-Хоф” выезжаем из Эрфурта в направлении Лейпцига. Едем по автострате в восточном направлении, мимо Веймара, Иены, через мост над “Тойфельсталь”, а вот и “Хермсдорфкраиц”, откуда принимаем северное направление. Наконец приезжаем в Лейпциг и размещаемся в отеле “Байришер-Хоф” по соседству с Главным вокзалом. После ужина, еще засветло, выходим на улицы Лейпцига. Заходим довольно далеко, до Томас-Кирхе, места, где у алтаря погребен великий Бах.

С утра 18 июля начинаются организованные экскурсии по Лейпцигу. Первым объектом избран Музей им. Димитрова, созданный в здании бывшего Верховного трибунала Германии, где проходил известный процесс над Георгием Димитровым. Рассматриваем собранные здесь экспонаты, характеризующие разгул нацизма, затем входим в зал судебных заседаний. Здесь устроен стенд с личными вещами Димитрова, отобранными у него при аресте. Рассаживаемся на свидетельских скамьях и выслушиваем записанную на магнитофоне самую любопытную часть процесса – сцену допроса Геринга в качестве свидетеля и перепалку между ним и Димитровым. Другие отделения музея посвящены истории немецкого рабочего движения, имеется и небольшая Картинная галерея.

Дальше едем не останавливаясь, мимо территории Лейпцигской ярмарки и циклопического памятника “Лейпцигская битва народов 1813 года”. Подъезжаем к Музею Ленина, почти за городом, на

улице названной “Русеен-штрассе”. Здесь демонстрируются реставрированная типография, принадлежавшая некоему. Рау, где были отпечатаны первые номера “Искры”. Теперь едем к целому комплексу музеев и выбираем Этнографический, оказавшийся довольно интересным. Здесь выставлены экспонаты из числа бытовых и ритуальных предметов различных диких народов, преимущественно с тихоокеанских островов, но и многие другие, не забыты и наши сибирские шаманы. Перед музеем возвышается одинокая башня. Это колокольня церкви “Иоханнис-Кирхе”, вернее то, что осталось от нее, остальное уничтожено бомбой. А ведь еще несколько десятилетий назад именно здесь была могила Баха. Перенос останков великого композитора в Томас-Кирхе, оставшейся невредимой, явился своего рода гениальной прозорливостью.

После обеда в “Байришер-Хоф” продолжаем экскурсии по Лейпцигу. Едем на другую окраину города, мимо Лейпцигского зоопарка и въезжаем в живописные зелёные пригороды, где сохранилось много старинных домов и домиков. В одном из них, на Менке-штрассе, в 80-х годах XVIII века жил Шиллер, о нём свидетельствует прибитая к стене дощечка. Направляясь опять к центру города высаживаемся у Томас-Кирхе, знаменитой тем, что около 30 лет она имела органиста по имени Иоганн Себастьян Бах. Его имя высечено золотыми буквами на массивном черном мраморе, покрывающем могилу гения.

Из Томас-Кирхе направляемся к той части Лейпцига, которая 150 лет назад была еще загородным полем. Здесь в 1813 году произошло гигантское сражение, вошедшее в историю под названием “Битвы народов”. Теперь это одно из городских площадей, где воздвигнута грандиозная гранитная пирамида, высотой в 92 метра. Однако, позднее мы сюда еще вернемся.

Оставшись в полном одиночестве (группа куда-то исчезла), начинаю обходить заранее намеченные объекты, чтобы лучше их

рассмотреть. Отправляюсь вдоль длинной анфилады многоэтажных жилых домов в центре Лейпцига (на крыше одного из них устроен оригинальный бой часов – колокол, по которому бьют два молотобойца, размеренно и поочередно поворачиваясь к нему), затем новый Лейпцигский оперный театр, который велик, но не очень привлекателен снаружи (говорят интерьер удачен), кружусь вокруг Новой Ратуши, внушительного многопланового здания сложной конструкции, хожу вокруг более привлекательной Старой Ратуши, за которой, в укромном уголке, сооружен памятник молодому Гёте-студенту Лейпцигского Университета, затем сам Лейпцигский Университет, сквозь окна которого пока еще просвечивает небо, музеи, опять Томас-Кирхе и многое другое. Как хорошо ходить в одиночестве!

Чувствую; что начинаю уставать, и беру курс к своему отелю, но, проходя мимо Лейпцигского вокзала, захожу в него, прослышав, что это самый большой вокзал в Европе (впрочем второй, после Миланского). Над пассажирскими залами возвышается крупнейший стеклянный купол, главный перрон необъятной длины и ширины, ответвляющиеся от него посадочные перроны выводят на 26 путей, на всю длину поездов они перекрыты стеклянным зонтом. Много поездов с непривычными для нас двухэтажными вагонами.

После ужина выходим на последнюю вечернюю прогулку по Лейпцигу. Углубляемся в центральные кварталы города. Лаура приглашает нас в “Ауэрбахс-Келлер” – старинный кабачок, где Гёте впервые услышал легенду о докторе Фаусте. В сущности это ресторан типа винного погреба. Здесь два зала, но в том, историческом, пива не подают, там пьют только вино. Зал декорирован винными бочками, на стенах развешена всякая всячина, повествующая о славном прошлом кабачка и, конечно, всё о Гёте и о Гёте.

19 июля выезжаем из Лейпцига и берем курс на Потсдам. Едем по безупречной автостраде, но именно поэтому по пути не видим

почти ничего кроме дороги. Вскоре приезжаем в Потсдам и останавливаемся на Отто-Нушке-штрассе, перед отделением “Дойче-Райзебюро”. Отсюда едем обедать в так называемый “Новый сад”, где расположен замок “Цецилиенхоф”. Затем приступаем к осмотру вошедшего в историю второй мировой войны замка. Он построен кронпринцем Вильгельмом в 1913-1916 годах в стиле охотничьего замка. Расположен в лесистой местности, в дефиле между озерами Хайлиген-зее и Юнгферн-зее. Здесь и состоявшаяся в июле-августе 1945 года Потсдамская конференция трех держав-победительниц. Мы рассматриваем главный зал конференции и знаменитый круглый стол, комнаты Черчилля, Трумена, а также “Красную” комнату, отведенную Сталину. Так комната названа из-за красных обоев, а вовсе не потому, что здесь обитал Сталин.

Из “Нового сада”, по одной из главных улиц Потсдама Гегельштрассе, едем в парк “Сансуси”. Потсдам, как и наш город Пушкин, состоит из двух неравных частей – незначительного города и великолепных парков и дворцов. По Пути к Сансуси нам повстречалась типичная русская деревня Александровка, основанная еще в 1830 году выходцами из России. Вход в этот прославленный парк оформлен высоким обелиском, изрезанном какой-то клинописью египетского или ассирийского образца. Сразу видна явная подделка. От самого входа и До Нового дворца (“Нойес-Паласт”) Фридриха Великого струной вытянулась более чем двухкилометровая аллея, прерываемая в нескольких местах круглыми площадками с фонтанами. Всюду бесчисленное множество скульптур, представлены все боги и богини, все музы и мифические персоны обоих полов.

Начиная от входа, налево – “Фриеденскирхе”, чуть дальше, справа, “Галерея”, еще дальше и тоже справа, на возвышении, сам старый дворец “Сансуси”, построенный именитым Кнобельсдерфом в 40-х годах III века. Слева, уступами, один за другим, “Китайский чайный домик”, “Римские бани” и замок “Шарлоттенхоф”. Справа

по косогору – многочисленные террасы “Оранжереи”. И так все два километра отличного тенистого парка.

Аллея заканчивается обширной площадью, по одной стороне которой вытянулся фасад (длиннющий) “Нового дворца”, построенного в 60-х годах XVIII века. Все эти большие и малые шедевры строились в течение 150 лет, многочисленными зодчими, от Кнобельсдорфа до Штюлера, а в промежутках приложили руку – Бюринг, Шинкель и Ленне. Сама история возникновения дворца определила его облик. Когда в середине XVIII века по европейским дворам поползли слухи о разорении Фридриха II, сулившие последнему крупные неприятности, этот монарх изобрел оригинальный способ одним ударом рассеять клевету. Было задумано построить дворец, роскошь и богатство которого должны были затмить все дворцы Европы. Богатство то получилось, но художественные ценности явно оказались втуне.

Огромный аляповатый фасад “рококо” с бесчисленными амурчиками совершенно непривлекателен. Залы невероятно роскошны, но отделаны безвкусно и бесстыльно. Один из самых больших залов, стены которого выложены целиком полудрагоценными минералами, поражает воображение и только. Разумеется затея Фридриха была высмеяна.

Довольно долго выбираемся из Потсдама, затем начинаем объезжать Западный Берлин с юго-запада и юга. Проехав через Бланкенфельд и Шёнефельд въезжаем в Берлин (ГДР) с юго-востока. Едем через городские районы – Бонсдорф, Грюнау, Адлерсхоф, Нидер-Шёневайде, Баумшуленвег, наконец знакомый нам Трептов, проезжаем по мостам через речной порт, по Франкфурт-алее. Немного пройдясь по Маркс-аллее на Штраусбергер-плац усаживаемся в автобус и едем теперь прямо на “Остбанхоф”. Во время ужина в вокзальном ресторане прощаемся с нашими постоянными – гидом Лаурой Шнайдер и водителем Гюнтером. Дальше всё

по обычному. 21 июля в Москве, 25-го в Тбилиси и 26 июля дома, в Ереване. Осенью 1962 года мы отдыхали в Гаграх. Всё было бы отлично, не схвати меня внезапно почечный колик. Приступы длились целых четыре месяца, и лишь в феврале 1963 года камушек проскочил, и я избавился от этой проклятушей болезни.

В марте 1963 года от болезни сердца скончалась Евдокия Васильевна. Похоронена она на закрытом ныне кладбище “Тохмахангёль” почти у самых главных ворот.

Ничего существенного, во всяком случае запомнившегося, до 1964 года больше не произошло. Ровно год пришлось мне проработать в хрущёвском контрольном конгломерате, да ещё под началом Егиша Асцатряна. Правда, в тот год мне исполнилось полвека, что ознаменовалось лишь награждением Почётном грамотой Верховного Совета Армянском ССР (и то хорошо).

В январе 1964 года постигло меня новое служебное перемещение. А произошло это следующим образом.

В августе или сентябре 1963 года состоялось решение о создании Комитета по печати при Совете Министров СССР и аналогичных комитетов в республиках. В декабре того же года из Москвы потребовали представить кандидатуру на пост председателя республиканского комитета. Заробян в это время отсутствовал, и в ЦК хозяйничал второй секретарь Ованес Багдасарян. Он представил кандидатуру директора Айпетрата Мхитара Давтяна, категорически отвергнутую в Москве как перестарка, перевалившего за 60 лет, и как лицо, имеющее всего среднее образование. К этому времени уже появился Заробян, и всё это было высказано ему с добавлением – ведь в республике работает такой-то (т.е. я), был заведующим сектором издательств ЦК КПСС и т.п., – несколько лестных для меня слов. Конечно, Заробян всё свалил на Багдасаряна и тут же позвонил мне, сделав соответствующее предложение. Хотя бы ради избавления от Асцатряна, да и по существу, я разумеется согласился, был

вызван в Москву, а в январе 1964 года поступило утверждение моей персоны со стороны ЦК КПСС.

И опять пришлось начинать всё с нуля. Ни помещения, ни штатов, ни кадров. Поначалу пришлось опереться на существовавшее до этого в составе Министерства культуры Управление полиграфии, а потом я довольно хитрым способом вселился на первый этаж нового здания Гостелерадио, на Гедаре (угол Лермонтовской). Спустя примерно год завершилось строительство здания Дома печати на бульваре (сейчас улица Исаакяна), буквально по соседству с домом, где мы обитали. Здесь уж разместились мы более чем комфортно. Штаты тоже укомплектовали в, общем, неплохо. Только мои заместители никак не могли поладить друг с другом, доставляя мне массу хлопот. Первым заместителем взял я как раз того самого первого кандидата – Мхитара Давтяна. Человеком он был от природы умным, достаточно начитанным, а главное, мы с ним как-то быстро и тесно сдружились. Другим заместителем стал бывший много лет начальником Управления полиграфии Егиш Оганесян, который всегда достаточно дружески и с почтением относился ко мне, но с обиды ли или по непокладистому характеру, буквально впивался мёртвой хваткой в Давтяна. Но последний всегда брал верх, так как был намного умнее своего оппонента, да и мне он больше импонировал. Пишу об этом так откровенно потому, что до них моё мнение теперь не дойдёт, обоих уже нет в живых.

Остальные работники в общем тоже были на месте, хотя и не без исключений. Кстати, начальником планового отдела у меня стал, по наследству от Министерства культуры, мой двоюродный брат Ваня - (Иван Иванович) Джагетян – отличнейший и опытнейший работник. большой умница и, вообще, великолепный человек. Хозяйство у Комитета оказалось довольно значительное – несколько издательств (после произведенной нами реорганизации – такой зуд тогда охватил всё и вся), довольно крупные типографии, книжная,

торговля, словом, дел было достаточно. Несмотря на объективные трудности, работа была мне по душе – как же иначе, ведь это было моё любимое книжное дело.

1964 год принёс много событий – приятных и не очень, а также постигшее нас семейное горе. В конце весны состоялся очередной съезд Компартии Армении, на котором, после десятилетнего перерыва, я вновь был избран в состав ЦК КП Армении. С приходом Заробяна моё положение заметно улучшилось. Тем более, что Арушанян уже был изгнан с высоких постов, Маргаряна, убранного из ЦК ещё Товмасяном, не стало, а Багдасарян фрондировал против меня лишь иногда и то исподтишка. Заробян открыто выражал своё расположение к моей персоне. В частности, он привлёк меня к самому непосредственному участию в подготовке его отчётного доклада на съезде партии. Мы с ним выехали примерно на неделю в Джермук, разместившись в отличнейшем правительственном особняке, расположенном высоко на косогоре над курортом. Отсюда открывался поистине сказочный вид. Вообще, окружающая Джермук природа фантастично прекрасна. Но ближе к делу. Заробян привёз с нами самую опытную машинистку с лучшей пишущей машинкой, и своего порученца, забыл как его звали, хотя отлично и много лет знал его. Прихватили также все необходимые документы. Заробян поначалу отдыхал, дожидаясь пока я из всех документов подготовлю “болванку” доклада, получившуюся весьма пространной. Потом он стал по-своему отрабатывать эту “болванку”, сидя в одной комнате и присылая лист за листом в ту комнату где расположился я (из комнаты в комнату, а потом к машинистке – бегал порученец). Я наводил затем на его отработку окончательный лоск и тоже лист за листом отсылал машинистке, которая и печатала уже весь текст доклада набело. Так мы работали весь день, а вечерами отдыхали. Жили весьма комфортно, на полном и преотличном пансионе.

Вскоре после съезда я снова поехал в Баку, уже поездом через Нахичевань, на организованное всё тем же Закбюро совещание по вопросам печати.

В июле был в командировке в Москве, а по возвращении сразу же взял отпуск и выехали мы, теперь уже втроём, т.е. захватив и Иру, всё в тот же санаторий “Армения” в Гаграх. Ире уже было 15 лет, стала совсем взрослой.

Во время нашего пребывания в Гаграх проходил XXII съезд КПСС, который был едва ли не позорнее двадцатого. Если тогда сначала ещё обсуждались какие-то практические вопросы, то на XXII съезде не было ничего, кроме оголтелой брани в адрес Сталина и членов “антипартийной” группы. Не знаю как у кого, но у меня от этого съезда осталось омерзительное впечатление. Именно он и был истинно антипартийным.

Возвращаясь из Гагр, заехали в Тбилиси, где застали отца в критическом положении. Это была последняя встреча с ним. Поскольку Рита уже выбивалась из сил, ухаживая одновременно за тяжело больными отцом и матерью, то было решено, что Сима пока останется в Тбилиси, а я с Ирой возвратились домой в Ереван.

История болезни отца протекала так. Летом предыдущего 1963 года, работая ещё в партгосконтроле, я выехал в командировку (машиной с Артюшей) в Шамшадинский район. Когда подъехали к Казаху уже вечерело, а до Берда (центр Шамшадинского района) было ещё далеко, тогда, как до Тбилиси рукой подать – всего 90 километров. Тут я решил заехать на ночь к родителям, а рано поутру выехать в Берд.

Проснувшись утром, я застал отца лежащим на животе и стонущим. Мама сказала, что уже несколько дней он жалуется на сильные боли в области живота. Поскольку в Тбилиси мои возможности были ограничены, то, вернувшись в Ереван, я вызвал туда отца и попросил профессора Вигена Малхасяна осмотреть его. Тот созвал

даже целый консилиум, а после подробнейшего обследования сказал мне (разумеется в отсутствие отца), что у старика - рак слепой кишки, т.е. редчайший случай. Дальше последовал такой диалог: Можно оперировать? Не имеет смысла, метастазы уже захватили печень. Сколько ещё протянет? Может быть, до осени (это значило – месяца два-три). Отцу же сказали, что у него хронический колит, и боли будут постоянные, надо притерпеться. На этом его отпустили и вскоре он вернулся в Тбилиси, где уже несколько лет делал всё по дому все “женские” дела (мама уже была на постельном положении, в парализованном состоянии) – делал покупки, варил, убирал, даже стирал, словом, решительно всё. Наступила осень, миновала зима, пришла весна следующего года, а отец был на ногах, превзойдя все назначенные ему врачами сроки. Бедняга был очень здоров и прожил бы ещё немало лет, если б, откуда ни возьмись, не схватила его злоеющая болезнь. Летом 1964 года он окончательно слёг и стал таять прямо на глазах. Сам он так и выразился при нашем последней встрече: “Я таю как льдинка под солнышком”.

К этому времени я, через председателя Совмина Грузии Джавахишвили, устроил обмен двух крайне неблагоустроенных квартир – родительской и Риты, на трёхкомнатную квартиру со всеми современными удобствами в Сабуртало, где Рита со своим разросшимся семейством и живёт до сих пор (май 1963). Но тогда (Карик ещё был юношей) на бедную Риту сразу свалились два тяжелейше больных родителя. Всю жизнь отец мечтал о квартире, куда попадал бы хоть один солнечный луч. В старой нашей квартире мы иной раз забывали, что на свете существует такое благодатное явление как солнце. И вот теперь, попав в залитую солнцем квартиру, отец прожил здесь лишь один месяц.

Не успели мы с Ирой побыть несколько дней в Ереване, как позвонила Сима и сказала, что близится конец. Тут же, прямо в ночь, мы выехали в Тбилиси и уже не застали отца в живых. Умер

он 4 сентября 1964 года, прожив без малого 84 года, честной жизнью труженика, заботливого семьянина, преданного своей стране коммуниста (никогда и никому не давал он в обиду нашу страну и наш строй). Похоронен он на кладбище в Сабуртало, тогда ещё только что заложенном.

Осенью 1964 года праздновалось 400-летие русского книгопечатания и повсюду проводились посвящённые этому событию собрания общественности. В Ереване такое собрание было проведено в Русском драматическом театре им. Станиславского. Я выступил с докладом, а затем предстоял спектакль для собравшейся публики. Внезапно, в самом конце доклада схватил меня почечный колик (почти два года не было и признаков). Едва перетерпев, я закончил доклад, и прихватив Симу с Ирочкой поспешил домой, забыв и о спектакле, и обо всём на свете. Колик был достаточно сильный, но, к счастью, единственный и больше не повторялся до самого 1982 года, когда я опять перенёс короткий приступ.

Наступил незабываемый и благодатный октябрь 1964 года, когда произошло великое событие. Вообще, в воздухе носились некие предположения в отношении Хрущёва, но ничего определённого пока не происходило. Суть этих предположений проистекала из того, что Хрущёв довёл экономику страны до критического предела и полностью вышел из - под контроля, делая всё, что ему вздумается, нередко просто экспромтом, даже не подумав о возможных негативных последствиях. Уверенный в своём непререкаемом в народе авторитете, чуть ли не всенародной любви к нему (что усиленно поддерживали в его сознании так называемые средства массовой информации, дирижируемые небезизвестным, а тогда и всевластным, Аджубеем, да и в окружении было немало высокочинных подхалимов, которые не менее усиленно внушали ему то же), он всё больше и больше “закусывал” удила. Словом, последовала - и логи-

чески не могла не последовать - вполне закономерная реакция на всё происходящее. Когда - то это должно было произойти!

И вот, однажды, когда я сидел на ереванском стадионе на футбольном матче, пробравшийся ко мне Спартак Багдасарян, бывший тогда первым секретарём ЦК комсомола Армении, шепнул мне: "Хрущёва сняли", и с этого мгновения футбол потерял для меня всякий интерес. Вообще - то мы знали, что члены ЦК КПСС созданы в Москву, но пока не ведали, по какому делу. Однако, всякие шушуканья уже были. Ни в этот день, ни в последующие, я не заметил, чтобы было много огорчившихся (хотя, конечно, были и такие), зато ликующих было сколько угодно.

Итак, 14 октября 1964 года пленум ЦК КПСС избрал первым секретарём ЦК Леонида Ильича Брежнева, убрав со всех постов Хрущёва. Состав Политбюро пока не претерпел больших изменений, так как даже ближайšie подхалимы Хрущёва типа Полянского, Мжаванадзе и иже с ними, разумеется, из карьеристских соображений, выступили против него, короче, - запросто продали человека, которому были обязаны всей своей незаконной карьерой.

Изменения в лучшую сторону стали ощущаться сразу же. Уже со следующего дня во всей стране появился в продаже белый хлеб, которого до этого были удостоены (с сильной примесью кукурузы) лишь жители Москвы, Ленинграда и милого сердцу Хрущёва Киева. Скептики говорили, что, вероятно, это лишь жест, продержится всего несколько дней, в крайнем случае - недель, и ошиблись. Держится это, без перебоев, уже десятилетия.

За падением Хрущёва последовало приведение в порядок всей, в конце им запутанной государственной и партийной структуры, и вызванная "волюнтаризмом" Хрущёва, нервозность стала постепенно спадать. В целом, в стране наступила какая-то успокоенность, поддерживаемая умеренными действиями Брежнева, по-видимому, лишённого по характеру экстремистских импульсов.

У меня же продолжалась обычная рутинная работа в Комитете по печати, с частыми выездами в Москву председателем республиканских комитетов, порознь или вместе, на всякого рода совещания. Во время одного из сборов в Москве, вскоре после октябрьского пленума, тогдашний наш “союзный голова” по комитету Павел Константинович Романов сговорился с пребывавшим тогда на посту секретаря ЦК КПСС П.Н. Демичевым (сейчас – Министр культуры СССР) и устроил нашу встречу с ним. Тот подробно рассказал о предыстории и истории октябрьского пленума, о проделках Хрущёва (о некоторых мы даже не знали) и воскликнул: Если б вы знали, какой это был дремучий человек”. Я подумал, очень даже знали, хорошо, что теперь и вы узнали”. Вообще, многие тогда говорили – всё правильно, но почему так поздно? (более одиннадцати лет “правил” этот человек такой великой страной). Я думаю, что тактически нужно было очень точно выбрать подходящее время, иначе Хрущёв расправился бы со своими новыми оппонентами так же, как и с пресловутой “антипартийной” группой. Вот и выжидали, когда ситуация настолько созреет, чтобы действовать наверняка. Поэтому, нельзя было огульно обвинять Брежнева и его окружение в том, что они долго тянули.

Наступил 1965 год.

По делам Комитета по печати случались, как я уже упоминал, довольно частые поездки в Москву, но и только. А вот в апреле 1965 года из союзного комитета вызвали на всесоюзное совещание по вопросам книжной торговли, которое было назначено в Таллине. Поездка оказалась очень интересной в познавательном плане. Само совещание, на проведение которого присхал тогдашний первый заместитель председателя союзного Комитета по печати Василий Сергеевич Фомичёв (тоже из партшкольцев, но был курсом старше), было достаточно поучительным в профессиональном плане. Но самым завлекательным оказалась поездка по Эстонии, довольно хоро-

шо организованная. Выехав на машинах из Таллина, направились на юг, с остановками, из которых на первом отрезке запомнилась Вильянди, на западной стороне озера Вентсъярв. Затем, доехав на самом юге республики до Тырвы, повернули на северо-восток. Побывали в Йыгевисте, где сооружён фамильный склеп Баркляя – де-Толли, гробницы – его самого, жены, и на поверхности, вплотную у склепа, его сына – Манфреда. Затем заехали в живописный городок Эльву, раскинувшуюся у восточного берега упомянутого озера. Наступил черед Тарту, где задержались надолго. Разумеется, побывали в знаменитом университете (бывшем Дорпатском), где не утрачено имя учившегося здесь Хачатура Абовяна – установлен его бюст, его именем названы одна из аудиторий и примыкающая к университету улица. К вечеру возвратились в Таллин. Это был мой второй приезд в этот весьма привлекательный город. После разъезда участников совещания я оставался еще пару дней гостем республиканского комитета по печати, в ответ на гостеприимство, оказанное мною эстонской делегации во время их приезда в Ереван на Дни эстонской культуры в Армении.

А летом 1965 года состоялась моя вторая поездка в ГДР, причем, в первый раз за границу в порядке командировки (до этого пять, заграничных поездок были туристскими). Итак, еще в середине июня мне сообщили, что я включен в состав небольшой советской делегации, направляющейся в Лейпциг на 4-ю международную выставку искусства книги. В состав делегации вошли: Павел Романов – председатель Комитета по печати при Совете Министров СССР, Борис Стукалин – то же по РСФСР, я – то же по Армении, Лембит Кайк – то же по Эстонии и Макар Поздняков – первый заместитель председателя украинского комитета. К делегации была прикомандирована в качестве переводчика работник Главлита – Инна Георгиевна Герасимова. В ГДР мы выехали двумя группами, сперва я, Кайк, Поздняков и Герасимова. Из Берлина мы почти тотчас же

выехали в Лейпциг, где разместились в отеле “Астория”. Несколько позднее приехали Романов и Стукалин, которых разместили в новеньком отеле “Дойчланд”.

Утром 1 июля после завтрака сразу же направляемся в “Мессе-хауз” – помещение, где раскинулась выставка. Это новое здание, расположенное прямо на центральной площади Лейпцига – Маркте, между Альтесратхауз (старой Ратушей) и знаменитой (баховской) Томас-Кирхе. Составив общее представление о композиции выставки, уходим из “Мессехауза”. После обеда бродим по знакомому мне Лейпцигу, едем на трамвае к памятнику “Битва народов” (“Фёлькер-шлахтсденкмаль”), потом трамваем же возвращаемся в “Асторию”. А вечером собираемся уже в полном составе в номере-люкс отеля “Дойчланд” у П.К. Романова.

2 июля в полдень состоялось торжественное открытие выставки. Церемония была организована в парадном зале Новой Ратуши (“Нойес ратхауз”). Всё было скомпоновано оригинально, непривычно для нас. На небольшой эстрадке расположился камерный оркестр, а сбоку от него приспособлена простенькая трибуна. Никакого президиума и председателя нет и в помине, просто всем роздана програма с описанием намеченных процедур.

Когда все расположились на своих местах в партерных рядах, оркестр исполнил гимн ГДР. Затем на эстраде появилась артистка, очень популярная в стране, Криста Гольдшалк, которая выразительно, но без пафоса, прочитала из Бертольда Брехта “Обращение к книге”. По окончании чтения оркестр сыграл из Баха. Во время паузы на трибуну поднялся бургомистр Лейпцига Вальтер Крессе, обратившийся к гостям с приветственным словом. Его сменил официальный шеф выставки, заместитель председателя Совета Министров ГДР Александр Абуш, речь которого длилась немногим более 10 минут. Затем опять вступил оркестр – “Партита Баха”. С последними звуками музыки церемония завершилась.

Из Новой Ратуши направляемся в отель “Дойчланд” на званый обед в честь руководителей делегаций социалистических стран, включая РСФСР, Украину, Армению и Эстонию. Хозяев представляют: тот же Александр Абуш, министр культуры ГДР Ганс Бенцин, начальник Главного управления печати Бруно Хайд, начальник отдела внешних сношений министерства Гельмут Дитцель, председатель Национального комитета по организации выставки Альфред Эрнст и председатель Союза книгоиздателей ГДР Клаус Гизи. В заключение все были приглашены на обед.

В 3 часа дня состоялось официальное открытие выставки с весьма краткими речами, разрезанием ленты и прочими традиционными атрибутами. В залы хлынула огромная толпа, поэтому сегодня бесполезно пытаться что-либо рассмотреть. В 8 часов вечера в помпезных залах Новой Ратуши начался большой прием от имени правительства ГДР. Были конечно и положенные в таких случаях тосты и другие традиционные номера.

3 июля – день экскурсий. Накануне выбирали маршрут поездки и, конечно, все сошлись на веймарском варианте. Я уговорил ехать не по автобану, а по окольным путям, проходящим через города и деревни. Проезжаем Маркранштедт, Лютцен (знаменитое сражение!), индустриальный Вайсенфельс, и останавливаемся на старинной центральной площади Наумбурга. Здесь длительная задержка. От рынка идем по живописным средневековым улочкам к знаменитому Наумбургскому собору (“Наумбургер-дом”), известному не только своей архитектурой, но и по деятельности, развернутой здесь Мартином Лютером. Проехав затем Апольду, прибываем в Веймар. В осмотре достопримечательностей Веймара для меня повторяются мемориальные музеи Шиллера, Гёте, Листа, “Шлос-музеум”. Но приходим и туда, где я еще не бывал. Это усыпальница Гёте и Шиллера. Их прах покоится в родовой усыпальнице веймарских курфюрстов. В подвальном склепе обширной фамиль-

ной часовни расставлено много громоздких деревянных саркофагов с прахом представителей местного курфюртского рода. А в центре два саркофага, куда был позднее перенесен прах Гёте и Шиллера.

Теперь едем в Бухенвальд, проходим через знакомые чугунные ворота, но не видим здесь и половины того, что я видел в свой первый приезд сюда. Даже место где был убит Эрнст Тельман, разглядываем сквозь щели досчатого забора. Зато на этот раз удается рассмотреть во всех деталях гигантский ансамбль на горе Этерсберг – памятник узникам Бухенвальда. На большой территории раскинулось сложное многоплановое сооружение. Сверху вниз, вдоль широкой лестницы, расположено множество застывших в камне эпизодов борьбы и страданий. Налево от нижней площадки лестницы тянется длинная каменная аллея, состоящая из отдельных монументов, каждый из которых сооружен одним из государств, пострадавших от фашизма или принявших участие в его разгроме. Далее сооружен большой каменный круг, нечто вроде гигантской чаши. Отсюда еще более широкая лестница ведет вверх, к самому центральному сооружению памятника. Оно представляет собой высокую пирамиду перед которой в различных позах стоят заключенные, образующие массовую группу.

Вечером возвращаемся в Лейпциг мимо Иены, через гигантский мост перекинутый над Тойфельстале и т.д. Этот вечер был знаменательным для меня. Sic!

4 июля в основном было посвящено Лейпцигу. Прогуливаемся по городу, входим во время службы в русскую церковь. Затем приступаем к восхождению на громаду памятника “Битвы народов”. Имея в виду, что ее высота превышает 90 метров, восхождение на вершину памятника оказались далеко непростым делом. Нескончаемо приходится взбираться по узеньким каменным ступенькам, ввинченными спиралью в теснейшую каменную трубу. Назад ходу нет, так как снизу подпирает густая нейррывающаяся толпа жаждущих

побывать на верхней площадке. Наконец мы у цели и можем любоваться сколько влезет широкой панорамой Лейпцига и ближайших окрестностей. Вниз спускаемся по другой спирали, что несравненно легче.

Теперь едем в курортный городок Гримма, расположенный между Лейпцигом и Дрезденом, в живописном тесном ущелье реки Мульда. Над шумным потоком сжатой скалами реки расположились террасы и залы ресторана, где устроители выставки дали еще один званый обед в честь гостей. По возвращении в Лейпциг посещаем Публичную библиотеку, как говорят, крупнейшую в Германии. Она и в самом деле очень велика, да еще и при ней функционирует обширный музей книги во всех ее производных (включая полиграфию).

5-го июля с утра поехали по Лейпцигу. Сперва поехали в большую полностью специализированную фабрику переплетных работ “Гроссбухбиндерай”. Осмотрели ее сверху донизу. Предприятие переплетает более 40 тысяч в день привозимых сюда из многих типографий готовых книжных блоков, но собираются довести до 70 тысяч, учитывая что в Лейпциге ежедневно выпускается 160 тысяч экземпляров книг, в том числе немало наших школьных учебников.

В тот же день группой в три человека (со мной Макар и переводчица Герасимова) выезжаем в Галле, условно говоря “в гости к Генделю”. Город довольно велик, обладает широко известным университетом, гармонично сочетаются в нем старинные кварталы с большими современными комплексами. Но главной достопримечательностью Галле всё равно остается мемориальный музей Генделя. Мы долго его разыскиваем, не к чести горожан многие не могут точно объяснить, где он находится. В общем нашли. Гендель родился в доме, расположенном разумеется в старом районе города, и прожил здесь до 20-летнего возраста, а потом безвозвратно уехал отсюда, обретя себе новую родину в Англии.

Конечно еще ходили по центральным улицам и площадям Галле. В самом центре города возвышается старинный собор, а перед ним, как и полагается, внушительный по размерам памятник Генделю. Вечером мы уже были в Лейпциге и присутствовали на небольшом званом ужине в отеле “Дойчланд”, который дал нам председатель Госкомитета МНР по печати Ахмет. Ответное гостеприимство мы оказали монгольской делегации в Москве, когда они проезжали на родину. Что касается самой выставки, то она стала традиционной, став четвертой по счету. Однако, были большие перерывы – первая состоялась в 1914 году, вторая в 1927 и третья в 1959 году. Девизом выставки стали слова Виктора Гюго – “будущее принадлежит не бомбе а книге, не войне а миру”.

В нынешней выставке участвуют 42 государства, в том числе 10 социалистических. Всего выставлено 3500 книг, более 800 графических работ и антикварная коллекция из разных стран в количестве 300 уникальных изданий. Советский Союз выставил 250 книг, в том числе 100 детских. Многие страны приняли участие в конкурсе иллюстраций. Сверх программы мы привезли 130 оригиналов книжных гравюр самого великого Фаворского.

Сейчас же после обеда я, оставшись в одиночестве, иду в кинотеатр “Капитолий” на итальянский фильм “Бокаччио-70”, длившийся три часа. В фильм входит три новеллы, по одному часу каждая. Их необыкновенная привлекательность заключалась в том, что в каждой была снята одна из мировых кинозвезд – Анита Экберг (Швеция), Роми Шнайдер (Австрия) и не нуждающаяся в представлении – Софи Лорен. Сюжет всех новелл отличался фривольностью, почти без ограничений. Естественно, у нас он не появился.

7-го июля я, всё еще в одиночестве, посвятил выставке. Очень хотелось подробнее всмотреться в лучшие образцы, в первую очередь некоторых экспонатов японского, швейцарского, западно-германского стендов.

8-го июля в 9 часов утра выезжаем в Берлин, где размещаемся в совсем новом отеле “Беролина”. Устроившись выходим в город и я заманиваю всех в “Пергамон”, который произвел в первое его посещение мною огромное впечатление.

После первого приезда в Берлин в 1962 году, город значительно застроился. Для высокоорганизованных немцев три года немалый срок. В тот же день в половине одиннадцатого вечера прямым поездом выезжаем в Москву.

Итак, 1965 год шествует вперед. Пока не описывая событий 1965 года, упомяну несколько случаев приема в Ереване зарубежных гостей. Еще в 1964 году, в теплое и уже не жаркое время года, приехали в Ереван двое коллег из Чехословакии: директор издательства “Статне накладателство красне литературе а умени”, что в переводе на русский язык означает – “Государственное издательство художественной литературы и по искусству”, впоследствии переименованное просто в “Одеон”. С директором издательства Франтишекком Нечасеком приехал также один из руководителей издательства Рудольф Лужик. Принял я их как подобает, повозил, много чего показал, и мы расстались друзьями, поддерживая в течение ряда лет контакты. К глубокому прискорбию в бурный 1968 год в Чехословакии Нечасека, верного и старого коммуниста, настолько затравили, что довели до инфаркта, закончившегося роковым исходом чуть ли не прямо на улице.

В 1965 году гостей пришлось принимать дважды. Начну с приезда гостя по линии Союза журналистов СССР, известного польского коммуниста подпольщика и крупного общественного деятеля Станислава Вроньского. В годы войны на территории оккупированной Польши он с братом были связными между нашими и польскими партизанами. С ним мы тоже подружились, и

судьба еще не раз сталкивала нас, особенно в тот период, когда он был министром культуры ПНР. Сейчас, он председатель польского союза ветеранов войны. Именно он вручил мне в польском посольстве диплом и почетный знак заслуженного деятеля польской культуры.

Кажется, осенью того же года, в теплые погожие дни, приехавшая в СССР довольно большая делегация американских газетных магнатов (пять человек) пожелала, чтобы в их маршрут включили Армению. Что ж, принял и их. В составе делегации были: руководитель – Бьюрен Мак-Кормак, вице-президент газетного концерна “Уолл-стрит джорнел”, Спендлав – владелец филадельфийской газеты “Ситизен”, Мак-Брайер – то же ряда техасских газет (его центр – Форт-Уэрт), Уайт, банкир и владелец газет в штате Миссури и пятый – некий Рейнхардт, неизвестно кто! – представленный Мак-Кормаком (кстати, очень неохотно, сквозь зубы) как опытный полиграфист, но сразу же выяснилось, что это “липа”, довольно грубо, по-американски сработанная, так как в полиграфии ничего он не смыслил. Было ясно, что он просто приставлен к группе.

Побыли они в Армении порядочно, дней пять. Повозил и показал им много – Севан, Эчмиадзинский и Гарни-Гехардский комплексы и ещё кое-что, конечно, всюду с обильными угощениями. Прощание было тёплым, если не считать, что Мак-Брайер был всё время угрюм и неразговорчив, а Рейнхардт – просто банальным “типом”. Остальные трое и, особенно, Мак-Кормак, произвели впечатление “симпатяг”. По их возвращении в США в “Уолл-стрит джорнел” была напечатана серия его статей о поездке в СССР, и Армения заняла в ней значительное место с очень тёплыми отзывами (с симпатией и довольно обстоятельно был упомянут и я). К новому 1966 году я получил от него поздравительное письмо и ответил ему тем же. Затем связь прекратилась, хотя и во время прощания в Аэропорту он мне сказал: “если Вы когда-нибудь ступите на американ-

скую землю, позвоните мне, и больше никаких забот Вы не будете знать”. Был он “большим”, миллионером, и можно не сомневаться, что краткосрочное содержание моей персоны не разорило бы его.

Вот теперь можно продолжить хронологию и перейти в 1966 год, в течение которого произошло несколько памятных событий, семейного и общего характера.

Во-первых, весной Ира завершила среднее образование и получила аттестат зрелости, который сейчас запрятан далеко в антресолях нашей московской квартиры. Все десять классов она проучилась в одной школе, без каких-либо перемещений, а именно – в школе № 55 имени Чехова. Разумеется, до осени ей был дан отдых, а о поступлении в какой-нибудь вуз в этом же году, вопрос не поднимался. Просто решили, что не к спеху, можно попытаться и в будущем году, надо хорошенько подготовиться. А после интересно проведенного лета (об этом чуть ниже), встал другой вопрос – нужно ли Ире празднично проводить своё время или лучше подыскать посильную работу. И в сентябре она поступила на работу в Государственную республиканскую публичную библиотеку им. Мясникова.

Директор библиотеки Арази Тирабян (он там и поныне, т.е. в августе 1963), с которым мы были очень близки, мою просьбу немедленно и охотно воплотил в жизнь. Затем, библиотека была расположена почти рядом с домом, и идти туда нужно было всё время по одному тротуару, не более 10 минут. И, наконец, библиотека относится к рангу культурных учреждений, и я тогда подумал, что будет хорошо, ежели Ира пойдёт по жизни именно в таком русле. Словом, стала она работать там, вначале в отделе реставрации в качестве лаборанта, а потом в кабинете музыкальной литературы, которым заведовала (тоже и поныне) наша Фира Семёнова.

Второе запомнившееся событие 1966 года – интересно проведенный отпуск, всей семьёй, в самой середине лета, в июле, когда в Ереване устанавливаются самые жаркие дни. Будучи общест-

венным председателем республиканского управления по туризму, я без всяких трудностей приобрёл три путёвки на теплоход “Днепр”, полностью зафрахтованный нашим управлением на один из летних рейсов. Путёвки были сверхкомфортабельные – на верхней палубе, одна одноместная каюта для меня, и тут же, рядом – двухместная, с обоими нижними местами, для Симы и Ирочки.

Выехали мы из Еревана в Тбилиси “на Артюше”, оттуда до Ростова поездом, там переночевали у Симиной двоюродной племянницы Юлии, а на следующий день, рано утром, разместились на теплоходе, капитаном которого случайно оказался армянин из местных – Григорян, ещё молодой и интересный (по крайней мере внешностью) человек, в пути очень с нами сблизившийся.

Отплыли. Прошли в течение дня почти весь донской участок, ночью шлюзы Волго-Донского канала, утром - небольшая остановка в Сталинграде-Волгограде (кажется, это нелепое хрущёвское переименование уже было произведено, и теперь говорят о крупнейшем историческом событии примерно так: “Сталинградская битва в Волгограде”). Маршрут “Днепра” длился 22 дня, от Ростова до Москвы и обратно. В ряде пунктов остановки делались, когда шли вверх, в других – когда шли вниз. Поскольку не помню точно, где останавливались идя вверх, а где – вниз, то перечислю, лишь где мы выходили на берег, в ряде случаев - на несколько часов с организованными экскурсиями (поджидающие к приходу теплохода автобусы, гиды и пр.). Итак, объектами экскурсий были: Волгоград, Саратов, Куйбышев (с осмотром Куйбышевской ГЭС и переходом на жигулёвскую сторону), Гольяты, Ульяновск, Чебоксары, Казань, Горький, Кострома, Ярославль, Кимры, Углич. Два дня пробыли в Москве, перед поворотом в обратную сторону.

Погода всё время была превосходная, и большую часть времени проводили на палубе, любуясь волжскими берегами. Были и две, так называемые, “зелёные остановки”, т.е. на лоне природы: где-то ниже

Костромы и в хуторе Пухляковском на Дону, где постоянно живёт писатель Анатолий Калинин. На берегу я справился о нём, надеясь повидаться со старым другом, но он оказался в отъезде. Всюду основательно поэкскурсировали, и осмотренных объектов было у нас так много, что здесь невозможно перечислить, во всяком случае повидали всё, что в этих пунктах было из наиболее достопримечательных, а иногда просто совершали прогулки по центральным улицам этих городов. Ну, женщины, впрочем и некоторые мужчины, разумеется, бегали по магазинам, даже в таком “крупном” городе, как Кимры. А некоторые только этим и занимались, часто отлынивая от интересных экскурсий, которые их абсолютно, по “большой” любознательности, не интересовали. Здесь произошло смешение двух начал – древнего, женского тяготения к приобретательству, особенно ежели за чем-нибудь стоит очередь, чем больше она, тем выше ажиотаж, и современного – непреодолимое модное хождение по магазинам, хоть без денег, просто так, лишь бы посмотреть – а что там продаётся?

В этом же 1966 году в Ереване произошло одно событие, которое, казалось бы, не имело ко мне никакого отношения, в действительности же заимело, да ещё какое! До этого времени первым секретарём ЦК КП республики являлся Я.Н. Заробян, сменивший на этом посту Товмасыана (раньше, подробности этого дела я уже упоминал). Здесь напомним, что приход Заробяна на этот пост имело для меня вполне ощутимые позитивные последствия, прежде всего, в смысле определённой реабилитации моей персоны. Во-первых, перевод из постылого ЦСУ, а самое главное – после довольно длительного перерыва, я вновь вошёл в состав ЦК КПА и, прямо скажем, благодаря поддержке Заробяна. С этого времени я полностью вошёл бы в нормальное русло, в рамках вхождения в выс-

ший эшелон руководящего актива республики, если б не мелкие подвохи пока ещё сидевшего, к моему несчастью, в кресле второго секретаря ЦК уже упоминавшегося Ованеса Багдасаряна.

И вот случилось так, что совершенно неожиданно Заробян потерпел ошеломляющее фиаско, и по своей вине, нашло на неглупого человека какое-то затмение, от чего он совершил ряд тактических ошибок в элементарной ситуации.

А дело было так. К этому времени в Армении провернулся, характерный для республики очередной цикл, и давно подготавливаемая, новая карьеристская операция внезапно взорвалась под креслом Заробяна. Итак, в один из не совсем приятных для него дней было назначено обычное плановое заседание бюро ЦК, на которое было вызвано довольно много людей, ожидающих в приёмной, когда наступит обсуждение касающегося их вопроса. Как и обычно, после того, как члены и кандидаты в члены бюро ЦК расселись по своим местам, в зал заседаний из задней двери вошёл ничего не подозревающий Заробян и занял председательское кресло. Опять-таки, как обычно, он спросил: нет ли замечаний по розданной повестке заседания. Вот тут, то второй секретарь Ованес Багдасарян заявил, что предлагает дополнительно внести в повестку ... что бы вы думали? (как сказал бы Шолом-Алейхем) – вопрос о первом секретаре ЦК. Заробян на минуту обомлел, а потом попытался обернуть это в шутку. Но не тут - то было. Чуть ли не все члены бюро всерьёз поддержали это предложение. Здесь - то Заробяном была допущена первая, и, пожалуй, решившая всё, ошибка. Вместо того, чтобы сказать – ладно, товарищи, давайте отложим (а ещё лучше – проведём это заседание по предварительной повестке – люди же созваны и сидят там в приёмной), а затем соберёмся и между собой обсудим, подробно обговорим – что случилось, и какие есть претензии, зачем же сразу ставить такой вопрос в официальном порядке,? – он поставил предложение о включении вопроса в

повестку на голосование. За внесение вопроса в повестку заседания проголосовали все (кажется, при двух воздержавшихся), и пошла кутерьма. Перед собравшимися в приёмной извинились и всех распустили.

Таким образом, началось обсуждение единственного оставшегося в повестке вопроса – “О первом секретаре ЦК”. Два дня шла потасовка на бюро, причём, за малым исключением, все вцепились в Заробяна мёртвой хваткой, без зазрения совести смешивая правду, полуправду и заведомую неправду. Движущей силой тут был чистейший карьеризм, по предварительному сговору проталкивали в кресло первого секретаря ЦК Кочиняна, конечно, заручившись с его стороны вполне конкретными обещаниями в адрес каждого.

И вот тут, на исходе второго дня, Заробян допустил вторую грубейшую ошибку, которой сам себя нокаутировал. Он поставил на голосование вопрос – быть ему или не быть первым секретарём ЦК. Вместо того, чтобы закрыть прения, заявив, что обратится в ЦК КПСС, информирует о создавшемся положении, попросит совета и т.д. и тогда вынесет этот вопрос, скорее всего с участием представителя ЦК КПСС, на окончательное решение. Как раз, это-то он не сообразил сделать.

Ну и проголосовали! И приняли решение (кажется, опять при двух воздержавшихся) – “освободить т.Заробяна от обязанностей первого секретаря ЦК КП Армении”. И в тот же день Заробян послал в Москву шифровку с извещением о своём освобождении ... решением бюро ЦК КП республики. Он даже не вспомнил о том, что освободить его может только пленум ЦК, Абсолютно беспрецедентный случай во всей практике партии. Никогда и нигде, ничего похожего не происходило.

Можно представить себе, какое впечатление произвело в ЦК КПСС сообщение Заробяна о своём собственном смещении. Не прошло и двух дней, как в Ереван срочно прибыл И.В. Капитонов,

уже тогда бывший секретарём ЦК КПСС по вопросам оргпартработы (как и поныне). Созвал он бюро, где опять произошла двухдневная катавасия. Конечно, весь Ереван в точности знал, что там происходит, буквально, час за часом. А на третий день Капитонов созывает закрытый пленум ЦК КПА (я уже был членом ЦК и присутствовал на нём) и без открытия заседания, проведения обычных процедур и т.п., сам просто взошёл на трибуну, и заявил, что он приехал сообщить, что решением ЦК КПСС Заробян переводится в Москву и назначается заместителем министра электротехнической промышленности СССР. Вроде, только за этим он и приехал, и ни единого слова, даже намёка на то, что происходило в течение последних дней. Я, да, наверно, не только я, подумал, Господи, помилуй, что это? – наивность или элементарная глупость, – неужели он не понимает, что всё всем известно, и получается неприличный обман членов ЦК КПА. Они его выбирали, они и должны знать, почему, вдруг, Заробян отстраняется от своей должности. Я уверен, что, ежели всё было раскрыто перед членами ЦК, его обязательно поддержали бы. Но именно этого и не хотели. Словом, подговорили заранее одного-двух членов ЦК, которые, поднялись на трибуну, и буквально парой слов заявили, что, дескать, решение ЦК КПСС нужно уважить. Потом последовало стандартное – Кто за? Кто против? воздержавшиеся? Принято единогласно (даже не смотря в зал, как всегда скороговоркой!). Капитонов продемонстрировал блестящее умение соблюдать партийную дисциплину!

И в высоком кресле воцарился Антон Ервандович Кочинян, человек с обаятельной улыбкой иезуита, с нарочито демократическими манерами, и... необразованный до невежества, не имея даже среднего образования. Вся его анкета испещрена лишь курсами переподготовки, – одпомесячными, трёхмесячными, однажды даже шестимесячными, и всё в таком же роде. Но ловко умел манипулировать хорошим знанием республики, в основном, в области сельс-

кого хозяйства, и кадров, при этом, во всех коленах. По общим знаниям и развитию, думаю, даже Товмасын превосходил его.

Поначалу мне лично это изменение в руководстве не сулило каких-либо неприятностей, но спустя некоторое время я понял, что уход Заробяна так просто мне не сойдёт. Когда-то превосходнейшие отношения с Кочиняном стали заметно скатываться по наклонной плоскости, и, в конце концов, превратились в натянутую тетиву. По совершенно непонятным для меня причинам, так как никакого повода к этому я не давал. Однажды, не удержавшись, я спросил его помощника и ближайшего поверенного Митрофана Ивановича Щетинина (Кочинян взял его в Совмин по моей рекомендации, до этого не имея о нём и понятия), что он думает об этом? Тот доверительно сообщил, что Кочиняну кто-то усиленно наговаривает на меня, дескать, я его прорабатываю (в смысле – критикую) и т.д. Чего только не стоил один Ованес Багдасарян, который и при Кочиняне оставался вторым секретарём, за большие его заслуги по устроенной Заробяну обструкции (впоследствии Кочинян - таки выставил Багдасаряна из ЦК, поняв, что тот, в великой самонадеянности, будет, или уже поставил целью, прорываться в кресло первого секретаря, и в этом он не ошибался). Были ещё несколько моих недоброжелателей, которые безусловно настраивали Кочиняна против меня. Полагаю, что не последнюю роль сыграло то обстоятельство, что я помог С.А. Мовсесяну (тогда первому заместителю Председателя Совмина, очень умному и способному человеку, ныне тоже уже покойному), которого Кочинян люто ненавидел, впрочем, как и тот - Кочиняна, издать книгу “Армения вчера, сегодня, завтра”, очень толковую, которую я же и редактировал. Эта книга, как потом выяснилось, вызвала большое раздражение у Кочиняна (как это так, не он автор такой книги!!?), и, разумеется “стрелы его ярости” были направлены и против меня. Словом, бывшая в прошлом дружба между нами разбилась вдребезги.

Вот тогда-то я твёрдо вознамерился уехать из Армении. Полюбил я республику, особенно, Ереван, действительно, прекрасный и необычайно оригинальный город, который из захудалого городка на моих глазах, и прямо скажем, не без посильного моего участия, превратился в очень интересно застроенный и полнокровный город, население которого к январю 1983 года достигло 1.100 тысяч человек. Жалко мне было покидать его ещё и ради многочисленной и милой моему сердцу родни, да и друзей, самых закадычных, тоже. Но оставаться там я больше не мог.

Поэтому, на одном из совещаний в Москве в конце 1966 года, я переговорил с моим старинным и очень близким другом – Тимофеем (Тимошей) Куприковым, работавшим в это время в ЦК КПСС заместителем заведующего Отделом пропаганды и, кстати, курировавшим Комитет по печати, чтобы он присмотрел для меня, даже не обязательно в Москве, лишь бы дело было стоящее, работёнку. Он ответил, что такой разговор, и без моего обращения, в ЦК уже был, пока в принципе, и остаётся лишь конкретизировать. Но как – он пока ничего определённого не сказал.

А вскоре пришёл к концу 1966 год и наступил 1967-й, в котором в моей служебной биографии произошёл ещё один крутой, на 180 градусов, поворот.

Но пока суд да дело, оставался я армянским функционером, никому в Ереване, даже своим родным, ни о каких своих намерениях не заикался, и находился в полном распоряжении местного ЦК во главе с Кочиняном. И вот, в самом начале года, в январе – “в студёную зимнюю пору”, в ЦК придумали поставить меня во главе армянской делегации, выезжающей в Литву, на Дни Советской Армении в этой республике. Об этом решении позвонил мне тогдашний секретарь ЦК КПА по идеологии Роберт Хачатрян. Я не преминул съязвить, что, вероятно, выбор свои они остановили на мне, потому, что никому не захотелось в трескучие морозы (кстати, в тот год так

оно и было) выехать на север. Однако, согласие я дал, хотя бы потому, что в Литве до этого не бывал, а “путешественный” зуд и романтика новых мест всегда меня одолевали. Группу фактически скомплектовал я сам. Литовцы предложили прислать шесть человек, не считая главы делегации – артистов, музыкантов и поэта. Состав я избрал такой: певцов двое – мужчину – Нара Овансяна, баса, народного артиста СССР, и женщину – Анжелу Арутюнян, лирическое сопрано, народную артистку Армянской ССР. Инструменталиста одного – скрипача Рубена Агароняна, только что окончившего консерваторию, на мой взгляд, очень способного, что впоследствии и подтвердилось – сейчас он уже – народный артист республики и лауреат нескольких конкурсов. Концертмейстеров я отобрал двух, что повергло в изумление Кочиняна – “зачем среди всего шести человек, два места отводить аккомпаниаторам, не хватит одного?”. Я объяснил, что для вокалистов и инструменталистов нужны разные концертмейстеры, и что в Литве, безусловно, не поймут нас если и певцам и скрипачу будет аккомпанировать один и тот же концертмейстер. Конечно, он всё это не был в состоянии уразуметь, слишком сложная была для него материя. А я всё же взял: для певцов – Елену Тер-Гевондян, и для Рубика – Нелли Даниэль-Бек.

Осталось выбрать поэта, и я предложил очень симпатичного мне Грачия Огансяна, и, как я понял, он тоже был доволен. Но когда мы, заранее условившись, собрались в Москве в нашем постпредстве, оказалось, что Грачия привёз с собой жену, по её решительному настоянию, как он мне объяснил. Это был крайне неприятный сюрприз, так как противоречил выставленному литовцами условию о приёме шести человек, и на такое число, а не на семерых и была запрограммирована наша декада (смета расходов, гостиница, транспорт и т.п.). Что было делать? И я придумал – представить её как прикомандированного к нам журналиста для освещения хода декады. Литовцы – народ воспитанный, и виду, конечно, не подали,

хотя за кулисами, я не сомневаюсь, это не прошло без осложнений, потребовав перестройки всего организационно-финансового дела. Когда же я стал представлять её как журналиста, она не поняла всех вызванных ею осложнений и даже обиделась, дескать, “что, разве стыдно быть женой?”. Вот и объясняй ей, что такое жена и что такое официальная делегация, которую хозяева принимают на своё содержание, для чего всё заранее и в деталях нужно бывает запланировать.

Ну ладно, так или иначе, в одно очень холодное январское утро 1967 года, мы прибыли поездом в Вильнюс. Встречавшую нас литовскую делегацию возглавлял мой коллега и отличный человек – Феликс (Феликсас) Беллускас. Ясно, что это было сделано литовцами по традиционному протоколу. Беляускас постоянно и повсюду нас сопровождал, что меня порадовало, так как мы с ним при наших частых встречах в Москве подружились. Вообще, из председателей республиканских комитетов, кроме Беляускаса, я особенно сблизился также с белорусским – Г.В. Коноваловым (к сожалению, ныне покойного), не говоря уж о грузинском – Мамия Мегрелишвили, о котором впереди кое-что ещё будет сказано.

Прямо на Вильнюсском вокзале был устроен небольшой митинг, со всеми атрибутами – пионерами, подношением цветов и т.п. (как и во все последующие дни, впереди всех постоянно болталась жена Оганесяна, первая принимала цветы, впереди всех входила повсюду, отталкивая даже трёх наших “официальных” дам, занимала самое видное положение перед объективом, так что, во всех публикуемых в литовской прессе фотографиях, посвящённых нашим дням, прежде всего, бросалась в глаза её персона, ну, и т.п.). На вокзале и состоялось моё первое выступление в Литве, ставшее бессчётным во весь период пребывания в гостях.

Затем мы разместились в гостинице “Неринга” в центре литовской столицы, и прямо с ходу, повезли нас в телецентр, где приши-

лось мне, не переводя дух, экспромтом выступить по литовскому телевидению. Не ведаю, что получилось, только упрекнул Беляускаса за то, что заранее не предупредили по телефону, либо дали хоть пару часов здесь для подготовки.

А вечером вся делегация была приглашена в оперный театр. Расположили всех (и жену Огансяна) на сцене, поприветствовали и предоставили мне слово. Выступал я перед микрофоном, установленным прямо на коврик, у рампы, без всяких трибун (никаких столов для президиума и прочее тоже не было, на расстеленном большом ковре были расставлены в два ряда кресла, где все и расселись, ничем не заслонённые от зрительного зала). Поэтому, о каких-либо записях для выступления не могло быть и речи, да их у меня и не было. Конечно, мне вовсе не трудно было рассказывать об Армении без всяких бумажек. О превосходно, во всех деталях, мне известной и любимой республике я мог так просто рассказывать часами. Так было и здесь, и повсюду, и, как мне говорили литовцы, это производило отличное впечатление. А наша группа, вообще, была в восторге, говорили, что многое, о чём я рассказывал, было и им очень интересно послушать, и что, по сравнению с другими их выездами (все они, кроме Рубика, были, в этом деле отнюдь, не новички), никогда не чувствовали себя так спокойно и уверенно. Не забыть упомянуть, что после моего выступления состоялся “гвоздь” программы – выступление наших артистов. Все это передавалась по литовскому телевидению.

После Вильнюса поехали мы на север, в небольшой гордочек – районный центр Укмерге. На границе района, прямо на заснеженной дороге и при трескучем морозе (литовцы уверяли, что такой холодной и снежной зимы не упомнят), нас встретила делегация тружеников района во главе е председателем райисполкома, с традиционной хлебом-солью. Отведали (Рубик, по-видимому, так проголодался, что отхватил огромный кусище хлеба), обменялись краткими

приветствиями и тронулись дальше. В тот же вечер в районном доме культуры повторилась та же программа – сперва я, потом артисты. На следующий день принимали нас в местном, как объяснили, очень богатом, колхозе. Вечером второго дня состоялся весьма обильный банкет со множеством незнакомых нам национальных блюд, с участием высшего районного актива во главе с первым секретарём райкома партии (который, кстати, всюду нас сопровождал, и, вообще, был весьма обаятельный человек).

После Укмерге двинулись на Паневежис. Это уже один из значительных центров Литвы – небольшой, но хорошо обустроенный и уютный городок. Речка, с бульварами по берегам, великолепный закрытый спортивный комплекс, знаменитый театр, связанный с именем Донатаса Баниониса. Это – экскурсионные объекты, плюс крупнейший в республике стекольный завод с новейшей технологией и разнообразным ассортиментом. Выступление на вечерней встрече в Паневежисе я поручил Грачику Оганесяну, который в общем кое-что сумел рассказать, но небезупречно, мягко выражаясь, с точки зрения русского языка. Ну что ж, мы же приехали не из России, да и многие литовцы и того не смогли бы сказать по-русски. Как и обычно, состоялся концерт, потом – банкет и т.п., по-прежнему с участием высшего эшелона городских властей.

На следующий день выехали в направлении Каунаса. Думаю, что в градостроительном плане он превосходит Вильнюс. Хорошая планировка, солидная застройка и, наконец, Неман – полноводная и полноценная (т.е. судоходная) река, чего в Вильнюсе нет. День провели в экскурсиях – коллекция Чюрлёниса, выставка скульптур и современных витражей (искусством которых литовцы, кажется, превзошли всех) в бывшем соборе, печально знаменитый 9-ый форт, на окраине города – бывшая каторжная тюрьма. В одной из камер на стене прикреплен билетик, свидетельствующий о том, что здесь отсидел 4 года, в условиях жесточайшего режима, наш попечитель в

поездке – Феликс Беляускас, бывшим в период буржуазно-фашистского режима первым секретарём подпольного ЦК комсомола Литвы.

Вечером, в оперном театре, ничем не уступающем столичному, бывшему, разумеется (сейчас в Вильнюсе отстроен просто-таки грандиозный театр), вновь моё выступление и концерт. Должен отметить, что наши артисты в гостях превзошли себя, особенно Нар Оганесян. Точно так же отлично выступали и другие. Концерты неизменно пользовались большим успехом. Не думаю, что устраивая почти овации и говоря нам об этом, литовцы просто льстили нам. По возвращении в Вильнюс меня с Грачиком пригласили в Союз писателей Литвы. На встрече с литовскими писателями, где председательствовал Эдуардас Межелайтис, мы довольно обстоятельно побеседовали. На прощание каждому из нас они подарили альбом акварелей Чюрлёниса, где каждый рисунок сопровождается специально написанным к нему стихотворением Саломеи Нерис. На форзаце альбома поставили свои автографы многие литовские писатели.

Перед отъездом из Литвы нам был дан обед на высочайшем уровне. Приехали первый секретарь ЦК КП Литвы Снечкус, председатель Совмина Баракаускас, министр культуры и др. Тосты и речи не помешали сохранить простую, непринуждённую обстановку. Снечкус сказал, что Дни культуры Армении прошли, по общей оценке, на высоком уровне, и поблагодарил нас. Мне он подарил альбом с пейзажами Литвы и с очень тёплой дарственной надписью, где есть и такие слова – “...Вы обогатили наших людей”. Снечкуса уже нет в живых, это был выдающийся и весьма почитаемый человек, поэтому этот альбом мне особенно дорог. По возвращении в Ереван я опубликовал в газете “Коммунист” подвальную статью о нашей поездке в Литву, кажется, под названием “В стране друзей”.

Проездом через Москву я опять говорил с Куприковым, и сказал ему, что непрочь занять, как мне стало известно, вакантное место директора издательства “Машиностроение”, на что он реагировал следующим образом: “Зачем тебе это, что ты не заслуживаешь большего?”. Вскоре я узнал, что речь шла о должности заместителя председателя Комитета по печати СССР, в связи с уходом с этой должности К.М. Боголюбова, взятого в ЦК первым заместителем К.У. Черненко, который в это время был лишь заведующим Общим отделом ЦК КПСС.

Однажды, в первой половине марта 1967 года, когда я ничего не ведая, сидел в своём кабинете в Комитете по печати, по правительственной “вертушке” раздался звонок. Это соизволил позвонить Кочинян, который с нескрываемым удивлением в голосе “молвил”: “только что позвонил по “ВЧ” Пётр Нилович (это, стало быть, Демичев, тогда секретарь ЦК КПСС, курировавший Комитет по печати) и сказал, что тебя представляют на должность заместителя председателя Комитета по печати СССР”, а дальше пробормотал что-то вроде – “что же ты ничего не говорил, и зачем это нужно...” и т.д. и т.п. Я ответил, что принял твёрдое решение уехать из Армении, поэтому прошу – не вздумай помешать мне. На это он продолжил своё несвязное бормотанье, из которого я понял, что Демичев не спрашивал согласия, а лишь информировал о том, что моя кандидатура уже пошла на голосование.

Действительно, через два-три дня мне позвонил из особого сектора ЦК КПА один из застрявших здесь товмасыновских прохиндеев, имени которого даже называть не хочется. Он передал распоряжение своего шефа о том, чтобы я захал в ЦК и ознакомился с касающимся меня документом. “Документом” оказалось постановление Политбюро ЦК КПСС о моём назначении на вышеупомянутую должность, за подписью самого Брежнева. А ещё через день-два пришло постановление Совета Министров СССР о том же (так назы-

ваемое “оформление в советском порядке”) за подписью Косыгина, причём один экземпляр этого постановления уже был адресован мне персонально и поныне хранится в моём личном архиве.

Итак, свершилось! Почти через двадцать лет (уточняя: девятнадцать лет и пять месяцев) пребывания в Армении, меня возвратили в Москву, и довольно почётным образом. Не откладывая, я поспешил в Тбилиси, попрощаться с моей родной семьёй. Рита была искренне огорчена тем, что я вновь отдаляюсь от “родного дома”,

Карик был рад, как оказалось, наш переезд в какой-то мере (правда, незначительной) совпадал с его личными планами (впоследствии счастливо завершившимися), а бедная мама вообще ничего не поняла, ввиду своей болезни.

Не помню, по какому поводу, но абсолютно точно, перед отъездом из Еревана я оказался в ЦК у Кочиняна. Там речь зашла о моём преемнике. Я предложил Айкарама Утмазяна, проректора Университета, в прошлом партработника. Поскольку, очевидно, было сочтено, что я в некотором роде представляю теперь руководящую инстанцию той же системы, моё предложение было принято. Но выехать мне сразу не удалось. Сложилось так, что не на кого было оставить Комитет. Первого заместителя Мхитара Давтяна чуть ли не накануне назначили директором театра имени Сундукяна, а другой заместитель, строптивейший Егиш Оганесян, вечно обиженный тем, что его, якобы, постоянно обходят, категорически отказался от “временного” возглашения Комитета. Моя задержка с выездом вызвала звонок председателя союзного Комитета Н.А. Михайлова (о нём всё ещё впереди), который с нарочитым юмором спросил, — когда я собираюсь спуститься с сияющих вершин Арарата. Тогда я позвонил Кочиняну и попросил принудить Оганесяна принять Комитет, что и было сделано. Наверно Кочиняну не терпелось, когда

я уберусь из Еревана, много лет я был его ходячей совестью и он не чаял, как скинуть с себя, полагаю, – всё же мучившее его бремя.

Остаётся отметить ещё два момента. Моих друзей и доброжелателей, смею думать, они представляли подавляющее большинство актива (это нашло тысячу подтверждений в последующие годы), искренно огорчил мой отъезд, а завистники и недоброжелатели (утверждаю с уверенностью, что они были весьма немногочисленны), чуть ли не лопнули от зависти и злобы. Не того они хотели для меня, а я явно ускользал от них, и не просто ускользал, а становился недосыгаемым, ведь в Ереване они пытались делать мне мелкие гадости.

Уже в Москве я получил письмо от очень любимых мною и любивших меня Мартироса Сергеевича Сарьяна и его супруги Люси Лазаревны (Лусик Газаросовны). Говорю о том, что они тоже любили меня не голословно, у меня хранится несколько писем Мартироса Сергеевича, которые он неизменно заканчивал словами “Я очень люблю тебя”. В своём письме они выразили в мой адрес необычайно тёплые чувства, сообщив, что с опозданием и с большим огорчением узнали о моём отъезде, а Люся Лазаревна ещё и добавила несколько гневных слов в адрес “тех руководителей республики, которые отпустили меня”, и пригрозила, что они с Мартиросом Сергеевичем “ещё рассчитаются с ними” (что, как я впоследствии узнал, решительным тоном высказали Кочиняну). Большой и публичный шум устроил председатель Президиума Верховного Совета республики (академик) Нагуш Арутюнян, который ко времени случившегося со мной события отсутствовал. Говорят он буквально орал на Кочиняна – как смел он запросто отпустить меня. Кстати, отпустили не “запросто”, а, приличия ради, удостоили второй Почётной грамотой Верховного Совета Армянской ССР (первую я получил в связи со своим пятидесятилетием в 1963 году).

И ещё один момент. Во время первого телефонного разговора со мной Кочинян сказал: “Ну, пока не будем предавать огласке это дело”, и я согласился с ним. Но через пару дней, ещё до получения решения Политбюро, он сам же разгласил. Дело было так. Предстояли выборы в Верховный Совет республики, о чём уже было опубликовано соответствующее извещение. На бюро ЦК началось рассмотрение списка кандидатов в депутаты. Естественно, что обсуждение началось с руководителей республиканских учреждений. Когда очередь дошла до моей персоны, Кочинян вдруг, неожиданно для всех, заявил, что моя кандидатура отпадает, в связи с переводом на работу в Москву. Только тогда все и узнали об этом. Тут же кинулись к телефону двое – второй секретарь ЦК Георгий (для меня - Жора) Арташесович Тер-Газарянц (нынешний посол СССР в Зимбабве) и заведующий отделом парторганов Альберт Степанян (бедняга умер ещё сравнительно молодым). Раздались вопросы: что? как? зачем? Ну это были ребята толковые, им не пришлось подробно объяснять, сами всё поняли. А членом ЦК КПА я ещё оставался даже в то время, когда был уже в Москве, т.е. до следующего съезда компартии республики.

Вот собственно и всё. На этом и закончилась моя, затянувшаяся почти на двадцать лет, армянская эпопея.

С тех пор прошло немало лет, но Армения постоянно и живо меня интересует. Какую-то информацию я получаю через неизменно выписываемую мною газету “Коммунист”, Успехи республики меня радуют, неудачи огорчают. Даже спортивные дела в республике постоянно находятся в центре моего внимания, к примеру, за футбольную команду “Арагат” я болею, уверен, не меньше, чем самые заядлые болельщики Армении. Никакого зла на армянские перетряски я не затаил, да и стоящих оснований для этого у меня нет.

Сожалею лишь о том, что почти не доводится ездить в Армению. За ряд лет довелось побывать лишь трижды, да и то приезжал на пару-тройку дней, в последний раз летом 1976 года (эти поездки я ещё опишу). Стало-быть, к моменту, когда я сейчас описываю, прошло уже семь лет, как не видел я Армению и Ереван, крайне мне не безразличны.

В один из дней последней декады марта 1967 года я выехал поездом в Москву, оставив пока родную семью в Ереване. Имелось в виду забрать их в Москву, когда мне будет предоставлена квартира в стольном граде. Пока же Сима стала распродавать и раздавать те предметы из нашего имущества, которые мы решили не брать с собой в Москву.

На Ереванском вокзале меня вышла провожать такая огромная толпа людей, что, казалось, происходит какой-то массовый митинг. Объятия, поцелуи, и поезд медленно двинулся, увозя меня из очень полюбившегося Еревана. Эх, Кочинян, Кочинян, ведь он, и в самом деле, мог многое сделать, чтобы я не покинул Армению. Однако, как говорится, никогда и ни о чём жалеть не следует. Тем более, что в Москве у меня всё сложилось очень даже неплохо.

Начался ещё один новый этап в моей жизни, к изложению которого перехожу со следующей главы. Естественно, что “армянская” глава оказалась самой пространной во всей моём жизненном пути. Это были наиболее зрелые и продуктивные годы, какими являются в жизни каждого человека.

Приехал я в Армению в 34-летнем возрасте, полный сил и желаний, а возвратился в Москву, когда мне стало без малого 54 года, достаточно умудрённым и наученным большим жизненным опытом, распрощавшись о восторженными юношескими мечтаниями. А главное, не только сохранил в неприкосновенности свою семью, но и добавил бесконечно дорогое, пока ещё только-только развивающееся существо.

АННОТАЦИЯ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ КНИГИ Г. М. МАРТИРОСЯНА

Нам уже известно, что Г. Мартиросян приехал в Армению в 34-летнем возрасте, полный сил и желаний, а возвратился в Москву, когда ему было без малого 54 года, достаточно умудрённым и наученным большим жизненным опытом. Это произошло с помощью его многочисленных московских товарищей и доброжелателей.

В Москве Г. Мартиросяну предложили высокий номенклатурный пост заместителя председателя Государственного комитета по издательству, полиграфии и книжной торговле. Он вошел в состав ответственных советских чиновников тогдашней элиты.

Тогда пост председателя Госкомиздата занимал Николай Михайлов, один из основных кадровых работников страны, бывший, первый секретаря ЦК комсомола, бывший министр культуры СССР, бывший посол СССР в Польше и Индонезии. По словам Г. Мартиросяна – жизнь избаловала его, человека с семилетним образованием, превратила его в барчука, которому все дозволено.

Но этот „барчук” хорошо знал Г. Мартиросяна бывшего второго секретаря ЦК Компартии Армении, умелкого руководителя Госкомиздата Армении и всячески старался, чтобы его новый заместитель полностью проявил свои знания и организаторский талант на новой работе.

Г. Мартиросян свидетельствует, что Н. Михайлов в течение ряда лет, используя аппарат Госкомиздата, направлял в ЦК КПСС всевозможные предложения и программы, которые не получали поддержку и игнорировались. Он постоянно просил приема и личной встречи с высшим руководством страны, но его просьбы отклонялись. Такая обстановка длилась три года. Наконец, это возмутило руководство ЦК КПСС и его пригласил на прием весьма влия-

тельный второй секретарь ЦК КПСС М. Суслов, изрядно потурил и предложил подать заявление об оставке и уходить на пенсию.

В мае 1989 г. на пост председателя Госкомиздата СССР был назначен Борис Иванович Ступакин, заведующий отделом ЦК КПСС, по оценке Г. Мартияосяна – человек с выдающимися способностями, весьма образованный и порядочный руководитель. Вот тогда полностью раскрылся организаторский талант Г. Мартиросяна и пригодились его энциклопедические знания. С этим толковым человеком он работал в течение пяти лет.

За эти годы Г. Мартиросян десятки и сотни раз организовывал книжные выставки и различные совещания в союзных республиках, социалистических и других дружественных странах, постоянно выступал с докладами и лекциями, честно и откровенно отвечал на многочисленные вопросы слушателей. Он активный пропагандист выдающихся достижений СССР в экономике, науке и технике, умно устанавливал дружественные связи с зарубежными культурными центрами и их руководителями.

Туризм, познание мира и окружающей среды страсть Г. Мартиросяна, его обширные знания весьма пригодились во время туристических поездок.

И вот осуществляется его мечта. „В этот год (в августе 1984 г.)-, пишет Г. Мартиросян, - на мою долю выпало прямо-таки счастье из тех, которые не забываются всю жизнь-поездка в Венецию. Она была связана с проведением в этом фантастическом городе всемирной конференции ЮНЕСКО. Советскую делегацию возглавила министр культуры Екатерина Алексеевна Фурцева (Грант Мартынович вошел в состав делегации как постоянный член Советского комитета по делам ЮНЕСКО, в котором представлял Госкомитет по печати). „Из Москвы, - пишет Г. Мартиросян, - вылетели прямым на Париж, где нас ждали представители Советского по-

сольства, которые повозили по Парижу, организовали изысканный обед в ресторане, который нависал над Сеной. Затем делегация вылетает в Венецию тоже прямым рейсом Париж-Венеция. Пролетели над вершиной Монмблана и вечером прибыли в сказочный город. Начались поездки по воде, на больших и малых плавающих средствах. Приплыли к главному острову и стали размещаться в гостинице. На другой день состоялась поездка на острова Мурано, Бурано, за ним-Торчелла. На этой и всех последующих экскурсиях делегацию сопровождал великолепный знаток итальянского искусства и языка, директор издательства и талантливый художник Владимир Горянинов.

24-го августа на острове Сан-Джорджо началась конференция ЮНЕСКО. Этот остров является частной собственностью графского рода Чини. Торжественное открытие конференции состоялось ни где-нибудь, а прямо в самом парадном зале Полаццо Дукале, во Дворце дождей. В промежутках между выступлениями отличный камерный оркестр исполнял старинную музыку, были исполнены "Маленькая ночная серенада" Моцарта и "Менуэт Боккерини".

25-го августа во дворце графа Чини, на острове Сан-Джорджо начинается заседание конференции. В этот день состоялось пленарное заседание, так называемая "общеполитическая дискуссия", где выступала Е. А. Фурцева.

В ходе конференции выяснилось, что при всех голосованиях американцы оставались в меньшинстве (по какой-то случайности их делегация тоже возглавлялась дамой). 26-го августа делегация на катерах переправилась на Сан-Джорджо, для участия в очередном заседании. Когда наступил час обеда, министр культуры Объединенной Арабской Республики Окашей пригласил нас в ресторан. После вечернего заседания делегации были приглашены на концерт старинной музыки в церкви Сан-Джорджо.

”Однако, - пишет Г. Мартиросян, - из состава Советской делегации на концерт поехал один, остальные собрались в апартаментах Е. А. Фурцевой и принялись за очередную безудержную попойку обычно затягивающуюся до глубокой ночи. Никакая Венеция и ничто иное их не привлекало. В связи с чем Т. Мартиросян пишет, что надо воздать Е. А. Фурцевой должное, она делала для меня исключение, позволяя всем остальным участвовать в неуменных возлияниях...

28 августа в первые между утренним и вечерним заседаниями, Г. Мартиросян наконец попадает в Академию. С ним вместе пошел туда министр культуры Монголии Сосорбарам, образованный и обаятельный человек. Между ними завязалась прочная дружба на многие годы.

Под вечер того же дня, во дворце Чини на острове Сан-Джорджо, тогдашний генеральный директор, француз Рене Майе, устроили прощальный прием для всех делегаций с большим угощением по системе „а ла фуршет”, что дает возможность не сидеть на местах а общаться с соседями с права и слева. Е. А. Фурцева блестяще использовала это, поговорив и полюбезничав со многими десятками людей, выбирая нужных.

29 августа с утра началось заседание комиссий. Но до обеденного переыва прибежал в зал один из сопровождающих Е. А. Фурцеву и сказал, что весь состав делегации министр культуры просит явиться к причалу на Сан-Джорджо. На причале собралась вся советская делегация, а также министр культуры Болгарии Павел Матев и министр культуры Монголии Сосарбар. Все собравшиеся влезли в довольно вместительный катер и отчалились. Куда едем? — обратились к Е. А. Фурцевой. Отвечает: скоро узнаете. Все стало ясно, когда увидели качающийся невдалеке огромный белоснежный теплоход под советским флагом, а на борту красовалась надпись

„Аджария”. Советский лайнер был зафрахтован какой-то туристической фирмой и совершал круизы по Средиземному морю. В этот день утром, он пришел в Венецию, высадил туристов, закончивших круиз, и под вечер должен был принять новую партию. А пока на теплоходе оставался только советский экипаж. Каким-то образом об этом известили Е. А. Фурцеву и она решила со своей командой вступить на „родную почву”. Приняли их с большим радушием. Е. А. Фурцева сразу же заявила, что делегация будет обедать у них, и чтобы обязательно был настоящий флотский борщ. Обед состоялся в кают-компании. Фурцева посадила рядом с собой молодого капитана и стала намеренно спаивать его. Капитан явно робел перед министром и одновременно дамой и покорно приглатывал все, что Фурцова ему подносила. А уже она старалась изо всех сил. Да и других не забывала. ”Как всегда, - пишет Г. Мартиросян, - лишь я составлял исключение.

Финал был такой: капитана унесли чуть ли не на руках, министр культуры Украины и министр культуры Болгарии снесены в катер на руках в состоянии полного бесчувствия. Сама Фурцева повисла на чьих-то руках, кое-как передвигала ноги, остальные же и составили процессию полуобалдевших теней.

30 августа был воскресный день, заседаний не было. С самого утра на микроавтобусе советского посольства отправились в самый значительный из ближайших Венеции городов в древнюю и прославленную науками и искусством и выдающимися деятелями Падуою. Падуанский университет-самый старый в Европе, основан еще XII веке. Главный шедевр Падуи-капелла Скровени, все стены расписаны самим великим Джотто. Это самое знаменитое творение прославленного мастера, предтечи Ренессанса. В строго симметричном порядке Джотто изобразил сцены из Ветхого завета, решительно все, от начала до конца.

Первого сентября вечером опять состоялся торжественный прием, теперь уже прощальный, в Палаццо Реджонико, тоже на „Канале Грандо».

Второго сентября, после обеда был назначен отъезд в Рим. Возвратились в Рим поздно ночью.

”Весь день третьего сентября, - пишет Г. Мартиросян, - я без усталости буквально „вкусал” Рим. В этом помог кировобадский /Гянджа/ земляк и дальний родственник, работник посольства СССР, на все время предоставивший свою автомашину”.

Г. Мартиросян с удовольствием осмотрел собор святого Петра, не упуская никаких деталей. Затем пришла очередь Ватиканского музея с его грандиозной коллекцией полотен и скульптур. Тут же Сикстинская капелла и много чего другого.

Вечером состоялся прием на вилле Абамелик, принадлежащей советскому посольству. История виллы такова: еще в дореволюционные годы богатый петербургский армянин Абамелик приобрел в Риме целый холм с сооруженным на нем старинным дворцом и другими постройками, окруженным огромным тенистым парком. После революции своим завещанием он подарил этот великолепный комплекс советскому правительству. С тех пор вилла Абамелика стала местом торжественных приемов, даваемых советским посольством. Прием был церемониальный, с ливрейными лакеями.

Четвертого сентября делегация самолетом вылетела в Париж. Приехали на авеню Дюкен, где были заказаны места для делегации. Здесь нам дали изысканный ужин, который сопровождался выступлениями испанских и южноамериканских артистов, певцов, танцоров.

К завершению ужина за Г. Мартиросяном заезжает Марат Харазян с женой. Марат был хорошим знакомым нашего мемуариста и работал в ЦК КП Армении, теперь же он работает в посольстве

СССР в Париже, занимается в основном делами армянской колонии во Франции.

Вдоволь с Маратом поехали по вечернему Парижу, пару раз посидели в ночных кафе.

На другой день после завтрака вновь приехал Марат к Г. Мартиросяну. Отправились прямо на авеню дез-Инвали, где расположен музей Родена. В середине этого дня, пятого сентября 1970 г. покинули Париж и в этот же день прибыли в Москву. Г. Мартиросян долго осмысливал все то, что увидел на этой удивительной поездке.

Через двадцать дней Г. Мартиросян выехал за границу, на этот раз в Венгрию. Поводом для поездки послужило очередное заседание смешанной советско венгерской писательско-издательской комиссии. Он представлял Комитет по печати СССР. Венгрия и Будапешт произвели на него богатейшие впечатления. Последним пунктом этой интереснейшей поездки был город Эстергом, прославленный своим собором, местопребыванием главы венгерской церкви. Кстати, Эстергом был тем пунктом, который в позднее средневековье стал центром армянской колонии в Венгрии. Двух –трех потомков этих армян Г. Мартиросян позже встретил в Венгрии при различных обстоятельствах. Они сообщили, что недавно было отмечено трехсотлетие поселения армян в Будапеште. 30 сентября 1970 г. Г. Мартиросян вернулся в Москву. Вскоре, после долгого ожидания, он получил добротную квартиру в Москве, на фрунзенской набережной /дом 40, кв. 202/. Этот дом, построенный в сталинские времена, отличается вполне нормальными габаритами, не идущим и ни в какое сравнение с кошмарными хрущевскими каморками.

Наступил 1971 г. Первая поездка этого года состоялась в феврале. Поводом послужило решение ЦК КПСС, регулирующее выпуск ведомственных изданий. Для его разъяснения и внедрения в практику издательского дела все разъехались по республикам и облас-

тям. На долю Г. Мартиросяна, естественно, выпали Грузия и Армения, что по его признанию, доставило ему нескрываемое удовольствие.

Вместе с ним в Тбилиси поехал его помощник, давно уже ставший добрым товарищем – Филипп Базейкин. Провели совещание руководителей и Грузии, выпускающих свои издания.

В Тбилиси многочисленные друзья и товарищи очень тепло и радостно приняли Г. Мартиросяна. Затем, его многолетний шофер Артюша, друг его семьи, отвозит его в Ереван. "И вот, – пишет Г. Мартиросян, – мы проехали Иджеванско-Дилижанское ущелье. Перевалили через Семеновские высоты, проскочили мимо Севана и спустились в ставший мне родным самым любимым из городов – Ереван". На Ереван Г. Мартиросян оставил большую часть отведенного на командировку времени. Разместили Г. Мартиросян а в правительственных апартаментах гостиницы „Армения». В отличие от Грузии, где совещание было устроено в помещении. Комитета по печати, в Ереване оно было созвано в зале заседания ЦК Компартии Армении, с участием секретарей ЦК. В зале Г. Мартиросян увидел многих знакомых министров и других руководителей республики, среди них было много милых его сердцу людей. Когда председательствующий секретарь ЦК Роберт Хачатрян предоставил слово Г. Мартиросяну, произошло радостное событие (я, главный редактор этой книги, присутствовал на этой встрече): собравшаяся аудитория встретила Г. Мартиросяна стоя, долгими и оглушительными аплодисментами и приветственными возгласами. Помощник Г. Мартиросяна Филипп Базейкин был буквально ошеломлен. "Вот это да, – только смог он сказать. О встрече с Г. Мартиросяна и его выступлении подробно информировала газета „Коммунист» (ныне Голос Армении) от 13 февраля 1971 г.

Вернувшись в Москву, Г. Мартиросян взял отпуск и с дочерью Ирой уехал в санатории им. Герцена. Он восстанавливал силы и энергию для новой ответственной работы.

30 марта 1971 г. открылся XXIV съезд КПСС. ЦК КПСС поручил Госкомитету по печати организовать в кулуарах съезда книжную выставку, ее организацию поручили Г. Мартиросяну.

Соорудили превосходную выставку, которая функционировала в Кремле все дни съезда. Сам Г. Мартиросян получил возможность присутствовать на всех заседаниях съезда (разумеется, за исключением процедуры выборов). Постоянно дежурить у стендов ему не приходилось, на всех заседаниях он просиживал в корреспондентских ложах, приходя на выставку лишь в перерывы между заседаниями. Автор этих строк тоже был избран делегатом XXIV съезда КПСС из Армении. Я тогда искал новые книги по научному управлению экономикой, политикой и социальными процессами. Во время поисков книг я вдруг увидел Г. Мартиросяна и бросился к нему. Нашей радости не было конца.

Естественно, он пригласил меня, после вечернего заседания заехать к нему домой. Я с удовольствием согласился. И вот, дежурная служебная машина везет меня к моему кумиру.

За хорошим столом, с армянским коньяком мы беседовали до полуночи. Это была моя последняя встреча с этим изумительным, истинно-божественным человеком.

Думаю, что мемуары Гранта Мартыновича Мартиросяна „По велению разума и правды” будут достойно оценены всеми его читателями.

Главный редактор книги – С. М. Хачатрян.

СПРАВКА

О СЕМЬЕ Г. М. МАРТИРОСЯНА

1. Родители Г.М. Мартиросяна родились в Г. Гяндже, в 20-годах XX в. Переехали в Тбилиси, в 60-годах скончались и захаронены на кладбище Сабуртало.

2. Грант Мартынович Мартиросян родился 07.07.1913 г. в Тифлисе, скончался 12.07.1998 г. в Москве, урна с прахом установлена на Кунцевском кладбище.

3. Жена Г.М. Мартиросяна – Серафима Андреевна Хлебникова (Мартиросян), родилась 07.04.1916 г., скончалась 20.10.2000г. в Москве, похоронена на Щербинском кладбище.

4. Дочь Г.М. Мартиросяна Мартиросян (Флджян) Ирина Грантовна, родилась 25.07.1949 г. в г. Ереване. Скончалась 31.10.2013 г. в Москве, урна с прахом установлена на Кунцевском Кладбище.

5. Муж Ирины – Левон Гургенович Флджян, родился в Ереване, 07.02.1947 г., проживает в Москве.

6. Внук Г.М. Мартиросяна (сын Ирины и Левона) Михаил Леонович Флджян, родился 04.03.1980 г. в Москве, проживает вместе с отцом.

ГРАНТ МАРТИРОСЯН

ПО ВЕЛЕНИЮ РАЗУМА И
СПРАВЕДЛИВОСТИ

(воспоминания)

Коректор Саркис Хачатрян
Компьютерное оформление Арменуи Марангозян
Издатель Левон Мурадян

Подписано к печати 20.03.2018
Тираж 110 экз.

ՀՀ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԶԳԱՅԻՆ ԱՎԱԴԵՍՄԱ
ՊԱՏՄԻԹՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ НАН РА
INSTITUTE OF HISTORY OF NAS RA

ՀՀ, 0019, Երևան, Մարշալ Բաղրամյան պող. 24/4
РА, 0019, Ереван, пр. Маршала Баграмяна 24/4
24/4, Marshal Baghramyan ave., 0019, Yerevan
<http://www.academhistory.am>

P II
658291